МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»

НАУКА и ПРОСВЕЩЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ДНИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

СБОРНИК СТАТЕЙ VIII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 30 ОКТЯБРЯ 2026 Г. В Г. ПЕНЗА

ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2026

УДК 001.1
ББК 60
Д54

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

Д54
ДНИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2026. – 228 с.

ISBN 978-5-00268-762-6

Настоящий сборник составлен по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции «**ДНИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ**», состоявшейся 30 октября 2026 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026
© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-00268-762-6

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:
Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук
Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Оробец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 9

TAXONOMIC STRUCTURE AND ECOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ZOOPHYTOPHAGOUS INSECTS IN WHEAT AGROCENOSES
YANGIBAYEVA NILUFAR SAPARBAY QIZI 10

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ 13

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ В ЗОНЕ РЕЗАНИЯ НА ШЕРОХОВАТОСТЬ ОБРАБОТАННОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПРИ ЧИСТОВОМ ТОЧЕНИИ СТАЛИ 45
ВОЙТЕНКО ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ 14

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНЖЕНЕРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ
ЖУРАЕВА КАМИЛА КОМИЛОВНА, АЗИМОВ ШЕРХОН УКТАМОВИЧ 18

ВЛИЯНИЕ ТОЛЩИНЫ СТЕНКИ СТАЛЬНОЙ ТРУБЫ ТРУБОБЕТОННЫХ СТОЕК НА УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТА С БЕТОННЫМ ЯДРОМ
СНИГИРЕВА ВЕРА АЛЕКСЕЕВНА, УСОВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ 21

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА СТРУКТУРНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ЛАПШИНА МАРИНА ЛЕОНИДОВНА, ЗОЛОТУХИНА ОКСАНА ОЛЕГОВНА,
НЕСТЕРЕНКО ИРИНА ПЕТРОВНА 25

ПОГРУЖНОЙ ГИДРОЦИКЛОННЫЙ СЕПАРАТОР МЕХАНИЧЕСКИХ ПРИМЕСЕЙ С ЩЕЛЕВЫМ ФИЛЬТРОМ НА ВХОДЕ ДЛЯ УЭЦН
ЯКУПОВА ЛИАНА ГАЛИЕВНА 29

ОПТИМАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ: ОТ ПОСТАНОВКИ К РАСЧЁТУ
ЛАПШИНА МАРИНА ЛЕОНИДОВНА, СОКОЛОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА,
СИДОРЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ 33

ВСТРОЕННЫЕ КОМАНДЫ ОЧИСТКИ НАКОПИТЕЛЕЙ: ЗАЯВЛЕННЫЕ ГАРАНТИИ И ГРАНИЦЫ ПРОВЕРКИ
ГОСТИЩЕВ СТАНИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, БАСАРАБ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ 37

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ РЕГЛАМЕНТА ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПАРКА КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ
ДАВЛАД МАРИНА ЮРЬЕВНА, САХАРЧУК ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА 41

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ ЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПЛАВАТЕЛЬНОГО БАССЕЙНА ДЛЯ УСЛОВИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ПЕТРУК ДАНИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, СПИРИДОНОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА 49

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ РИДИАЦИОННОЙ, ХИМИЧЕСКОЙ И БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ТУШЕНИИ ПОЖАРОВ НА ХИМИЧЕСКИ ОПАСНЫХ ОБЪЕКТАХ
ЛУЗГИН ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ 54

СРАВНЕНИЕ МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ БАЗЫ ЗНАНИЙ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОИСКА В РОССИЙСКИХ КОРПОРАТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ
ЛАПШИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ШЕРРИ ГЕОРГИЙ ДАНИЭЛЕВИЧ 58

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 64

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЦЗЯЦИ 65

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ 69

ИТЕРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ АДАПТИВНОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
СОБОЛЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА 70

ПРИРОДА СОВРЕМЕННОЙ ИНФЛЯЦИИ: МОНЕТАРНЫЕ И НЕМОНЕТАРНЫЕ ФАКТОРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
КОФИНК АРТЁМ КОНСТАНТИНОВИЧ, ТУКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА 74

НАЛОГОВЫЙ УЧЕТ И КОНТРОЛЬ ЭКСПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ: ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ НУЛЕВОЙ СТАВКИ НДС
ДЕМЬЯНЕНКО ЭЛЛИНА ЮРЬЕВНА 78

РАЗВИТИЕ ПРОЕКТОВ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ОБЪЕКТОВ
СОБОЛЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА 82

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ АО «АЛЬФА-БАНК» В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РОСТА
МОШНЯКОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ 85

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ТОРГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ВТОРИЧНЫХ САНКЦИЙ: ДИНАМИКА, РАСЧЕТЫ, ЛОГИСТИКА (2022–2025 ГГ.)
ЧЕРКАСОВА ВАРВАРА МАКСИМОВНА, КЛЁВИНА МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА 88

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 91

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ
ФИДОРЕНКО ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА 92

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 97

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНТРАКТА ПО ИТОГАМ ЭЛЕКТРОННОГО АУКЦИОНА В УСЛОВИЯХ НИЗКОЙ КОНКУРЕНЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
БАБАНОВА ТОЛУНАЙ АРМЕНОВНА 98

ВИДЫ РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ: КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ШВЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА 103

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ БРАЧНЫХ ДОГОВОРОВ
ГУЛИНА ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА 106

ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД
ПАРФЕНОВА ПОЛИНА РОМАНОВНА 111

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА В ИНТЕРЕСАХ СЕМЬИ
ФЁДОРОВА АЛЕКСАНДРА АНТОНОВНА 114

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ШАПОВАЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА 117

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ СПОСОБОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКА В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ РФ: АНАЛИЗ ТРЕНДОВ
ЗОЛОТАРЕВ ДАНИЛ АНТОНОВИЧ 121

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 78.1 УК РФ И ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО
ДЕЙКОВА ЕЛИЗАВЕТА ДЕНИСОВНА 124

ИСТЕЧЕНИЕ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГА В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: РАЗБОР ЧЕРЕЗ СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ
КУЗЬМИНА ПОЛИНА МАРКОВНА 128

СУД КАК ИНИЦИАТОР УСИЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ: КОЛЛИЗИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И НОРМ СТАТЬИ 237 УПК РФ
АГАПОВА АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВНА 132

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ
ЧЕРКАСОВА СВЕТЛАНА РОМАНОВНА, АВЕРЬЯНОВА ВЕРА РУСЛАНОВНА 136

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ
ИВАНОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА 141

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ
МЕЛИКЯН ОЛЬГА АРГАМОВНА 146

СЛУЧАИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕТОДЫ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ
КОЧНЕВА ВИКТОРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА, СЛАБОЖАНИНА ЮЛИЯ ГЕОРГИЕВНА 151

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ
СЕРГУН ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ 155

СПОРЫ О ЖИЛИЩНЫХ ПРАВАХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
МАТЮНИНА АНАСТАСИЯ АНТОНОВНА 161

МНИМАЯ ОБОРОНА И СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ (СТ. 108 УК РФ)
ШЕСТОПАЛОВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА 164

ПРИРОДА И СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА
КУВАЕВА САИДА АСКЕРОВНА, УДЫЧАК ФАТИМА НУРБИЕВНА 169

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 172

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ПОСРЕДСТВОМ ОПЫТНОЙ РАБОТЫ
ЛАЗУКИНА ТИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА 173

ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ В ФОРМАТЕ ОНЛАЙН У ПЕРВОКУРСНИКОВ
АЛПАТОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, АЛПАТОВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА 177

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРКЕСТРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЫКАНТА-ТРОМБОНИСТА
ЛИНЬ ВЭЙКАН 180

РАЗВИТИЕ «МЯГКИХ НАВЫКОВ» (КОМАНДНАЯ РАБОТА, КОММУНИКАЦИЯ) У МЕНЕДЖЕРОВ-ЛОГИСТОВ ПОСРЕДСТВОМ ИГРОВЫХ СИМУЛЯЦИЙ
КОФИНК АРТЁМ КОНСТАНТИНОВИЧ, ТУКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА 184

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МОНИТОРИНГА ТРЕНИРОВОЧНОЙ НАГРУЗКИ В СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ
РЫЖИКОВ НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ, УНГЕР ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ 187

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
КЛЫЧЕВА ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА 191

ПРЕДИКТОРЫ УСПЕШНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ
РУБАН ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА 194

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ 197

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАТОГЕНЕЗЕ ПЫЛЕВОЙ ПАТОЛОГИИ ЛЁГКИХ: ОТ ОРГАНОЛОКАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ К МОЛЕКУЛЯРНО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)
БОНДАРЕВ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ 198

МОНИТОРИНГ ПЕРЕНОСИМОСТИ НАГРУЗКИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА» (ЭЛЕКТИВНЫЙ МОДУЛЬ)
ТАРБЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ 205

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭКСПРЕССИИ ГЕНОВ НЕЙРОВОСПАЛЕНИЯ И НЕЙРОПЛАСТИЧНОСТИ В КОРЕ И ГИППОКАМПЕ МЫШЕЙ APP/PSEN1 ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ТЕТРАПЕПТИДА НАЕЕ
ПАТРАХАНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КОПЫЛОВ АНТОН ЮРЬЕВИЧ 208

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ 211

МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ВНИМАНИЯ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
КАСАТКИНА ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА 212

КУЛЬТУРОЛОГИЯ 218

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ РЕВАНШ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ 1990-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМОВ)
ГРИЦАЙ ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА 219

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
РОМАНЕНКО АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ 224

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 595.7:633.11

TAXONOMIC STRUCTURE AND ECOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ZOOPHYTOPHAGOUS INSECTS IN WHEAT AGROCENOSES

YANGIBAYEVA NILUFAR SAPARBAY QIZI
Doctoral student
Ma'mun Khorezm Academy

Abstract. This paper presents a descriptive analysis of zoophytophagous insects in wheat agrocenoses using the supplied study summary. Seven species from three orders were considered with respect to taxonomic composition, feeding flexibility, voltinism and habitat-associated life forms. Coleoptera accounted for five species (71.4%), whereas Orthoptera and Dermaptera contributed one species each. Five species were assigned to the polyvoltine group and two to the monovoltine group. Five ground-surface inhabitants, one vegetation-associated species and one soil-associated species were distinguished. Mixed diets may combine predation with feeding on seeds, plant tissues or detritus, but the ecological benefit of individual species cannot be established without quantitative measurements. The work emphasizes conservation of functional diversity and the need for further field verification.
Keywords: wheat, agrocenosis, zoophytophagy, trophic interactions, ground beetles, voltinism, ecological life forms, natural enemies.

ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗООФИТОФАГОВ В ПШЕНИЧНЫХ АГРОЦЕНОЗАХ

Янгибаева Нилуфар Сапарбай кизи
докторант
Хорезмская академия Маъмуна

Аннотация. Проведён описательный анализ зоофитофагов пшеничных агроценозов по материалам исследования. Рассмотрены таксономическое распределение семи видов по трём отрядам, особенности питания, число поколений и биотопические жизненные формы. Наибольшая доля видов приходится на Coleoptera (5 из 7, 71,4%). Пять видов отнесены к поливольтинным, два — к моновольтинным; выделены пять герпетобионтов, один хортобионт и один геобионт. Показано, что смешанное питание может сочетать хищничество, потребление растительного материала и детрита. Отмечены ограничения агрегированных данных при оценке полезности и вредоносности видов.
Ключевые слова: пшеница, агроценоз, зоофитофаги, Coleoptera, Orthoptera, Dermaptera, трофическая структура, жизненная форма.

INTRODUCTION

In wheat agrocenoses, insect communities include not only phytophages and obligate entomophages but also species capable of exploiting food of both animal and plant origin. Such flexible feeding is referred to here as zoophytophagy. The feeding spectrum of these insects may additionally include dead organic matter. Consequently, their functional role cannot always be described using a rigid division into pests and beneficial insects. A species may prey on herbivores during one season or developmental stage and consume seeds or

plant tissues when prey is scarce.[1,2]

Mixed-feeding insects interact with the above-ground vegetation layer, soil surface and moist soil refuges. Their activity can affect pest–enemy relationships and the processing of organic residues. However, evidence of their presence does not independently demonstrate effective biological control, improvement of soil fertility or an absence of crop damage. [1]The objective of this article is to summarize the taxonomy and ecological characteristics of seven zoophytophagous insect species reported from wheat agrocenoses, with emphasis on trophic behavior, voltinism, habitat association and moisture preferences.

MATERIALS AND METHODS

The analysis uses the species-level totals and ecological assignments presented in the original subsection 4.3 of the research material. Seven taxa were distributed among Coleoptera, Orthoptera and Dermaptera. The account identifies Calathus fuscipes (Goeze, 1777), Harpalus rufipes (De Geer, 1774), Tettigonia viridissima (Linnaeus, 1758) and Euborellia annulipes (Lucas, 1847); names of the remaining three coleopteran species were not provided, and therefore were not reconstructed. The classification is a descriptive synthesis of the supplied records, not a new species inventory.

Species totals were summarized by insect order. Voltinism was coded as monovoltine (one generation annually) or polyvoltine (more than one generation annually) according to the reported grouping; habitat-associated forms were recorded as herpetobionts, hortobionts and geobionts. Moisture preferences were described qualitatively. The original data did not contain sampling effort, specimen counts, collection dates, site-specific humidity measurements or experimental feeding trials. Therefore, statistical hypothesis testing and quantitative estimates of ecosystem services were not attempted.

RESULTS AND DISCUSSION

Taxonomic composition. The recorded assemblage comprises seven species in three orders. Five species belong to Coleoptera, representing 71.4% of total species richness; Orthoptera and Dermaptera each contribute one species (14.3%). This pattern reflects taxonomic richness in the assembled list, not numerical abundance of beetles in the fields. The original table additionally indicates four families and several subordinate ranks, but some of its summed columns do not align with their headings. To avoid reproducing contradictory totals, Table 1 reports the internally consistent order-level species counts.

Таблица 1

Распределение зоофитофагов по отрядам / Distribution by order

Order	Species	Share, %
Coleoptera	5	71.4
Orthoptera	1	14.3
Dermaptera	1	14.3
Total	7	100.0

Feeding strategies. The carabid Calathus fuscipes is associated primarily with predation on small arthropods; occasional consumption of plant material should be treated as context-dependent rather than evidence that the species regularly damages wheat. Harpalus rufipes combines animal prey with seeds, including seeds of some weeds. This flexibility suggests a potentially favorable role in suppressing certain pests and contributing to weed-seed removal, although the magnitude of either effect was not measured in the present material. Other recorded Coleoptera were not identified by name, preventing species-specific interpretation.

The katydid Tettigonia viridissima is capable of feeding on arthropods and plant parts. Its position in the vegetation layer brings it into contact with small prey as well as green tissues. The earwig Euborellia annulipes is an omnivorous predator that may eat insect eggs, larvae and detrital or soft plant material. Published accounts describe its predatory behavior and its association with shelter near the soil surface [1, 2]. Thus, species-level assessments should consider actual diet, crop stage and local prey availability instead of treating all zoophytophages as uniformly beneficial.

Reproductive grouping. In the study summary, five species were assigned to the polyvoltine category and two to the monovoltine category. Four coleopterans and the dermapteran form the polyvoltine set; one

coleopteran and the orthopteran form the monovoltine set (Table 2). These groupings are reproduced as observations from the supplied material, not verified life-cycle determinations for each named taxon. Generational frequency can vary by locality, temperature and overwintering conditions.

Таблица 2

Группировка по числу поколений / Reported voltinism

Order	Monovoltine	Polyvoltine	Total
Coleoptera	1	4	5
Orthoptera	1	0	1
Dermaptera	0	1	1
Total	2	5	7

Habitat-associated life forms. Five species of Coleoptera were classified as herpetobionts, typically active on the soil surface and under small clods or in cracks. The orthopteran was described as a hortobiont associated with stems and leaves, while the dermapteran was classified as a geobiont due to its association with humid ground refuges and oviposition sites (Table 3). These terms designate principal habitat associations and do not imply that an insect never moves between layers. In particular, earwigs can use both soil refuges and surface vegetation.

Таблица 3

Биотопические жизненные формы / Habitat-associated forms

Order	Herpeto-	Horto-	Geo-	Total
Coleoptera	5	0	0	5
Orthoptera	0	1	0	1
Dermaptera	0	0	1	1
Total	5	1	1	7

CONCLUSION

The summarized wheat-agrocenosis material contains seven zoophytophagous species assigned to Coleoptera (five species), Orthoptera (one) and Dermaptera (one). Five species were reported as polyvoltine and two as monovoltine; the habitat-associated classification comprised five herpetobionts, one hortobiont and one geobiont. Feeding flexibility may connect predation, seed consumption and detritus use, supporting complex trophic interactions. However, the available aggregated observations do not establish pest-suppression rates, yield effects or causal relationships with humidity. Additional standardized sampling and full taxonomic identification are required to substantiate these interpretations.

Список источников

1. Capinera J. L. Ringlegged Earwig, Euborellia annulipes (Lucas) (Insecta: Dermaptera: Anisolabididae). – University of Florida, IFAS Extension, 2024. – EENY-088 (IN245). – URL: https://ask.ifas.ufl.edu/publication/IN245 (дата обращения: 30.10.2026).

2. Chen R., Huval F., Carlton C. Euborellia annulipes, Ringlegged Earwig (Dermaptera: Anisolabididae). – LSU AgCenter, 2024. – Publication P3923. – URL: https://www.lsuagcenter.com/profiles/madeleinestout/articles/page1708026855849 (дата обращения: 30.10.2026).

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 621.941

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ В ЗОНЕ РЕЗАНИЯ НА ШЕРОХОВАТОСТЬ ОБРАБОТАННОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПРИ ЧИСТОВОМ ТОЧЕНИИ СТАЛИ 45

ВОЙТЕНКО ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ассистент
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

Аннотация. В статье приведены эмпирические формулы, использующие экспериментально полученные коэффициенты, устанавливающие зависимость между скоростью резания стали 45 твердосплавной пластиной на основе карбида вольфрама ромбической формы с углом при вершине 35° (форма V) и температурой в зоне резания, а также между скоростью резания и шероховатостью обработанной поверхности изделия. Даются рекомендации по коррекции режимов чистового точения стали 45 на основе оценки цвета стружки и характера акустического шума резания. Объясняются причины повышения шероховатости поверхности при высоких скоростях резания, особенно, когда температура в зоне резания превышает критическую температуру, после которой начинают проявляться термоэффекты в виде изменения цвета стружки.
Ключевые слова: скорость резания, температура, шероховатость поверхности, сталь 45, чистовое точение, подача инструмента, глубина резания.

INVESTIGATION OF CUTTING-ZONE TEMPERATURE INFLUENCE ON SURFACE ROUGHNESS IN FINISH TURNING OF AISI 1045 STEEL

Voytenko Valery Vladimirovich

Abstract. The paper presents empirical formulas based on experimentally obtained coefficients, which establish the relationship between the cutting speed and the temperature in the cutting zone when turning AISI 1045 steel with a diamond-shaped cemented carbide insert (35° included angle, V-shape), as well as between the cutting speed and the surface roughness. Recommendations are provided for adjusting the finish-turning parameters of AISI 1045 steel based on chip color assessment and the character of cutting acoustic noise. The reasons for the increase in surface roughness at high cutting speeds are explained — specifically, when the temperature in the cutting zone exceeds the critical temperature beyond which thermal effects begin to manifest as changes in chip color.
Keywords: cutting speed, temperature, surface roughness, AISI 1045 steel, finish turning, feed rate, depth of cut.

В машиностроении широко применяются углеродистые конструкционные нелегированные специальные стали, являющиеся наиболее распространенным конструкционным материалом для изготовления деталей механизмов, требующих повышенной прочности и износостойкости [1]. Стать 45 традиционно применяется для изготовления ответственных деталей наряду со сталью 50 и сталью 40Х [2]. Смазочно-охлаждающие жидкости (СОЖ) широко применяются при обработке вязких материалов и

высоколегированных сталей для снижения термического шока инструмента и повышения его стойкости. Обработка углеродистых сталей при высоких скоростях резания, особенно при чистовом точении, осуществляется твердосплавными токарными пластинами на основе карбида вольфрама, а в качестве охлаждающей среды используется воздух. Однако это требует более взвешенного выбора режимов резания для получения требуемой шероховатости обработанной поверхности изделия, так как на высоких скоростях резания возможно превышение в зоне резания критического значения контактной температуры, при которой возникают термоэффекты, проявляющиеся в изменения цвета стружки и возникновении вибрационного свиста вследствие выделения акустической энергии при пластической деформации и разрушении материала. Эти явления связаны с высокой скоростью резания и, как следствие, с повышенной температурой в зоне резания, что ухудшает шероховатость поверхности при чистовом точении стали 45. Поэтому по цвету стружки можно с точностью до десяти градусов определить температуру в зоне резания и, используя зависимость между температурой и скоростью резания, а также между скоростью резания и шероховатостью поверхности, скорректировать скорость резания с целью получения заданной шероховатости при предельном значении скорости, обеспечивающем максимальную производительность обработки. Для установления указанных зависимостей могут быть использованы эмпирические формулы, использующие коэффициенты, определенные экспериментальным путем. При помощи таких зависимостей можно исследовать условия, при которых начинается повышение шероховатости обработанной поверхности выше заданной величины.

В эксперименте по чистовому точению стали 45 резцом с токарной твердосплавной пластиной на основе карбида вольфрама ромбической формы с углом при вершине 35° (форма V по ISO) на повышенных режимах резания — скорости, подаче инструмента и глубине — стружка приобретала синеватый оттенок, так как контактная температура в зоне резания превысила критическое значение, выше которого начинают проявляться термоэффекты. Считая скорость резания V основным параметром, оказывающим наибольшее влияние на контактную температуру T в зоне резания, можно записать формулу (1):

$$T(V) = \frac{c \cdot V^m}{h(V)}, \quad (1)$$

где $h(V)$ — функция теплоотвода;

c и m — коэффициенты процесса точения, зависящие от геометрии твердосплавной пластины, подачи инструмента и глубины резания, а также от условий применения СОЖ.

Тогда зависимость шероховатости обработанной поверхности изделия R_a от контактной температуры можно записать формулой (2):

$$R_a(T) = R_{a,0} + k \cdot (T - T_k)^n, \quad (2)$$

где $R_{a,0}$ — шероховатость обработанной поверхности при $T \ll T_k$, мкм;

k — коэффициент пропорциональности, который определяется экспериментально для обрабатываемого материала.

Величина $R_{a,0}$ определяется экспериментально путем измерения R_a при различных скоростях резания и фиксированных значениях подачи инструмента и глубины резания. После этого выбирается минимальное значение $R_{a,0}$ при соблюдении условия $T \ll T_k$.

Далее выполняется логарифмирование экспериментальной зависимости (3):

$$R_a(T) - R_{a,0} = a \cdot V^b, \quad (3)$$

В результате логарифмирования экспериментальной зависимости (3) получаем формулу (4):

$$ln(R_a - R_{a,0}) = ln(a) + b \cdot ln(V). \quad (4)$$

Решаем систему уравнений для двух значений V_1 и V_2 скорости резания и двух соответствующих им значений шероховатости обработанной поверхности изделия $R_{a,1}$ и $R_{a,2}$. В эксперименте были выбраны $V_1 = 120\,\text{м/мин}$ и $V_2 = 180\,\text{м/мин}$ для чистового точения стали 45 без СОЖ твердосплавной пластиной формы V с глубиной резания $t = 0{,}4\,\text{мм}$ и подачей инструмента $s = 0{,}2\,\text{мм/об}$. Получим $a = 0{,}115$ и $b = 0{,}551$.

Далее найдем параметры модели (1) из экспериментальных данных. Коэффициент теплоотвода, определяющий долю теплоты, уходящую в стружку, определялся следующим образом. Считалось, что около 6 % тепловой энергии распространялось в инструмент, а около 1 % — в воздушную среду. Средняя температура заготовки определялась пирометром, а средняя температура стружки — колориметром по ее цвету. После чистового точения заготовка и стружка отдельно взвешивались, после чего рассчитывались тепловые потоки. Коэффициент теплоотвода в стружку определялся как отношение количества теплоты, уносимого стружкой, к полному количеству теплоты, образующейся при чистовом точении стали 45 без СОЖ. Далее по результатам экспериментов выполнялся расчет коэффициентов процесса точения c и m. При скорости резания 180 м/мин температура в зоне резания составляет 285 °С, а коэффициент теплоотвода — 0,72. При скорости резания 160 м/мин температура в зоне резания составляет 270 °С, а коэффициент теплоотвода — 0,76. В обоих экспериментах выполнялось чистовое точение без СОЖ, применялась твердосплавная пластина на основе карбида вольфрама формы V, подача инструмента составляла 0,2 мм/об, а глубина резания — 0,4 мм, обрабатываемый материал — сталь 45. Для указанных значений решаем систему из двух уравнений и находим параметры модели (1): $m = -0{,}1245$ и $c = 381{,}2$. Тогда формулу (1) можно представить в виде (5):

$$T(V) = \frac{381{,}2 \cdot V^{-0{,}1245}}{h(V)}. \quad (5)$$

Будем считать зависимость коэффициента теплоотвода $h(V)$ от скорости резания линейной в диапазоне изменения скорости резания (V_1, V_2). Поскольку изменение шероховатости обработанной поверхности изделия происходит плавно при приближении к критической температуре, выше которой начинают проявляться термоэффекты, то зависимость $R_a(V)$ можно записать в виде (6):

$$R_a(V) = R_{a,0} + \frac{a \cdot V^b}{1 + exp[-\alpha \cdot (T - T_k)]}, \quad (6)$$

где α — коэффициент, полученный экспериментально; $\alpha = 0{,}27$.

Цвет стружки является надежным индикатором температуры в зоне резания, так как определяется толщиной оксидной пленки на ее поверхности. Для стали 45, имеющей химический состав по ГОСТ 1050–2013, при температуре 250 °С за 1 с толщина образующейся пленки оксида железа составляет около 40–50 нм, что соответствует интерференции световых волн на длине волны, соответствующей желтому цвету. На основании установленного соответствия между цветом стружки — от светло-желтого до светло-серого — и температурой в диапазоне 220–350 °С, а также с учетом связи температуры с шероховатостью обработанной поверхности изделия для инструмента, не достигшего предельного состояния по износу, согласно формуле (6), по цвету стружки можно корректировать режимы резания. Например, для обеспечения заданной шероховатости обработанной поверхности скорость резания можно уменьшить на 10–15 % при сохранении неизменными подачи инструмента и глубины резания либо уменьшить подачу инструмента и глубину резания при сохранении постоянной скорости резания. Эксперименты показали, что наиболее предсказуемые результаты, соответствующие формуле (6), могут быть достигнуты при коррекции скорости резания. На рис. 1 приведена экспериментальная зависимость температуры в зоне резания от скорости резания, а на рис. 2 — экспериментальная зависимость шероховатости обработанной поверхности от скорости резания для стали 45.

Для стали 45 при повышении температуры в зоне резания происходит снижение модуля сдвига, что увеличивает долю деформации в зоне резания и проявляется как повышение шероховатости обработанной поверхности изделия. Изменение цвета стружки на синий сопровождается увеличением амплитуды вибрации и усилением акустической эмиссии, проявляющейся в виде свиста. Это свидетельствует о нестабильности процесса стружкообразования и может приводить к увеличению шероховатости обработанной поверхности. Акустический свист является следствием резонансных колебаний режущей кромки инструмента вследствие непостоянства поверхностных свойств металла и процесса резания. Если при заданном режиме резания стружка приобретает синеватый оттенок, свидетельствующий о повышении температуры в зоне контакта инструмента с заготовкой, а процесс точения сопровождается вибрацией и акустическим свистом, то скорость резания следует снизить на 25 % от исходного значения. Это позволит уменьшить контактную температуру в зоне резания и стабилизировать

процесс чистового точения стали 45.

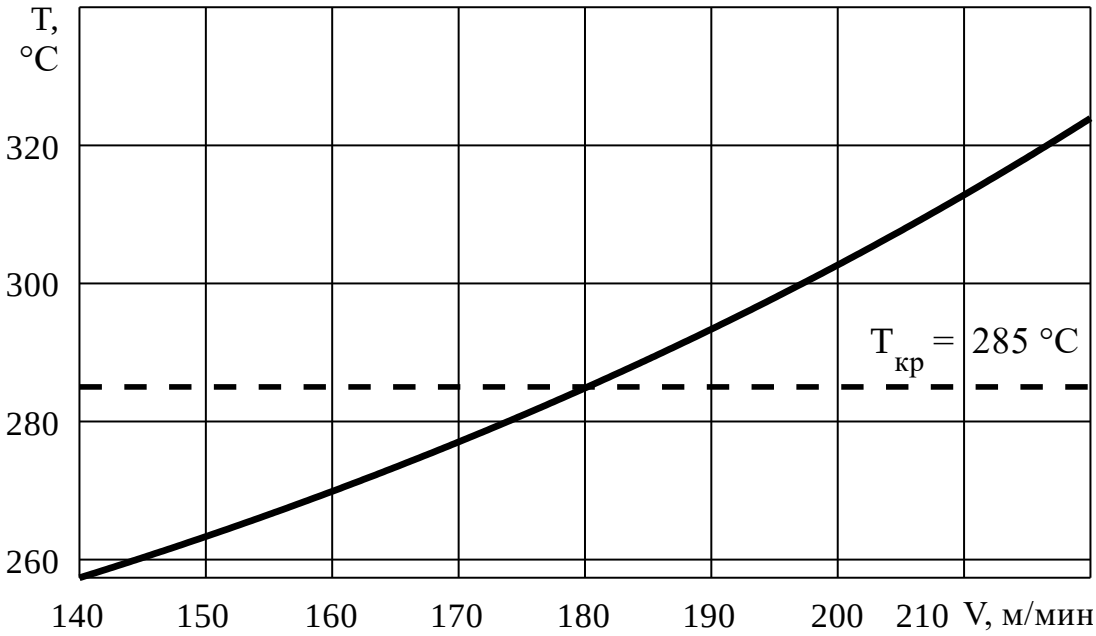


Рис. 1. Зависимость температуры в зоне резания от скорости резания

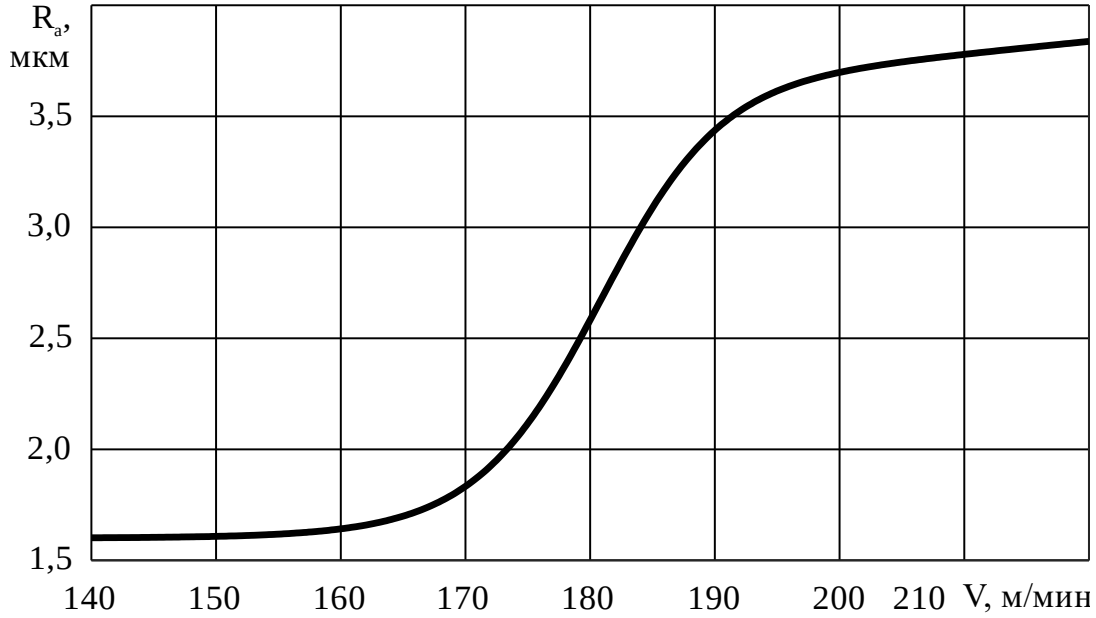


Рис. 2. Зависимость шероховатости поверхности от скорости резания

Список источников

1. Xu, F. Long-Term Strain Ageing Effects on Low-Carbon Structural Steels / F. Xu, J. Zhao, X. Zhou, X. Yun, J.-Z. Liu, T. Okazaki // Journal of Constructional Steel Research. — 2025. — Vol. 231. — Art. 109579. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.jcsr.2025.109579.

2. Karimbaev, R. Mechanical and Tribological Characteristics of Cladded AISI 1045 Carbon Steel / R. Karimbaev, S. Choi, Y. S. Pyun, A. Amanov // Materials. — 2020. — Vol. 13. — No. 4. — Art. 859. — DOI: https://doi.org/10.3390/ma13040859.

© В. В. Войтенко, 2026

УДК: 004.9:62

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНЖЕНЕРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

ЖУРАЕВА КАМИЛА КОМИЛОВНА
д.т.н., доцент
АЗИМОВ ШЕРХОН УКТАМОВИЧ
ассистент
Ташкентский университет прикладных наук

Аннотация. В статье рассматривается применение цифровых технологий в современном инженерном проектировании. Показана роль CAD- и CAE-систем при создании геометрических моделей, выполнении инженерных расчётов и анализе поведения конструкций. Рассмотрены возможности цифровых двойников при проведении виртуальных испытаний, мониторинге и прогнозировании технического состояния оборудования. Показано, что комплексное применение цифровых инструментов повышает эффективность проектных работ и сокращает объём натурных испытаний.
Ключевые слова: цифровые технологии, инженерное проектирование, компьютерное моделирование, CAD, CAE, цифровой двойник, виртуальные испытания.

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ENGINEERING DESIGN

Jurayeva Kamila Komilovna,
Azimov Sherkhon Uktamovich

Abstract. The article discusses the application of digital technologies in modern engineering design. The role of CAD and CAE systems in geometric modeling, engineering calculations, and analysis of structural behavior is considered. The possibilities of digital twins for virtual testing, monitoring, and forecasting the technical condition of equipment are presented. The integrated use of digital tools improves design efficiency and reduces the need for physical testing.
Keywords: digital technologies, engineering design, computer modeling, CAD, CAE, digital twin, virtual tests.

Введение. Современное инженерное проектирование всё в большей степени основывается на использовании цифровых технологий. Развитие вычислительных средств и специализированного программного обеспечения существенно изменило подходы к созданию новых технических объектов. Значительная часть проектных операций сегодня может выполняться в виртуальной среде, начиная с формирования геометрической модели и заканчивая исследованием поведения объекта при различных режимах работы.

Одним из перспективных направлений цифровой трансформации инженерного проектирования является применение цифровых двойников. Данная технология позволяет связывать виртуальное представление технического объекта с информацией о его состоянии на различных этапах жизненного цикла [1].

Использование цифровых инструментов позволяет ускорить подготовку проектной документации и предварительно оценивать характеристики будущего изделия, уменьшая необходимость изготовления дорогостоящих физических прототипов. В связи с этим актуальной задачей является определение роли цифровых технологий на различных стадиях инженерного проектирования.

Основная часть. Одним из основных инструментов цифрового проектирования являются CAD-

системы (Computer-Aided Design). Они применяются для построения двухмерных и трёхмерных моделей, разработки чертежей и подготовки конструкторской документации. Использование таких программных комплексов позволяет представить будущую конструкцию ещё до изготовления опытного образца и внести необходимые изменения в её геометрию.

Для оценки прочности, устойчивости, тепловых и вибрационных характеристик применяются CAE-системы (Computer-Aided Engineering), позволяющие выполнять инженерные расчёты, моделировать физические процессы, оценивать деформации, распределение напряжений и поведение конструкции при различных воздействиях.

Таким образом, CAD- и CAE-технологии выполняют взаимосвязанные функции. На первом этапе создаётся цифровая геометрия объекта, после чего сформированная модель используется для проведения инженерных расчётов. Такой подход позволяет выявлять конструктивные недостатки ещё до изготовления изделия.

Современная цифровая среда проектирования включает также CAM-, PDM- и PLM-системы, обеспечивающие поддержку различных этапов разработки и жизненного цикла изделия.

Одним из наиболее перспективных направлений является технология цифровых двойников. Цифровой двойник объединяет физический объект, его виртуальную модель и данные, обеспечивающие информационную связь между реальной и цифровой средой. Благодаря этому цифровое представление может использоваться как при проектировании, так и в процессе дальнейшей эксплуатации объекта.

Постановка задачи. При традиционном подходе оценка характеристик изделия связана с изготовлением опытных образцов и проведением натурных испытаний, что для сложных технических объектов требует значительных затрат. Поэтому основной задачей является перенос значительной части проверки технических решений в цифровую среду за счёт объединения геометрического моделирования, инженерного анализа и цифрового представления объекта.

Особое значение имеет оценка поведения конструкции при различных нагрузках и прогнозирование технического состояния оборудования. Цифровые двойники могут использоваться для виртуальных экспериментов, наблюдения за состоянием физических систем и решения инженерных задач [2].

Решение задачи. Для решения поставленной задачи целесообразно использовать сочетание CAD- и CAE-технологий. Сначала формируется геометрическая модель объекта, которая затем применяется для инженерных расчётов прочности, деформаций, вибрационных и других характеристик.

Дальнейшее развитие модели связано с формированием цифрового двойника, обеспечивающего связь между виртуальным представлением и физическим объектом. Его использование позволяет анализировать различные режимы работы и проводить виртуальные исследования без непосредственного воздействия на реальную систему.

В процессе эксплуатации данные от датчиков и измерительных устройств передаются в цифровую среду и используются для уточнения параметров виртуальной модели. Взаимодействие физического объекта, виртуальной модели и данных является одним из основных принципов построения цифрового двойника [3].

Анализ текущих и накопленных данных позволяет выявлять возможные отклонения, прогнозировать техническое состояние и использовать результаты моделирования при организации технического обслуживания.

Интеграция цифровых моделей, инженерных методов и эксплуатационных данных позволяет использовать виртуальную модель как на этапе разработки, так и при дальнейшем анализе процессов в реальной системе [4].

Заключение

Применение цифровых технологий является важным направлением развития инженерного проектирования. CAD-системы обеспечивают построение геометрических моделей и подготовку конструкторской документации, а CAE-технологии позволяют исследовать поведение объектов при различных условиях и нагрузках.

Особое значение приобретают цифровые двойники, объединяющие физический объект, виртуальную модель и эксплуатационные данные. Их применение расширяет возможности виртуальных ис-

пытаний, мониторинга и прогнозирования технического состояния оборудования. Дальнейшее развитие данного направления связано с интеграцией компьютерного моделирования, эксплуатационных данных и методов анализа технического состояния объектов.

Список источников

1. Anwer N., Stark R., Tao F., Erkoyuncu J.A. Developing and leveraging digital twins in engineering design // CIRP Annals. – 2025. – Vol. 74, No. 2. – P. 843–868. DOI: 10.1016/j.cirp.2025.05.002.
2. Lehner D., Zhang J., Pfeiffer J., Sint S., Splettstößer A.-K., Wimmer M., Wortmann A. Model-driven engineering for digital twins: a systematic mapping study // Software and Systems Modeling. – 2025. – Vol. 24. – P. 1339–1377. DOI: 10.1007/s10270-025-01264-7.
3. Yao J.-F., Yang Y., Wang X.-C., Zhang X.-P. Systematic review of digital twin technology and applications // Visual Computing for Industry, Biomedicine, and Art. – 2023. – Vol. 6. – Article 10. DOI: 10.1186/s42492-023-00137-4.
4. Liu X., Jiang D., Tao B., Xiang F., Jiang G., Sun Y., Kong J., Li G. A systematic review of digital twin about physical entities, virtual models, twin data, and applications // Advanced Engineering Informatics. – 2023. – Vol. 55. – Article 101876. DOI: 10.1016/j.aei.2023.101876.

УДК 624.016

ВЛИЯНИЕ ТОЛЩИНЫ СТЕНКИ СТАЛЬНОЙ ТРУБЫ ТРУБОБЕТОННЫХ СТОЕК НА УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТА С БЕТОННЫМ ЯДРОМ

СНИГИРЕВА ВЕРА АЛЕКСЕЕВНА
к.т.н., доцент
УСОВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
старший преподаватель
БУ ВО «Сургутский государственный университет»

Аннотация: в данной работе описана причина начального отрыва стальной трубы от бетонного ядра в поперечном направлении и последующего восстановления их контакта при сжатии трубобетонных стоек. Проанализировано влияние толщины стенки стальной трубы на величину продольной нагружающей силы, при которой бетон «догоняет» трубу в поперечном направлении, рассмотрены примеры.
Ключевые слова: трубобетонная стойка, трубобетон, обжатие бетона.

INFLUENCE OF THE WALL THICKNESS OF THE STEEL TUBE OF CONCRETE-FILLED STEEL TUBULAR COLUMNS ON THE ESTABLISHMENT OF CONTACT WITH THE CONCRETE CORE

Snigireva Vera Alekseevna,
Usov Aleksey Vasilyevich

Abstract: this paper describes the causes of the initial separation of the steel tube from the concrete core in the transverse direction and the subsequent restoration of their contact under compression of concrete-filled steel tubular columns. The influence of the wall thickness of the steel tube on the magnitude of the longitudinal loading force at which the concrete "catches up" with the tube in the transverse direction is analyzed, and examples are considered.
Keywords: concrete-filled steel tubular column, CFST, concrete confinement.

Особенности работы трубобетонных стоек на сжатие

Многочисленные экспериментальные и теоретические исследования [1-3] традиционных трубобетонных стоек позволили выявить особенность работы данных конструкций при центральном сжатии: при начальных уровнях нагружения поперечные перемещения стальной трубы превышают перемещения бетонного ядра, т.е. труба «убегает» от бетона и происходит её отрыв в связи с тем, что коэффициент Пуассона стали превышает начальный коэффициент Пуассона бетона; однако при дальнейшем увеличении нагрузки возможно восстановление контакта стальной трубы и бетонного ядра в поперечном направлении в связи с ростом коэффициента Пуассона бетона. Изучение условий, при которых бетон «догоняет» стальную трубу и начинается их совместная работа не только в продольном направлении, но и в поперечном, является одной из важнейших задач в проектировании трубобетонных конструкций. Именно после восстановления контакта бетон оказывается всесторонне обжат реактивным

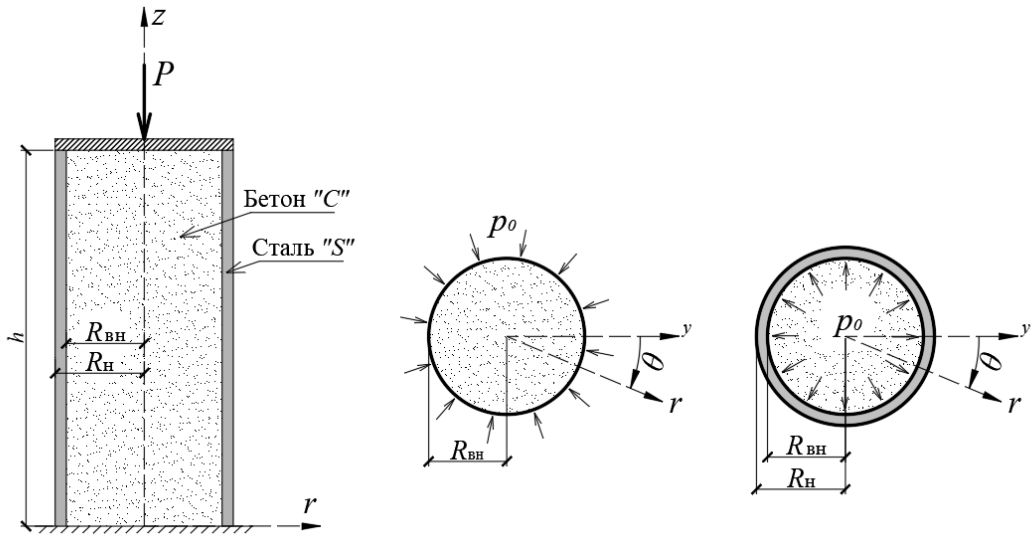
давлением p_0 со стороны трубы (рис.1), в результате чего упрочняется, а помимо этого предохраняет стенку стальной трубы от локальной потери устойчивости [4; 5].

Определение момента контакта бетонного ядра и стальной трубы

В работе [6] представлено моделирование напряженно-деформированного состояния трубобетонной стойки при центральном сжатии и получена формула для определения величины силы $P_{\text{конт}}$, прикладываемой ко всему поперечному сечению стойки, при которой бетон и сталь восстанавливают контакт в поперечном направлении и начинают работать совместно:

$$P_{\text{конт}} = -\varepsilon_{zz}^{\text{конт}}[EF] + R_b F^C + \varepsilon^* E_1^C F^C,$$

где $[EF] = E^S F^S + E_1^C F^C$ – касательная жесткость трубобетонной стойки; E^S – модуль деформации стали; F^S и F^C – площадь поперечного сечения стальной трубы и бетонного ядра соответственно; R_b – расчетное сопротивление бетона; ε^* – продольные деформации бетона (ε_{b1}) в точке излома диаграммы деформирования согласно СП 63.13330.2018 «Бетонные и железобетонные конструкции. Основные положения. Актуализированная редакция СНиП 52-01-2003» (далее – СП 63); E_1^C – модуль деформации бетона после излома диаграммы деформирования согласно СП 63; $\varepsilon_{zz}^{\text{конт}}$ – продольная деформация бетона и стали в момент восстановлениях их контакта (определяется по зависимостям, представленным в [6]).



а) б) в)

Рис. 1. Схема работы трубобетонной стойки после установления контакта стали и бетона: а) продольное сечение стойки; б) поперечное сечение бетонного ядра; в) поперечное сечение стальной трубы

Пример

Проанализируем влияние толщины стенки стальной трубы на величину силы $P_{\text{конт}}$. В таблице 1 представлены результаты расчетов для труб разных размеров при увеличении толщины стенки $t_{\text{тр}}$ с постоянным внутренним диаметром $D_{вн}$, в связи с чем размеры некоторых труб приняты нестандартными. Характеристики материалов принимаем нормативными для бетона В35 и стали С245.

Согласно полученным результатам (табл.1) при увеличении толщины стенки трубы возрастает величина нагружающей силы, при которой восстанавливается контакт стали и бетона. Поперечные перемещения точек внутренней поверхности стальной трубы и боковой поверхности бетонного ядра, величина которых определялась по зависимостям, представленным в [6], до и после контакта проиллюстрированы графиком на рис.2. На графике представлены результаты для первого примера из таблицы 1 ($D_{вн}$ x $t_{\text{тр}}$ =406x10 мм).

Таблица 1

Результаты расчета силы $P_{конт}$ трубобетонных стоек

$D_{вн}$ x $t_{тр}$, мм.	$P_{конт}$, МН	$D_{вн}$ x $t_{тр}$, мм.	$P_{конт}$, МН
406x10	2,886	610x10	5,527
406x11	3,018	610x14	6,311
406x12	3,15	610x16	6,707
510x10	4,131	700x10	6,949
510x12	4,46	700x16	8,296
510x14	4,792	700x20	9,207

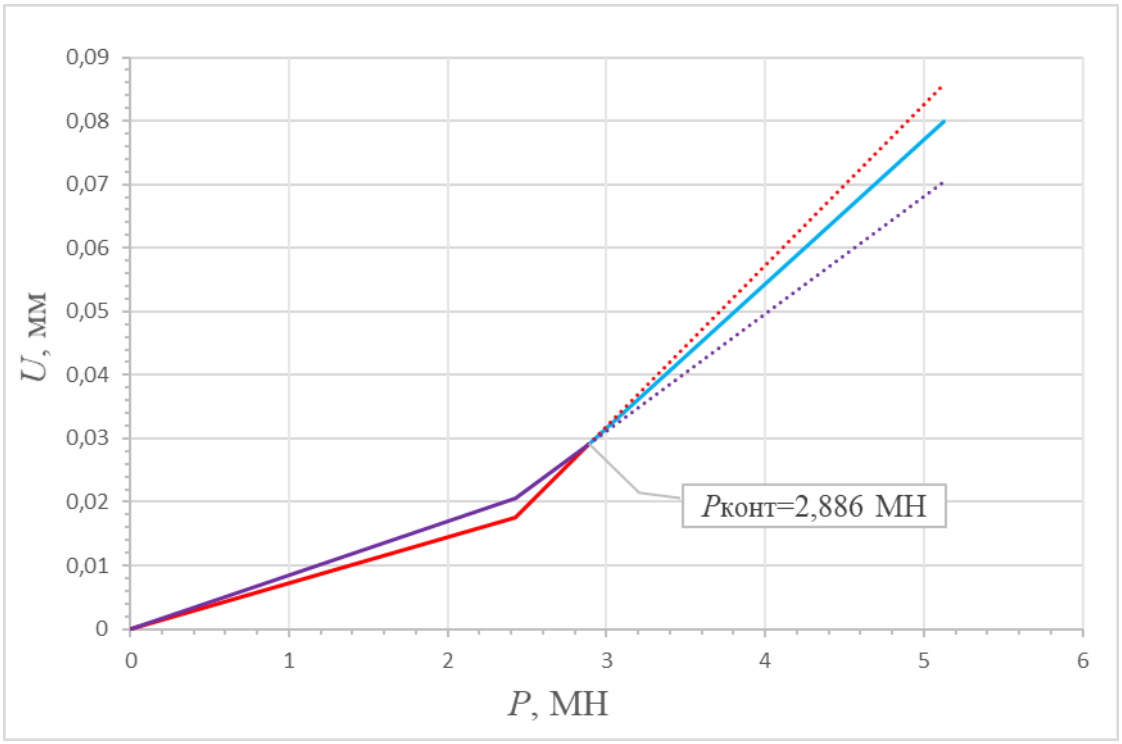


Рис. 2. Зависимость поперечных перемещений *U* от величины нагрузки на стойку *P* (при $r=R_{вн}$): фиолетовый график– для стальной трубы, красный график – для бетонного ядра, голубой график для стали и бетона после их контакта

Заключение

Увеличение толщины стенки трубы отдаляет момент начала совместной работы бетонного ядра и стальной трубы в поперечном направлении. Это обстоятельство стоит учитывать при проектировании данных конструкций и не допускать возникновение напряжений в бетоне, превышающих его предел прочности, не только в состоянии всестороннего сжатия при нагружающей силе $P \geq P_{конт}$, но и при одноосном сжатии до установления контакта с трубой при $P < P_{конт}$.

Список источников

1. Tao Z., Wang Z.-B., & Yu Q. Finite element modelling of concrete-filled steel stub columns under axial compression // Journal of Constructional Steel Research, 2013. Vol. 89. P. 121–131.

2. Кришан А. Л., Римшин В.И., Астафьева М.А. Сжатые трубобетонные элементы. Теория и практика: монография // М.: Издательство АСВ. 2020. 322 с.

3. Лукша Л. К. Прочность трубобетона. – Минск: Вышэйшая школа, 1977. – 96 с.

4. Берг О.Я., Щербаков Е.Н., Писанко Г.Н. Высокопрочный бетон // Стройиздат: Москва. – 1971. – 208 с.

5. Снигирева В.А., Усов А.В. Обеспечение местной устойчивости стенки стальной трубы трубобетонных стоек // Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции: Пенза. – 2026. – С. 66-69.

6. Горынин Г.Л., Снигирева В.А. Анализ поведения трубобетонной стойки с учетом отрыва стальной трубы и нелинейности деформирования бетона // Известия вузов. Строительство. – 2026. – № 5 (809). – С. 17-30.

УДК 510.51

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА СТРУКТУРНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ЛАПШИНА МАРИНА ЛЕОНИДОВНА
д. т. н., профессор
ФКОУ ВО «Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
ЗОЛОТУХИНА ОКСАНА ОЛЕГОВНА
к. эконом. н., доцент
НЕСТЕРЕНКО ИРИНА ПЕТРОВНА
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий»

Аннотация. В работе рассматриваются математические основы анализа структурной устойчивости и управляемости экономических систем на базе линейных балансовых моделей. Изложена статическая модель межотраслевого баланса Леонтьева, введены коэффициенты прямых затрат, сформулированы условия продуктивности через неотрицательную обратимость матрицы $I - A$. Представлена линейная модель обмена, показано, что допустимое распределение доходов сводится к неотрицательному собственному вектору матрицы обмена, отвечающему собственному числу $\lambda = 1$. Описана динамическая модель межотраслевого баланса с фондообразующими отраслями, ограничениями по мощностям и трудовым ресурсам, а также оптимизационная постановка с терминальным критерием.
Ключевые слова: модель Леонтьева; продуктивность; неотрицательная обратимость; модель обмена; динамическая модель; терминальный критерий; модель Неймана; структурная устойчивость; управляемость.

FUNDAMENTALS OF CONSTRUCTING MATHEMATICAL METHODS FOR ANALYZING THE STRUCTURAL STABILITY AND CONTROLLABILITY OF ECONOMIC SYSTEMS

Lapshina Marina Leonidovna,
Zolotukhina Oksana Olegovna,
Nesterenko Irina Petrovna

Abstract. The paper examines the mathematical foundations for analyzing the structural stability and controllability of economic systems based on linear balance models. The static Leontief interindustry balance model is presented, direct input coefficients are introduced, and the conditions for productivity are formulated in terms of the non-negative invertibility of the matrix I − A. A linear exchange model is presented, and it is shown that the permissible distribution of income reduces to a non-negative eigenvector of the exchange matrix corresponding to the eigenvalue λ = 1. A dynamic model of input-output balance with capital-forming industries, capacity and labor resource constraints, as well as an optimization formulation with a terminal criterion, is described.

Keywords: Leontief model; productivity; non-negative reversibility; exchange model; dynamic model; terminal criterion; Neumann model; structural stability; controllability.

Линейные модели производственного сектора часто строятся вокруг балансовой схемы «затраты – выпуск». Производство при этом условно разбивается на n чистых отраслей. Чистая отрасль понимается как аналитическая совокупность однородных производств; она не обязательно совпадает с реальной хозяйственной единицей – министерством, холдингом или финансово-промышленной группой [1]. Следовательно, в системе присутствует n видов продукции. Для выпуска своего продукта каждая отрасль использует продукты других отраслей. Пусть x_{ij} – объём продукции отрасли i, израсходованный отраслью j за рассматриваемый период; x_j – валовой выпуск -й отрасли; c_i – часть продукции i-й отрасли, направленная на непроизводственные нужды, накопление запасов и конечное потребление. Баланс по каждой отрасли имеет вид $x_i = \sum_{j=1}^{n} x_{ij} + c_i, \quad i = 1, \dots, n.$

Если элементы -го столбца разделить на x_{ij}, получаются коэффициенты прямых затрат

$$a_{ij} = \frac{x_{ij}}{x_j}, \quad i, j = 1, \dots, n.$$

Величина a_{ij} показывает, сколько продукции -й отрасли необходимо для выпуска единицы продукции j-й отрасли. Матрица $A = (a_{ij})$ концентрирует сведения о сложившейся технологии и структуре межотраслевых связей. Сравнение таких матриц за разные периоды позволяет увидеть направление технологических сдвигов [2]. Ещё важнее то, что матрица A может применяться для текущих и перспективных плановых расчётов. Вводятся два упрощающих условия. Первое: технология считается неизменной на промежутке $[T_0, T]$, где $T > T_0$. Второе: предполагается линейность технологии. Иначе говоря, для выпуска объёма x_j отрасли j необходимы затраты продукции каждой отрасли i. Это означает, что отрасль способна выпустить любой объём продукции при условии обеспечения её необходимыми ресурсами. В действительности возможности отрасли ограничены трудовыми ресурсами, оборудованием, площадями и другими факторами. Частично это ограничение снимается в динамической постановке.

Если вектор интенсивностей выпуска обозначить через $x = (x_1, \dots, x_n)$, то производственные затраты описываются вектором Ax. Свободный остаток $c = x - Ax$ направляется на непроизводственное потребление и накопление. В плановой задаче чаще задаётся именно вектор с, а требуется найти вектор x. Тогда возникает система

$$x - Ax = c, x \geq 0. \quad (1)$$

Уравнение (1) вместе с указанной интерпретацией A, x и c называется моделью Леонтьева [1, 3]. Модель и матрица A называются продуктивными, если для любого неотрицательного вектора $c \geq 0$ существует неотрицательное решение $x \geq 0$. Математически это связано с матрицей $(I - A)^{-1}$, где I – единичная матрица. Если обратная матрица существует, решение формально имеет вид $x = (I - A)^{-1}c$.

Однако, существование самой обратной матрицы ещё не гарантирует неотрицательности решения. Для продуктивности необходимо и достаточно, чтобы матрица $(I - A)^{-1}$ существовала и все её элементы были неотрицательны, то есть чтобы $(I - A)$ была неотрицательно обратимой.

Рассмотрим n стран, которые торгуют друг с другом. Пусть p_{ij} – национальный доход -й страны. Предполагается, что доход формируется за счёт продажи товаров внутри страны и за рубеж. Структура торговли считается сложившейся: доля a_{ij} дохода -й страны, расходуемая на закупку товаров у страны i, постоянна и не зависит от величины p_{ij}. Это снова линейная гипотеза; её ограниченность очевидна, поскольку часть дохода всегда идёт на базовые нужды и слабее реагирует на изменение общего дохода. Матрица $A = (a_{ij})$ описывает структуру обмена, а вектор $\pi = (\pi_1, \pi_2, \dots, \pi_n)$ – распределение доходов. После одного тура торговли доходы описываются вектором $A\pi$. Если ни одна страна не хочет уменьшения своего дохода, необходимо выполнение неравенства

$$\pi \leq A\pi. \quad (2)$$

Поскольку a_{ij} являются долями единицы, для каждого столбца матрицы обмена выполнено

$$\sum_{i=1}^{n} a_{ij} = 1, \quad j = 1, \dots, n. \quad (3)$$

С учётом (3) из (2) следует равенство

$$\pi = A\pi. \quad (4)$$

Действительно, если бы хотя бы в одном соотношении неравенство было строгим, то после суммирования по всем странам возникло бы противоречие с равенством суммы долей единице. Содержательно это означает, что при таком обмене выигрыш одной страны неизбежно сопровождается потерями другой. Таким образом, вопрос о допустимом распределении доходов сводится к существованию неотрицательного собственного вектора матрицы A, соответствующего собственному числу $\lambda = 1$. Матрица обмена неотрицательна, и число 1 является её собственным числом.

Статическая схема Леонтьева не учитывает время. Прямой динамический аналог модели Леонтьева позволяет отразить создание и накопление производственных мощностей. Особое место занимают фондообразующие отрасли – строительство и машиностроение, поскольку рост производства требует ввода новых предприятий, цехов, машин и оборудования. Для фондообразующих отраслей характерен временной лаг: новые мощности вводятся не сразу после выделения ресурсов. Если производство автомобиля или одежды занимает часы, то строительство предприятия может длиться годы. На конечном горизонте планирования этот разрыв может существенно влиять на план.

Пусть $\xi(t) = \left(\xi_1(t) + \cdots + \xi_n(t)\right)$ – вектор основных мощностей отраслей; $\eta(t) = \left(\eta_1(t) + \cdots + \eta_n(t)\right)$ – вектор прироста мощностей; $D = \left(d_{ij}\right)$ – матрица затрат на прирост мощностей; $x(t)$ – вектор валового выпуска за период $[t-1, t]$; $\ell = (\ell_1, \dots, \ell_n)$ вектор трудовых затрат на единицу продукции; $L(t)$ – объём трудовых ресурсов; $\omega = (\omega_1, \dots, \omega_n)$ – вектор потребления на одного работающего.

Упрощённая динамическая модель записывается в виде

$$x(t) \geq Ax(t) + D\eta(t) + \omega L(t), \quad (5)$$

$$x(t) \leq \xi(t-1), \quad (6)$$

$$\xi(t) = \xi(t-1) + \eta(t), \qquad \eta(t) \geq 0, \quad (7)$$

$$\ell x(t) \leq L(t). \quad (8)$$

Неравенство (5) выражает материальный баланс: текущие производственные затраты, расходы на создание новых мощностей и потребление работников не должны превышать валовой выпуск. Условие (6) ограничивает выпуск накопленными к началу периода мощностями. Соотношение (7) задаёт динамику мощностей, а (8) – ограничение по трудовым ресурсам.

В этой схеме остаётся ряд упрощений. Не учитываются ограничения по мощности строительных отраслей: предполагается, что они способны освоить любой выделенный объём средств [4]. Кроме того, строительный лаг считается одинаковым и равным одному периоду. В реальности лаг больше и различается по отраслям. На множестве траекторий модели (5) – (8) можно рассматривать целевые функционалы. Пусть задано терминальное состояние $\xi(T)$. В качестве критерия часто используется линейная функция

$$F = c_1\xi_1(T) + \cdots + c_n\xi_n(T) + c_0, \quad (9)$$

где $c_1, \dots, c_n$ – заданные коэффициенты, c_n – постоянная. Тогда задача оптимизации формулируется так: при заданном начальном векторе мощностей $\xi(0) = \xi_0$ и заданных коэффициентах функционала (9) среди всех траекторий, удовлетворяющих ограничениям (5) – (8), найти траекторию, максимизирующую F. В векторной записи:

$$F = c^T\xi(T) + c_{ij} \to max. \quad (10)$$

Более общий способ описания технологии даёт модель Неймана. В ней допускается совместное производство нескольких товаров в рамках одного технологического процесса, что снимает жёсткое ограничение модели Леонтьева, связанное с чистыми отраслями. Таким образом, балансовая схема «затраты – выпуск», модель обмена и динамическая модель с фондообразующими отраслями образуют единую линию линейных моделей экономики. Их ценность состоит в возможности анализировать

технологические связи, условия продуктивности, сбалансированность доходов и оптимальные траектории развития при заданных ограничениях.

Список источников

1. Фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. под ред. и с доп. Н. Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 707 с.
2. Шаракшанэ А. С., Железнов И. Г. Испытания сложных систем. – М.: Высшая школа, 1974. – 184 с.
3. Цвиркун А. Д. Структура сложных систем. – М.: Советское радио, 1975. – 200 с.
4. Шаракшанэ А. С., Железнов И. Г., Ивницкий В. А. Сложные системы. – М.: Высшая школа, 1977. – 247 с.

УДК 621.65

ПОГРУЖНОЙ ГИДРОЦИКЛОННЫЙ СЕПАРАТОР МЕХАНИЧЕСКИХ ПРИМЕСЕЙ С ЩЕЛЕВЫМ ФИЛЬТРОМ НА ВХОДЕ ДЛЯ УЭЦН

ЯКУПОВА ЛИАНА ГАЛИЕВНА
магистрант
ГАОУ ВО «Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти»

Научный руководитель: Сабанов Сергей Леонидович
к.т.н., доцент
ГАОУ ВО «Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти»

Аннотация: Статья рассматривает проблемы эксплуатации УЭЦН (установка электроприводного центробежного насоса) в условиях высокого содержания механических примесей в пластовой жидкости, вызванных низким пластовым давлением и высокой обводненностью скважин. Основными сложностями, возникающими при эксплуатации такого рода скважин, являются износ оборудования и заклинивание рабочих узлов насосов. С целью устранения данных недостатков для более тонкой фильтрации жидкости предложено модернизировать входной фильтр дополнительными ступенями фильтрации, что позволяет повысить надежность работы установки и снизить частоту ремонтов УЭЦН.
Ключевые слова: УЭЦН, механические примеси, щелевой фильтр.

SUBMERSIBLE HYDROCYCLONE SOLIDS SEPARATOR WITH AN INLET SLOT FILTER FOR ESP UNITS

Yakupova Liana Galievna

Scientific adviser: Sabanov Sergey Leonidovich

Abstract: This article examines the challenges associated with operating electric submersible pump (ESP) units in environments where reservoir fluids contain high levels of mechanical impurities—a condition often resulting from low reservoir pressure and high water cut. The primary issues encountered in such wells include equipment wear and the seizing of pump components. To address these problems, it is proposed that the pump intake filter be upgraded with additional filtration stages to achieve finer fluid filtration; this enhancement improves the operational reliability of the ESP unit and reduces the frequency of required repairs.
Key words: ESP, solids, slot filter, wedge wire.

Эффективность эксплуатации скважин, оборудованных УЭЦН, на поздних стадиях разработки месторождений всё в большей степени определяется содержанием механических примесей в добываемой продукции: песка, проппанта, продуктов коррозии и кристаллов солей. Твёрдые частицы вызывают абразивный износ рабочих колёс и направляющих аппаратов, снижают напор и КПД насоса, сокращают наработку на отказ. По промысловым данным, до 47 % отказов УЭЦН связано с механическими

примесями [1], [2]. Наиболее опасны частицы размером 100–200 мкм, которые попадают в проточную часть насоса и не выносятся потоком.

Для защиты насоса применяют погружные сепараторы механических примесей, фильтры и десендеры, устанавливаемые на приёме насоса [3], [4], [5]. Каждое из решений имеет ограничения. Фильтры быстро забиваются и повышают сопротивление на входе, а гидроциклонные и гравитационные сепараторы чувствительны к крупным включениям, которые могут перекрывать входные каналы и накапливаться в зоне закрутки потока. Сочетание механической (щелевой) и гидроциклонной ступеней позволяет использовать преимущества обоих принципов. Цель работы — описать конструкцию погружного сепаратора гидроциклонного типа с щелевым фильтром у входных отверстий и оценить его основные параметры.

Известен ряд конструкций погружных сепараторов. Гидроциклонные сепараторы типа СМГБ описаны в работе [4], где отмечены простота конструкции и возможность работы без подвижных частей. Обзор систем защиты скважинного оборудования приведён в [5], а результаты промысловых испытаний сепараторов — в [3]. Патент GB 2409691 A [6] описывает сепаратор для скважинного насоса, в котором твёрдые частицы отделяются за счёт изменения направления потока. В патенте RU 2387884 C1 [7] предложен центробежный сепаратор твёрдых частиц, а в RU 2422622 C1 [8] — сепаратор гравитационного типа, где осаждение частиц происходит в кольцевом пространстве корпуса. Полезная модель RU 153445 U1 [9] представляет сепаратор механических примесей с накопителем осадка, а патент RU 2526068 C1 [10] — погружной сепаратор, в котором очистка жидкости совмещена с закруткой потока. Эти решения использованы как прототипы при разработке рассматриваемой конструкции.

Отдельное направление составляют скважинные фильтры с проволочными фильтрующими элементами. Результаты их эксплуатации [11] и свойства фильтрующих перегородок из проволочного проницаемого материала [12] показывают, что такие элементы устойчивы к знакопеременным нагрузкам и позволяют регулировать размер задерживаемых частиц величиной щели. Это обосновывает применение щелевого фильтра в качестве входной ступени.

Базовая конструкция включает цилиндрический корпус наружным диаметром 100 мм и толщиной стенки 4 мм (сталь 20), полый вал диаметром 25/19 мм (сталь 40Х) и двухлопастной винтовой завихритель. Вал опирается на радиально-упорный подшипник; нижняя часть корпуса переходит в контейнер-накопитель. Жидкость, пройдя входную зону, попадает в кольцевой зазор шириной 33,5 мм, закручивается лопастями, и частицы под действием центробежных сил прижимаются к стенке корпуса и оседают в накопитель. Очищенный поток разворачивается на 180° и поднимается к насосу по полому валу (рис. 1). Основные параметры сепаратора приведены в табл. 1.

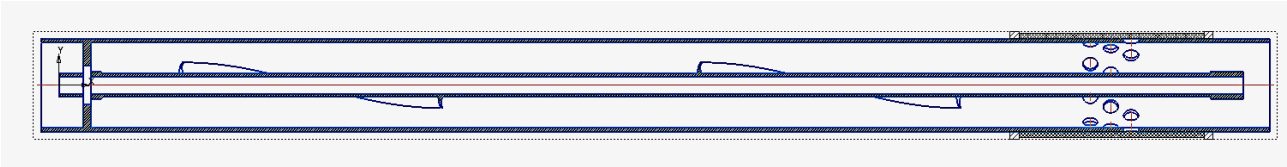


Рис. 1. Схема погружного сепаратора в разрезе

Таблица 1

Основные параметры сепаратора

Параметр	Значение
Наружный / внутренний диаметр корпуса, мм	100 / 92
Общая длина корпуса, мм	1328
Активная длина, мм	1000
Полый вал (наружный / внутренний диаметр), мм	25 / 19
Число лопастей завихрителя	2
Ширина кольцевого зазора, мм	33,5
Расчётный дебит, м³/сут	80
Требуемая тонкость очистки, мкм	не более 100
Коэффициент очистки, %	не менее 58–60

Полый вал обеспечивает подвод очищенной жидкости к насосу без дополнительных каналов в корпусе и снижает массу вала, а двухлопастной завихритель создаёт устойчивую закрутку при малых потерях давления, так как не создаёт значительного сужения проходного сечения. Расчётные потери давления в гидроциклонной части составляют около 55 Па, запас прочности вала — около 34. Расчётная толщина стенки корпуса с перфорацией составляет 4,29 мм при действующем давлении 25 МПа.

В предлагаемом решении у входных отверстий сепаратора размещается щелевой фильтр (рис. 2). Остальная часть конструкции — корпус, вал, завихритель, подшипниковый узел и накопитель — сохраняется без изменений. Пластовая жидкость сначала проходит через клиновую щель фильтра, где задерживаются частицы крупнее зазора, и лишь затем поступает через перфорацию в кольцевой зазор гидроциклонной ступени.

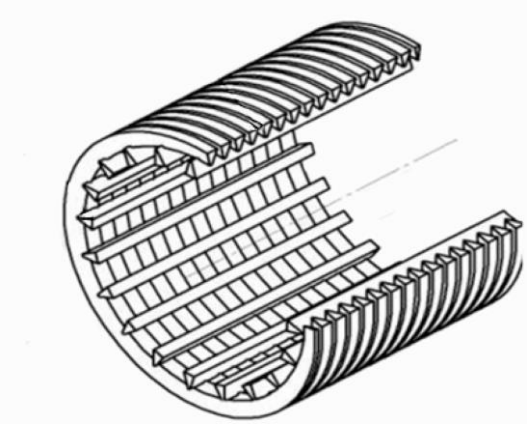


Рис. 2. Щелевой фильтр

Фильтр состоит из перфорированного каркаса, на который навита клиновая проволока профиля 4×6 мм с углом 30°. Зазор между витками составляет 0,1±0,05 мм, длина рабочей зоны — 1000 мм. Фильтроэлемент выполнен из нержавеющей стали 12Х18Н10Т, трубные части – стали 08Х18Н10. Клиновой профиль расширяется внутрь, поэтому частица, прошедшая в узкую часть щели, не заклинивается в ней, а свободно уходит во внутреннюю полость, что снижает риск закупоривания.

Размер щели 0,1 мм согласуется с требуемой тонкостью очистки сепаратора (не более 100 мкм): фильтр задерживает самые крупные частицы, которые могут перекрыть перфорацию или нарушить режим закрутки, а мелкие фракции, прошедшие щель, отделяются в гидроциклонной ступени. Габарит муфты (88,9 мм) меньше внутреннего диаметра корпуса (92 мм), поэтому фильтр может быть размещён в зоне входных отверстий; для сопряжения с корпусом диаметром 100 мм требуются переходные детали, что должно быть уточнено на этапе рабочего проектирования.

Площадь боковой поверхности рабочей зоны фильтра при диаметре 0,073 м и длине 1,0 м равна около 0,229 м². При живом сечении 4,76 % суммарная площадь щелей составляет примерно 0,0109 м². Расчётному дебиту 80 м³/сут (0,000926 м³/с) соответствует средняя скорость в щелях около 0,085 м/с. Потеря давления при коэффициенте местного сопротивления порядка 2 и плотности жидкости около 950 кг/м³ составляет не более 10 Па, то есть сопоставима с потерями в гидроциклонной части (около 55 Па) и не снижает режим работы насоса. Пропускная способность фильтра (не менее 8 м³/ч, или 192 м³/сут) более чем в два раза превышает расчётный дебит, что создаёт запас на постепенное засорение щелей. Следует учитывать, что приведённые значения — оценочные и подлежат уточнению численным моделированием.

Установка фильтра на входе даёт три эффекта. Во-первых, из потока удаляются крупные частицы и посторонние включения, способные повредить завихритель и забить накопитель. Во-вторых, фильтр выравнивает поле скоростей на входе, что улучшает устойчивость закрутки. В-третьих, конструкция фильтра из коррозионностойкой стали допускает извлечение и очистку при подъёме оборудования. К недостаткам относятся дополнительная длина узла, масса (24,7 кг) и возможность засорения щелей при выносе большого количества мелкого песка, поэтому в проекте предусмотрен запас по пропускной способности.

Таким образом, предложена конструкция погружного гидроциклонного сепаратора со щелевым фильтром у входных отверстий. Двухступенчатая очистка сочетает механическое задержание крупных частиц на фильтре с центробежным отделением мелких фракций в гидроциклонной ступени. Оценка показывает, что фильтр создаёт малое гидравлическое сопротивление и обладает запасом пропускной способности. Дальнейшая работа включает численное моделирование в SolidWorks, уточнение сопряжения фильтра с корпусом и стендовые испытания.

Список источников

1. Гарифуллин А. Р. Опыт борьбы с мехпримесями в ООО «РН-Юганскнефтегаз» // Инженерная практика. – 2010. – № 2. – С. 20–25.

2. Шакиров Э. И. Опыт применения технологий добычи и ограничения пескопроявления на пластах пачки ПК месторождений Барсуковского направления // Инженерная практика. – 2010. – № 2. – С. 58–65.

3. Антипина Н. А., Каплан А. Л., Пещеренко С. Н. Погружные сепараторы механических примесей // Бурение и нефть. – 2011. – № 12. – С. 40–43. – URL: https://www.novomet.ru/assets/files/2011_antipina.pdf.

4. Говберг А. С., Терпунов В. А., Суворов К. К., Шумилин А. А. Гидроциклонные сепараторы механических примесей типа СМГБ для погружных электроцентробежных насосов // Химическое и нефтегазовое машиностроение. – 2007. – № 2. – С. 28–29.

5. Ивановский В. Н., Сабиров А. А., Булат А. В. Системы защиты скважинного оборудования от механических примесей // Территория Нефтегаз. – 2010. – № 9. – С. 62–67.

6. Gordon S., Shotter P. R. Separating Apparatus and Method for Phases of a Downhole Produced Fluid: patent GB 2409691 A. – Published 06.07.2005. – URL: https://patents.google.com/patent/GB2409691A/en (дата обращения: 08.07.2026).

7. Логинова О. И. Центробежный сепаратор твердых частиц: патент РФ № 2387884 C1. – Опубл. 27.04.2010. – URL: https://patents.google.com/patent/RU2387884C1/ru (дата обращения: 08.07.2026).

8. Антипина Н. А., Пещеренко С. Н., Рабинович А. И., Сергиенко А. В., Каплан А. Л. Фильтр для очистки скважинной жидкости: патент РФ № 2422622 C1. – Опубл. 27.06.2011. – URL: https://patents.google.com/patent/RU2422622C1/ru (дата обращения: 08.07.2026).

9. Сафонов Д. И., Варламов С. Е., Атрощенко Н. Н. Сепаратор механических примесей: патент РФ № 153445 U1. – Опубл. 20.07.2015. – URL: https://patents.google.com/patent/RU153445U1/ru (дата обращения: 08.07.2026).

10. Островский В. Г., Пещеренко М. П., Пещеренко С. Н., Исаев Э. Г. Погружной сепаратор механических примесей: патент РФ № 2526068 C1. – Опубл. 20.08.2014. – URL: https://patents.google.com/patent/RU2526068C1/ru (дата обращения: 08.07.2026).

11. Пятов И. С., Кирпичев Ю. В., Корчагин А. Н., Воробьева Л. В. Фильтрующий элемент и способ его изготовления: патент РФ № 2734972 C1. – Опубл. 27.10.2020. – URL: https://patents.google.com/patent/RU2734972C1/ru.

12. Кирпичев Ю. В., Пятов И. С., Радлевич А. В., Воробьева Л. В., Корчагин А. Н. Блок фильтрующий: патент РФ № 2739655 C1. – 2020. – URL: https://patents.google.com/patent/RU2739655C1/ru.

© Л.Г. Якупова, 2026

УДК 510.51

ОПТИМАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ: ОТ ПОСТАНОВКИ К РАСЧЁТУ

ЛАПШИНА МАРИНА ЛЕОНИДОВНА
д. т. н., профессор
ФКОУ ВО «Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
СОКОЛОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА
кандидат технических наук, доцент
СИДОРЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ
кандидат технических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

Аннотация. Рассмотрены условия построения математической модели оптимального управления системой: описание процесса, экономический критерий и метод поиска экстремума. Приведена общая форма задачи с уравнением состояния и ограничениями. Кратко охарактеризованы принцип максимума, динамическое программирование и параметризация управления.
Ключевые слова: оптимальное управление, математическая модель, целевой функционал, ограничения, принцип максимума, динамическое программирование, параметризация управления.

OPTIMAL SYSTEM MANAGEMENT: FROM SETUP TO CALCULATION

Lapshina Marina Leonidovna,
Sokolova Olga Anatolyevna,
Sidorenko Alexander Alekseevich

Abstract. The conditions for constructing a mathematical model of optimal control of a system are considered: the description of the process, the economic criterion, and the method for finding the extremum. The general form of the problem with the state equation and constraints is presented. The maximum principle, dynamic programming, and control parametrization are briefly characterized.
Keywords: optimal control, mathematical model, objective functional, constraints, maximum principle, dynamic programming, control parametrization.

Минимальный комплект для постановки задачи состоит из трёх частей. Первая – описание системы. Это может быть система дифференциальных или разностных уравнений, балансовые соотношения, имитационная схема или набор ограничений [1]. В описании должны быть явно разделены величины, которые характеризуют состояние, и величины, через которые на систему воздействуют. Если параметр нельзя измерить, оценить или изменить, то включать его в число управляющих бессмысленно: модель начнёт требовать того, чего у системы нет. Вторая часть – экономическая оценка. Критерий должен выражать доход, затраты, прибыль, производительность или другой показатель, который система способна отслеживать и сопоставлять с альтернативами. Третья часть – процедура поиска [2]. Она подбирается под структуру модели: линейная или квадратичная задача обычно проще для анализа и внедрения, чем существенно нелинейная, хотя и нелинейную постановку иногда удаётся «подружить» с расчётом за счёт замены переменных, укрупнения или дискретизации.

В общей записи требуется выбрать допустимое управление u из множества U_{adm}, при котором

функционал $J(u)$ достигает нужного экстремума:

$$J(u) \to \min \text{ или } J(u) \to max,\ \ u \in U_{adm}.$$

Множество U_{adm} – это не абстрактная математическая оговорка, а граница между «можно» и «нельзя». В одних задачах она выглядит как простые пределы на переменные, в других – как система уравнений и неравенств, связывающих состояние, управление и время. Поэтому при моделировании полезно сразу представлять, насколько сложной получится эта граница: от неё зависит не только выбор метода, но и шанс довести решение до практики [1, 3]. Для непрерывного процесса базовая модель включает уравнение состояния

$$\dot{x}(t) = \mathrm{f(x(t), u(t), t)}, \mathrm{t} \in [t_0, t_f],$$

начальное условие $x(t_0) = x_0$,

терминальное условие $k\left(x\left(t_f\right), t_f\right) = 0$,

ограничения на управление $h(u) \le 0, h(u, x, t) \le 0$,

и ограничения на состояние $g(x, t) \le\ 0, G(x, t) = 0$.

Здесь $x(t)$ – вектор состояния, $u(t)$ – вектор управляющих воздействий, t_0 и t_f – начало и конец рассматриваемого интервала. Уравнение состояния отвечает за динамику, начальное условие задаёт стартовую точку, терминальное условие формулирует требования к финалу, а ограничения отсекают режимы, которые нельзя реализовать или которые нарушают нормативы.

Экономический смысл задачи удобно «спрятать» в функционал, состоящий из двух частей: $J(t) = \Phi\left(x\left(t_f\right)\right) + \int_{t_0}^{t_f} L(\mathrm{x(t), u(t), t})\ dt.$

Первая часть оценивает состояние к концу периода: остатки, незавершённое производство, выполнение плана, достигнутый выпуск. Вторая накапливает эффект за весь интервал: затраты, выручку, прибыль, расход ресурсов, отклонения от графика. Если критерий описывает издержки, его минимизируют; если доход или выпуск – максимизируют. Вместо состояния напрямую можно оценивать управляемый выход $y(t) = q(x(t), u(t), t)$.

Тогда критерий записывается через $y(t)$:

$$J(t) = \Psi\left(y\left(t_f\right)\right) + \int_{t_0}^{t_f} M(\mathrm{y(t), u(t), t})\ dt$$

Эти две формы не спорят друг с другом: выход связан с состоянием и управлением, поэтому переход от одной записи к другой не меняет существа задачи. Более того, введя дополнительную переменную состояния, терминальную оценку можно свести к интегральной или наоборот [4]. Это не просто формальный трюк: иногда такая замена заметно упрощает вычислительную схему.

Линейно-квадратичная постановка обычно приводит к обратной связи по состоянию, тогда как более простая линейная модель с ограничениями может дать правила настройки параметров или переключения режимов. Критерий должен опираться на показатели, которые система действительно отслеживает: прибыль, выручку, себестоимость, рентабельность, производительность, загрузку мощностей, запасы, время выполнения заказа. Если критерием выбрана прибыль, в него входят доход от продаж и затраты на производство:

$$J(u) = \int_{t_0}^{t_f} [p^T \mathrm{y(t)} - c^T \mathrm{r(t)} - s^T \mathrm{z(t)}]\ dt \to max,$$

где p – вектор цен, $y(t)$ – объём продаж, c – вектор удельных затрат, $r(t)$ – расход ресурсов, s – штрафы или стоимость хранения, $z(t)$ – дополнительные переменные. Если критерий отражает издержки, минимизируется суммарная стоимость ресурсов, труда, хранения, переналадки и штрафов:

$$J(u) = \int_{t_0}^{t_f} [c^T \mathrm{r(t)} + s^T \mathrm{z(t)} + d^T \mathrm{w(t)}]\ dt \to min,$$

где $w(t)$ – отклонения от плана, d – коэффициенты штрафов. В сложных случаях применяют многокритериальную постановку: выбирают главный критерий, остальные переводят в ограничения, либо строят обобщённый показатель, либо используют компромиссную схему. Критерий должен соответствовать горизонту управления. Для краткосрочного планирования важны текущие затраты и сменное задание, для среднесрочного – загрузка и запасы, для долгосрочного – инвестиции, модернизация и устойчивость развития.

Для задач непрерывного времени чаще применяют три подхода: принцип максимума Понтрягина, динамическое программирование Беллмана и параметризацию управления. Принцип максимума развивает необходимые условия оптимальности вариационного исчисления применительно к управляемым системам. Для задачи $\dot{x}(t) = \mathrm{f}(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t}),\ J(u) = \Phi\left(x\left(t_f\right)\right) + \int_{t_0}^{t_f} L(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t})\,dt,$

вводят гамильтониан $H(\mathrm{x},\mathrm{u},\lambda,\mathrm{t}) = L(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t}) + \lambda^T f(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t}).$

Необходимые условия записываются так:

$$\dot{x} = H_\lambda = \dot{f}(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t}),$$

$$\lambda = -H_x = -L_x - \left(\frac{\partial f}{\partial x}\right)^T \lambda,$$

$$u^*(t) = arg \max_{u \in U_{adm}} H(x^*(t), u, \lambda(t), t).$$

При терминальной оценке добавляется условие трансверсальности

$$\lambda(t) = \frac{\partial \Phi}{\partial x}\left(x\left(t_f\right)\right).$$

Динамическое программирование удобно для многоэтапных и дискретных процессов. В дискретном варианте используется рекуррентное соотношение $\mathrm{V}(\mathrm{x},\mathrm{t}) = \min_{u \in U_{adm}} \{L(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t})\Delta t + V(x + {+}f(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t})\Delta t, t + \Delta t)\}$, где $V(x,t)$ – функция ценности. В непрерывном пределе получается уравнение Гамильтона – Якоби – Беллмана:

$$-\frac{\partial \Phi}{\partial x} = \min_{u \in U_{adm}} \{L(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t}) + (\nabla_x V)^T f(\mathrm{x},\mathrm{u},\mathrm{t})\}.$$

При корректной модели этот подход позволяет выйти на глобальный экстремум, но для больших размерностей требует значительных вычислительных ресурсов. Параметризация управления заранее задаёт управление в некотором классе функций с неизвестными параметрами:

$$u(t) = u(t,a), a = (a_1, \ldots, a_m) \in A.$$

После этого исходная задача сводится к оптимизации параметров:

$$J(u) = \Phi\left(x\left(t_f, a\right)\right) + \int_{t_0}^{t_f} L(\mathrm{x}(t,a),\mathrm{u}(t,a),\mathrm{t})\,dt \to min,$$

$$x(t_0, a) = x_0, k\left(x\left(t_f, a\right), t_f\right) = 0, C(a) \le 0.$$

Выбор метода не должен быть формальным. Для линейно-квадратичной задачи

$$J(u) = \frac{1}{2}x^T\left(t_f\right)Sx\left(t_f\right) + \frac{1}{2}\int_{t_0}^{t_f}(x^T Qx + u^T Ru)dt$$

при $\dot{x} = Ax + Bu$ оптимальное управление ищется в форме обратной связи $u(t) = -R^{-1}B^T P(t)x(t)$, где матрица $P(t)$ удовлетворяет уравнению Риккати $-\dot{P} = PA + A^T P - {-}PBR^{-1}B^T P + Q,\ P(t_f) = S.$

Если процесс существенно нелинейный, а ограничения сложны, более реалистичен численный путь с параметризацией и последующей проверкой. Если важна многоэтапность и дискретность, преимущества получает динамическое программирование. В сжатом виде задача сводится к поиску допустимого управления $u \in U_{adm}$, минимизирующего или максимизирующего функционал $J(u)$ при уравнениях состояния, начальных и конечных условиях, а также ограничениях на управление и состояние. Конкретный вид модели зависит от ситуации, доступных данных и требуемой точности.

Список источников

1. Заславский А. А., Лебедев С. С. Модифицированный метод пометок для задач булева программирования // Экономика и математические методы. – 1998. – Т. 34, № 4. – URL: https://ideas.repec.org/a/scn/cememm/34-4-8.html.

2. Иванилов Ю. П., Лотов А. В. Математические модели в экономике. – М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1979. – 304 с.

3. Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория / пер. с англ. под ред. А. А. Конюса. – М.: Прогресс, 1975. – 606 с.

4. Канторович Л. В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 344 с. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01006291535.

УДК 004.056

ВСТРОЕННЫЕ КОМАНДЫ ОЧИСТКИ НАКОПИТЕЛЕЙ: ЗАЯВЛЕННЫЕ ГАРАНТИИ И ГРАНИЦЫ ПРОВЕРКИ

ГОСТИЩЕВ СТАНИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ
аспирант, ассистент преподаватель кафедры «Информационная безопасность»
БАСАРАБ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ
д.ф.-м.н., профессор,
заведующий кафедрой «Информационная безопасность»
ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»

Аннотация: сопоставлены гарантии встроенных команд очистки накопителей в спецификациях NVM Express и ATA. Операции Sanitize охватывают освобожденную память и кэши, тогда как проверка содержимого в NVM Express ограничена памятью, отведенной под данные пользователя, и выполняется через контроллер, а в ATA аналогичной процедуры нет. Область очистки, таким образом, шире области проверки, что важно для подтверждения уничтожения данных на накопителях с внутренней трансляцией адресов.
Ключевые слова: санитизация носителей, встроенные команды очистки, NVM Express, ATA, верификация уничтожения, трансляция адресов.

BUILT-IN SANITIZATION COMMANDS: SPECIFIED GUARANTEES AND VERIFICATION LIMITS

Gostishchev Stanislav,
Basarab Mikhail

Abstract: the study compares guarantees of built-in sanitization commands in the NVM Express and ATA specifications. Sanitize operations cover deallocated media and caches, whereas content verification in NVM Express is limited to media allocated for user data and runs through the device controller, and ATA provides no equivalent procedure. The scope of sanitization is thus wider than the scope of verification, which matters for confirming data destruction on drives with address translation.
Key words: media sanitization, built-in sanitization commands, NVM Express, ATA, sanitization verification, address translation.

На устройствах с внутренней трансляцией адресов – твердотельных накопителях и жестких дисках с черепичной записью под управлением устройства – одной перезаписи логического пространства для уничтожения данных недостаточно: часть областей, где хранились данные, не адресуется штатными командами чтения и записи [1, с. 9]. Руководство NIST SP 800-88r2 для таких случаев рассматривает встроенные команды очистки, позволяющие «обойти абстракцию, присущую обычным командам чтения и записи» [1, с. 10], но отмечает, что они «требуют доверия к производителю носителя и его гарантий того, что они реализованы так, как ожидается» [1, с. 9].

Экспериментально показано, что такое доверие не всегда оправдано. В работе 2011 г. двенадцать твердотельных накопителей проверялись чтением микросхем памяти вне устройства. Из семи накопите-

лей с набором команд безопасности ATA, результат для которых удалось проверить, команду SECURITY ERASE UNIT надежно выполнили четыре, а один «сообщил, что очистка прошла успешно, но все данные остались нетронутыми» [2]. В отечественной литературе отмечалось, что внедрение встроенных команд «не является обязательным требованием стандарта изготовления накопителей информации» [3, с. 11], хотя большинство производителей твердотельных накопителей их поддерживает [4].

Цель исследования – установить, совпадают ли в спецификациях области действия встроенных команд очистки и проверки их результата.

Материалы и метод. Рассмотрены базовая спецификация NVM Express редакции 2.4 [5], спецификация набора команд NVM редакции 1.3 [6], проект набора команд ATA ACS-6 [7] и руководство производителя к семейству накопителей с моделью на черепичной записи [8]. Для каждой команды устанавливались заявленный результат (логический – значение при чтении по логическому адресу, физический – невосстановимость прежних данных даже лабораторными методами), охватываемые области, средства проверки и источник сведений о выполнении. Под проверкой понимается чтение содержимого носителя, а не контроль статуса завершения.

Результаты. В NVM Express операция Sanitize определена через уровни очистки стандарта IEEE 2883: успешная очистка уровня purge делает восстановление данных «неосуществимым при использовании современных лабораторных методов», уровня clear – делает данные «недоступными через интерфейс хоста» [5, с. 711]. Успешное завершение при этом не означает purge: если в команде не задан признак PREQ, операция Block Erase или Overwrite, оставившая часть данных неизмененной, но недоступной, завершается успешно как clear [5, с. 714], а бит PRGD, сообщающий о достижении purge, в этом случае всегда сброшен [5, с. 315]. Перечень охватываемых областей включает память, отведенную под данные пользователя, всю освобожденную память, кэши и прочую внутреннюю память с пользовательскими данными [5, с. 711–712].

Для оценки результата предусмотрена «необязательная проверка той части носителя в пределах объекта очистки, которая отведена под данные пользователя» [5, с. 714]: в состоянии проверки носителя (Media Verification) контроллер возвращает прочитанные с носителя данные, игнорируя ошибки их целостности, и хост может провести аудит, чтобы «убедиться, что носитель очищен» [5, с. 715; 6, с. 174]. Однако читаются лишь логические адреса памяти под данные пользователя, и читает их тот же контроллер, которому разрешено возвращать при повторных чтениях одного адреса разные данные [6, с. 174]. Освобожденная память и кэши охватываются очисткой, но не проверкой; приложение к спецификации добавляет, что резервная емкость и выведенные из работы блоки через интерфейс недоступны и «проверке результатов операции очистки поддается только доступная память» [5, с. 832].

Для Format NVM с безопасным стиранием охват также выходит за пределы адресуемых блоков: стирание «распространяется на все данные пользователя независимо от места их хранения» [5, с. 208]. Команда Deallocate лишь разрешает контроллеру освободить блоки, а неосвобожденные остаются без изменений [6, с. 44]; для освобожденных задан ответ на чтение – ошибка либо 00h или FFh по полю DRB, причем значение «должно быть детерминированным» [6, с. 48].

В проекте ACS-6 область пользовательских данных задается диапазоном логических адресов от LBA 0 до максимального собственного адреса [7, с. 9]. Однако операции набора Sanitize Device «должны затрагивать области пользовательских данных, как распределенные в данный момент, так и не распределенные (например, ранее распределенные области и физические секторы, ставшие недоступными)», а прежние данные в кэшах должны стать недоступными [7, с. 67]. Проверки результата, аналогичной Media Verification, нет: о ходе и завершении операции сообщает сам накопитель по команде SANITIZE STATUS EXT [7, с. 68].

Обычный режим SECURITY ERASE UNIT заполняет нулями или единицами диапазон логических адресов, а переназначенные секторы в этом режиме перезаписывать допускается, но не требуется; расширенный режим использует шаблон производителя и обязательно включает «секторы пользовательских данных, которые ранее были записаны и больше не используются вследствие переназначения» [7, с. 274]. Требований к кэшам описание команды, в отличие от Sanitize Device, не содержит [7, с. 274–275]. Относятся ли к переназначенным секторам устаревшие копии, создаваемые внутренней

трансляцией адресов, стандарт не раскрывает. TRIM гарантирует еще меньше: команда может сделать освобожденными «некоторые, ни одного или все» указанные адреса [7, с. 134], а чтение освобожденного сектора может вернуть «ранее возвращавшиеся данные» того же адреса; исключены лишь данные, записанные хостом по другим адресам [7, с. 714].

В руководстве к семейству с моделью ST1000LM035 с черепичной записью [8, с. 6] для моделей без самошифрования из команд очистки названы только SECURITY ERASE PREPARE и SECURITY ERASE UNIT; команд набора Sanitize Device и DATA SET MANAGEMENT в перечне нет [8, с. 33–34], а в идентификационных данных отмечена поддержка расширенного режима стирания [8, с. 37; 7, с. 194]. Результаты сведены в табл. 1 (Deallocate и TRIM командами очистки не являются и даны для сравнения); во всех случаях сведения о выполнении предоставляет контроллер накопителя.

Таблица 1

Гарантии встроенных команд очистки и предусмотренная проверка

Команда (интерфейс)	Заявленный результат и охват	Способ и границы проверки
Sanitize (NVMe)	purge – физический, clear – логический (при сброшенном PREQ допустим clear); данные пользователя, освобожденная память, кэши [5]	необязательная; чтение через контроллер, только память под данные пользователя [5, 6]
Format NVM с безопасным стиранием (NVMe)	охват – все данные пользователя независимо от места хранения; уровень очистки не задан [5]	не задана; Media Verification относится к Sanitize [5]
Deallocate (NVMe)	логический: освобождение необязательно; освобожденные блоки читаются как ошибка или 00h/FFh [6]	чтение по логическому адресу
Sanitize Device (ATA)	охват физический: распределенные и нераспределенные области, кэши [7]	не задана; чтение может давать ошибку, статус сообщает накопитель [7]
SECURITY ERASE UNIT (ATA)	обычный режим – логические адреса (переназначенные секторы – по усмотрению); расширенный – и переназначенные; кэши не упомянуты [7]	не задана; при неудаче перезаписи – ошибка [7]
TRIM (ATA)	логический: освобождение необязательно; могут читаться прежние данные того же адреса [7]	чтение по логическому адресу

Обсуждение. Помимо расхождения охвата, есть второе ограничение: выполнение нормы стандарта внешняя сторона удостоверить не может (ср. [2]). Между тем руководство NIST SP 800-88r2 допускает проверку clear и логического purge по статусу завершения средств очистки, а подробную проверку содержимого (полную или выборочную), если ее не требует политика организации, считает необязательной [1, с. 24]; для встроенных команд это означает опору на сообщение самого накопителя. Авторы испытаний, считая, что встроенные методы очистки «должны быть проверяемыми, чтобы им можно было доверять» [9, с. 1], предлагали проверку третьей стороной «без опоры на аппаратные и программные средства производителя накопителя» [9, с. 5].

При криптографическом стирании, если новый ключ записан в другую область, а место хранения старого не изменено, прежнее значение «может быть восстановлено с применением передовых лабораторных методов»; стандарт требует в этом случае завершать операцию ошибкой [5, с. 715], но узнать об этом хост может лишь из сообщения контроллера. При анализе накопителей с аппаратным шифрованием отмечено, что выравнивание износа может затрагивать и ключевую информацию, а ее прежний незащищенный вариант «может по-прежнему извлекаться» [10].

На исследованных жестких дисках с черепичной записью остаточные данные после полного форматирования были обнаружены при обращении к служебным структурам в обход штатного чтения [11]. Это касается форматирования, но показывает пределы логического чтения.

Заключение. Для Sanitize в NVM Express охват очистки шире охвата проверки содержимого, у остальных рассмотренных команд очистки проверка не задана, а сведения о выполнении во всех случаях предоставляет контроллер накопителя. Поэтому при подтверждении уничтожения необходимо фиксировать примененную команду, ее параметры и фактический объем проверки, а сведения о реализации команд запрашивать у производителя [1, с. 35]. Дальнейшая задача – метод проверки, сопоставляющий охват очистки с содержимым служебных структур трансляции адресов, а не с сообщением накопителя о результате.

Список источников

1. Chandramouli R., Hibbard E.A. Guidelines for Media Sanitization: NIST Special Publication 800-88r2. – Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2025. – DOI: 10.6028/NIST.SP.800-88r2.

2. Wei M., Grupp L.M., Spada F.E., Swanson S. Reliably Erasing Data From Flash-Based Solid State Drives // USENIX FAST'11. – San Jose, 2011. – 13 p.

3. Уточка Р.А., Фадин А.А., Шахалов И.Ю. Проблемные вопросы гарантированного уничтожения информации на носителях с полупроводниковой энергонезависимой перезаписываемой памятью // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. Приборостроение. – 2011. – № S1. – С. 7-19.

4. Куц Д.В., Поршнев С.В., Соколов И.П., Куц М.П. К постановке проблемы затирания отдельных файлов на твердотельных накопителях // Инженерный вестник Дона. – 2024. – № 2 (110). – С. 35-51.

5. NVM Express Base Specification. Revision 2.4. – NVM Express, Inc., 2026 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://nvmexpress.org/specifications/ (18.10.2026)

6. NVM Express NVM Command Set Specification. Revision 1.3. – NVM Express, Inc., 2026. – URL: https://nvmexpress.org/specifications/ (дата обращения: 18.10.2026))

7. Information technology – ATA Command Set – 6 (ACS-6). Working Draft T13/BSR INCITS 574. Revision 13. – Washington: INCITS, 2025. – 718 p.

8. Seagate Mobile HDD Product Manual. Rev. A. – Seagate, 2019. – 42 p.

9. Swanson S., Wei M. SAFE: Fast, Verifiable Sanitization for SSDs. Rev. 0.6.2. – San Diego: University of California, 2010. – 5 p.

10 Meijer C., van Gastel B. Self-Encrypting Deception: Weaknesses in the Encryption of Solid State Drives // 2019 IEEE Symposium on Security and Privacy (SP). – 2019. – P. 72-87. – DOI: 10.1109/SP.2019.00088.

11. Гостищев С.С., Басараб М.А. Исследование эффективности полного форматирования для безопасного удаления данных на накопителях с черепичной записью // Эксперт-криминалист. – 2025. – № 4. – С. 2-5. – DOI: 10.18572/2072-442X-2025-4-2-5.

© С.С. Гостищев, М.А. Басараб, 2026

УДК 004.7

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ РЕГЛАМЕНТА ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПАРКА КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

ДАВЛАД МАРИНА ЮРЬЕВНА
студент
Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ)
САХАРЧУК ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА
к.т.н., доцент
Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ),
Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова Российской академии наук (ИРЭ им. В.А. Котельникова РАН).

Научный руководитель: Короткова Виктория Игоревна
Московский технический университет связи и информатики

Аннотация: в статье рассматривается модернизация системы технического обслуживания компьютерной техники на предприятии, внедрением планово-профилактического регламента. Описаны исходное состояние обслуживания, требования к регламенту, обновлённая структура работ без изменения состава компьютерного парка, политики распределения ответственности между пользователями и IT-специалистами, а также порядок внедрения. Рассмотрены тенденции 2026 года в области автоматизации учета ТО и дан обзор отечественных подходов к организации технического обслуживания.
Ключевые слова: техническое обслуживание, компьютерная техника, регламент ТО, планово-профилактическое обслуживание, автоматизация уведомлений, чек-листы, документирование.

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF REGULATIONS FOR THE MAINTENANCE OF THE COMPUTER EQUIPMENT FLEET

Davlad Marina Yuryevna,
Sakharchuk Veronika Mikhailovna

Scientific adviser: Korotkova Victoria Igorevna

Abstract: The article considers the modernization of the computer equipment maintenance system at an enterprise through the introduction of planned preventive maintenance regulations. The initial state of maintenance, the requirements for the regulations, the updated work structure without changing the composition of the computer fleet, the policies for the distribution of responsibilities between users and IT specialists, as well as the implementation procedure are described. The trends of 2026 in the field of maintenance accounting automation are considered, and an overview of domestic approaches to the organization of maintenance is given.
Key words: maintenance, computer equipment, maintenance regulations, planned preventive maintenance, notification automation, checklists, documentation.

Введение

Компьютерная техника – основа информационной инфраструктуры предприятия: на ней работают учебные классы и административные рабочие места, серверы, печатающие устройства и системы доступа к информационным ресурсам. Со временем растёт число устройств, увеличивается нагрузка на оборудование, накапливаются пыль и износ компонентов, поэтому систему технического обслуживания целесообразно рассматривать как основу, которая периодически модернизируется.

Исходной основой работы служит дипломный проект «Разработка и внедрение регламента технического обслуживания парка компьютерной техники», выполненный для предприятия. В проекте проанализирована существующая система эксплуатации, выявлены её недостатки: техническое обслуживание выполняется преимущественно после возникновения неисправностей, профилактические мероприятия проводятся нерегулярно, отсутствует единый порядок обслуживания и система документирования выполненных работ. Среди недостатков прежней системы в дипломе названо отсутствие утверждённого регламента, однако в число реализованных решений он не вошёл. Статья описывает следующий шаг развития проекта – разработку и внедрение планово-профилактического регламента технического обслуживания как основу контроля состояния оборудования.

Цель работы – описать разработку и внедрение регламента технического обслуживания компьютерной техники и показать, какие организационные и технические решения позволяют перейти от аварийного обслуживания к планово-профилактическому. Задачи: проанализировать исходную систему обслуживания и её ограничения, сформулировать требования к регламенту, разработать структуру регламента, описать порядок внедрения, оценить эффективность по результатам апробации.

1. Исходная система обслуживания и её ограничения

До внедрения регламента обслуживание компьютерной техники на предприятии носило преимущественно аварийный характер. Профилактические мероприятия проводились нерегулярно и в большинстве случаев выполнялись по мере возникновения проблем, а не по заранее согласованному графику. Очистка корпусов и внутренних компонентов от пыли, проверка работы систем охлаждения, углублённая диагностика накопителей и обновление программного обеспечения происходили только тогда, когда кто-то замечал замедление или нестабильность в работе.

Из-за такого подхода многие дефекты оставались незамеченными на ранних этапах и проявляли себя только в виде явных сбоев или отказов оборудования. Отчётность о проведённом обслуживании велась фрагментарно и непоследовательно, сведения записывались не всегда и не в полном объёме. Специалисты не имели достоверной информации о том, какие работы были выполнены, когда и кем, какие компоненты заменялись и какие замечания фиксировались. Это затрудняло планирование профилактических работ, своевременную замену изношенных деталей и закупку запчастей.

Основные недостатки действующей системы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Выявленные недостатки системы технического обслуживания (по дипломному проекту)

Проблема	Последствия
Отсутствие утверждённого регламента ТО	Работы выполняются несистемно, без единого порядка
Нерегулярная очистка оборудования	Перегрев компонентов и снижение производительности
Неполное документирование работ	Сложность контроля состояния оборудования
Обслуживание по факту поломки	Рост простоев и затрат на ремонт
Отсутствие распределения ответственности	Несвоевременное информирование о неисправностях

Как видно из таблицы, проблема не только в том, что техника стареет, но и в том, что её обслуживание организовано плохо. Поэтому регламент должен не латать поломки по факту, а предупреждать их заранее.

2. Обоснование требований к регламенту

Решить проблему можно по-разному: чаще ремонтировать, нанимать больше специалистов или

навести порядок в самом процессе обслуживания. Первый вариант не убирает причину отказов, а лишь сокращает время реакции на них. А второй не гарантирует, что работы будут выполняться системно. Поэтому выбран третий вариант: разработка регламента. Это внутренний документ, который определяет, как проводить профилактику, кто за что отвечает и как вести документацию.

Требования к регламенту сформировали по результатам анализа текущей ситуации. В документ включили обязательные профилактические работы: визуальный осмотр, чистку охлаждения, проверку дисков, обновление ПО и контроль параметров оборудования. Отдельно прописали периодичность: ежедневные, еженедельные, ежеквартальные и ежегодные мероприятия. Раньше графика не было вообще, поэтому внутри системных блоков накапливалась пыль, система охлаждения работала хуже, а компоненты грелись сильнее.

Ещё один важный момент это распределение ответственности. Когда обязанности не закреплены, пользователи не сообщают о неисправностях вовремя, а профилактика срывается. Поэтому в регламенте чётко прописали, кто и за что отвечает. Кроме того, без журналов и форм обслуживания невозможно отследить, когда проводилась профилактика и в каком состоянии находится техника. Поэтому документирование стало отдельным требованием. Основные требования к регламенту приведены в таблице 2.

Таблица 2

Основные требования к регламенту технического обслуживания

Требование	Обоснование необходимости
Определение перечня работ	Исключение несистемного выполнения профилактических мероприятий
Установление периодичности ТО	Своевременное выявление неисправностей и снижение риска отказов
Распределение ответственности	Контроль выполнения профилактических работ
Использование чек-листов	Исключение пропуска отдельных операций обслуживания
Ведение эксплуатационной документации	Учёт выполненных работ и контроль технического состояния оборудования
Организация внепланового ТО	Оперативное устранение поломок

Эти требования и легли в основу регламента. Они меняют саму логику: вместо обслуживания «по факту поломки» вводится планово-предупредительная модель. В итоге решаются три задачи: повышается стабильность работы оборудования, сокращается число внеплановых отказов и появляется системный контроль над состоянием техники.

3. Структура регламента

Разработка структуры регламента имеет ключевое значение, так как от её качества зависит удобство и понятность документа в повседневной работе. Правильно выстроенная структура делает регламент логичным и последовательным, чтобы им могли одинаково легко пользоваться как специалисты, так и обычные пользователи компьютерной техники. В документе целесообразно прописать общие положения, порядок выполнения работ, нормы периодичности, распределение ответственности и формы отчётной документации, чтобы все вопросы были организованы и легко находились при необходимости. Структура регламента представлена на рисунке 1.

В разделе общих положений формулируются цели и границы применения регламента. Главная задача – обеспечить стабильную работу техники, сократить количество отказов и продлить срок службы оборудования. Регламент распространяется на рабочие станции, ноутбуки, периферийные устройства и сетевое оборудование организации, а здесь фиксируются требования к обслуживанию, обязанности пользователей и специалистов, правила безопасной работы, указываются применимые нормативные документы, даются основные термины и прописываются требования по охране труда, электробезопасности и информационной безопасности.

Раздел о порядке выполнения технического обслуживания подробно описывает последователь-

ность действий. Сначала оборудование готовят и отключают от питания, затем осматривают корпус, кабели и системы охлаждения. После этого проводится диагностика: проверяются температурные показатели, состояние накопителей и общая стабильность работы. Далее выполняется очистка от пыли, обработка внутренних компонентов, радиаторов и вентиляторов, при необходимости замена термопасты и проверка приводов вентиляции. Следующий этап включает обновление операционной системы, драйверов и антивирусных баз. Завершается процедура тестированием стабильности и функциональности. Все обнаруженные неисправности фиксируются в журнале, при необходимости выполняется внеплановый ремонт или дополнительная диагностика.

Рис. 1. Структура регламента технического обслуживания

Периодичность устанавливается с учётом условий эксплуатации и интенсивности использования техники. Ежедневно проводится внешний осмотр, проверка кабелей и корректное завершение работы ОС. Еженедельно проверяется антивирусная защита, обновляются базы и контролируется работа ключевого программного обеспечения, периферии и сетевого подключения. Каждые три месяца выполняется очистка от пыли и обслуживание системы охлаждения. Раз в год проводится углублённая диагностика, проверка накопителей, замена термопасты и комплексное тестирование компонентов. При внезапном перегреве, сбоях или программных ошибках обслуживание проводят вне графика, чтобы минимизировать риск повреждений и простоев.

Для контроля состояния техники и учёта работ ведётся эксплуатационная документация. В журнале технического обслуживания фиксируются даты работ, перечень выполненных операций и ответственные лица. Это помогает отслеживать график и анализировать состояние оборудования. При неисправностях оформляют заявки на ремонт с указанием характера проблемы, времени обнаружения и источника сообщения. После завершения работ составляют акты, где указываются проведённые мероприятия и результаты проверки. Для стандартизации процедур и исключения пропусков используются чек-листы, в которых отмечаются ключевые проверки и фиксируются результаты диагностики. Такая структура регламента помогает дольше держать технику в рабочем состоянии и снижает риск внезапных отказов.

4. Порядок внедрения и настройки

Внедрение регламента выполнялось поэтапно и вне рабочей смены, чтобы не останавливать учебный и административный процесс. Последовательность действий следующая:

1) Утверждение регламента и согласование окна обслуживания.

2) Инструктаж пользователей: ознакомление с правилами эксплуатации и порядком подачи заявок на техническое обслуживание.

3) Назначение ответственных лиц: закрепление зон ответственности за конкретными рабочими местами и оборудованием; системный администратор и служба техподдержки принимают на себя функции диагностики, планирования профилактики и оформления отчётных материалов.

4) Внедрение журналов и чек-листов: проведение инструктажей для техников по заполнению чек-листов и ведению эксплуатационной документации.

5) Проведение первого цикла ТО: визуальный осмотр, очистка систем охлаждения, измерение рабочих температур, обновление программного обеспечения и углублённая диагностика накопителей.

6) Контроль выполнения работ: проверка полноты заполнения чек-листов и журналов, анализ выявленных замечаний.

Корректность проверяется тестовыми обращениями из каждого сегмента (доступ к почте, 1С и файловому серверу) и контрольными попытками нарушения правил эксплуатации, которые должны фиксироваться и попадать в журнал. Для отката достаточно вернуть прежний порядок обслуживания, сохранив накопленную документацию.

5. Тенденции 2026 года и их влияние на проект

При модернизации системы обслуживания в 2026 г. необходимо учитывать изменения рынка и нормативной среды. Российский рынок решений для автоматизации учёта и обслуживания ИТ-инфраструктуры растёт, а эксперты характеризуют его как вышедший из фазы срочного импортозамещения в фазу зрелого выбора. Это означает, что при выборе инструментов учёта и документирования не следует привязываться к одному производителю; предложенная схема этому соответствует: регламент опирается на стандартные формы документов и не требует специализированного программного обеспечения.

Второе обстоятельство – условия поставок. Зарубежные лидеры сегмента после 2022 г. прекратили либо существенно ограничили официальные поставки и поддержку в России. Поэтому при замене и расширении оборудования не следует привязываться к одному производителю; описанная схема этому соответствует: регламент не зависит от конкретных моделей техники и применим к оборудованию разных производителей.

Третье – регуляторные требования. Предприятие обрабатывает персональные данные сотрудников, в частности в бухгалтерской системе, а Федеральный закон № 152-ФЗ обязывает оператора принимать меры по их защите. Ведение эксплуатационной документации и разграничение ответственности за состояние оборудования облегчают выполнение этого требования.

Четвёртое обстоятельство связано с технологическими тенденциями. Растёт число устройств с сетевым подключением, которые редко обновляются (камеры, станки с ЧПУ). Это повышает значение регулярной диагностики и контроля состояния оборудования. Для распределённых организаций развиваются облачные модели учёта и мониторинга, однако для одной площадки базовыми остаются планово-профилактическое обслуживание и ведение эксплуатационной документации. Автоматизация учёта работ затрагивает вопросы защиты информации, включая персональные данные. Поэтому внедрение электронных журналов следует ограничивать оправданными категориями ресурсов и разграничивать права доступа.

6. Обзор существующих подходов к организации обслуживания

Подходы к организации технического обслуживания можно условно разделить на несколько групп (таблица 3).

Эти подходы решают близкие задачи разными средствами. Аварийное обслуживание не устраняет причину отказов, а лишь сокращает время реакции на них. Планово-профилактическое обслуживание позволяет выявлять неисправности до того, как они перерастут в критические отказы. Автомати-

зированный учёт повышает прозрачность и управляемость процесса, однако требует дополнительных затрат на внедрение и обучение персонала. Аутсорсинг снимает нагрузку с собственной службы, однако снижает контроль над состоянием оборудования.

Таблица 3

Подходы к защите сегментов сети в решениях разных производителей

Подход	Особенности	Типовая область применения
Аварийное обслуживание	Ремонт по факту поломки, отсутствие профилактики и документации	Малые организации с неформальным подходом
Планово-профилактическое обслуживание	Утверждённый график, чек-листы, журналы, распределение ответственности	Средние и крупные организации, учебные заведения
Автоматизированный учёт	Электронные журналы, системы заявок, мониторинг состояния оборудования	Организации с распределённой инфраструктурой
Аутсорсинг обслуживания	Передача функций специализированному подрядчику	Организации без собственной ИТ-службы

7. Результаты внедрения

В результате получена система обслуживания, в которой работы выполняются по утверждённому графику, обязанности распределены между пользователями и техническими специалистами, а состояние оборудования фиксируется в журналах и чек-листах. Закрыт недостаток, отмеченный в дипломе, а именно отсутствие утверждённого регламента. Правила обслуживания собраны в одном месте, профилактика проводится регулярно, появилась возможность анализировать историю эксплуатации каждого устройства.

Регулярная профилактика помогла снизить количество перегревов оборудования. Это оказалось особенно важным для учебных аудиторий, где компьютеры работают под высокой нагрузкой. Число поломок прямо во время занятий сократилось, что сделало учебный процесс непрерывным и снизило время на устранение неполадок. Ведение эксплуатационной документации помогло отслеживать историю обслуживания каждого компьютера и контролировать своевременность работ. Для наглядной оценки результатов показатели до и после перехода на новую систему сопоставлены в таблице 4.

Таблица 4

Оценка эффективности внедрения регламента

Показатель	До внедрения	После внедрения
Количество неисправностей в месяц	8 случаев	3 случая
Внеплановые обращения пользователей	15 обращений	7 обращений
Среднее время простоя оборудования	5 часов	2 часа
Выполнение профилактических мероприятий	Нерегулярно	Согласно графику
Контроль технического состояния	Частично	Систематически

У решения есть ограничения: регламент требует регулярного обновления при изменении состава компьютерного парка, а ведение документации – дисциплины от исполнителей. Часть рисков снижена: чек-листы исключают пропуск отдельных операций, а журналы позволяют анализировать повторяющиеся неисправности. Далее возможны автоматизация учёта в электронных журналах, внедрение системы заявок и мониторинг состояния оборудования в реальном времени.

Заключение

Модернизация системы технического обслуживания компьютерной техники внедрением регламента развивает дипломный проект и закрывает выявленный в нём пробел в организации обслуживания. Предложенная схема сохраняет состав компьютерного парка, вводит планово-профилактический подход и не привязана к оборудованию одного производителя. Анализ тенденций 2026 г. показывает, что при выборе инструментов учёта и документирования нужно учитывать зрелость российского рынка, ограничения поставок зарубежного оборудования и требования по защите персональных данных. Обзор подходов подтверждает, что принципы организации обслуживания общие, а различия связаны с масштабом организации, стоимостью и регуляторными требованиями.

Список источников

1. Ледин Дж. Современная архитектура и устройство компьютеров. – 2-е изд. – СПб.: БХВ-Петербург, 2024. – 560 с. – ISBN 978-5-9775-1870-3. – URL: https://bhv.ru/product/sovremennaya-arhitektura-i-organizatsiya-kompyuterov-vtoroe-izdanie/.

2. Белугина С. В. Архитектура компьютерных систем. Курс лекций: учебное пособие для среднего профессионального образования. – 2-е изд., стер. – СПб.: Лань, 2024. – 160 с. – ISBN 978-5-507-48577-2.

3. Новожилов О. П. Архитектура компьютерных систем. Часть 1: учебное пособие для среднего профессионального образования. – М.: Юрайт, 2021. – 276 с. – ISBN 978-5-534-10299-4. – URL: https://urait.ru/bcode/475573.

4. Толстобров А. П. Архитектура ЭВМ: учебное пособие для среднего профессионального образования. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 162 с. – ISBN 978-5-534-16832-7. – URL: https://urait.ru/bcode/543056.

5. Новожилов О. П. Архитектура ЭВМ и вычислительных систем: учебник для среднего профессионального образования. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 505 с. – ISBN 978-5-534-20366-0. – URL: https://urait.ru/bcode/589608.

6. Ледин Дж. Современная архитектура и устройство компьютеров. – 2-е изд. – СПб.: БХВ-Петербург, 2024. – 560 с. – ISBN 978-5-9775-1870-3.

7. Новожилов О. П. Архитектура компьютерных систем. Часть 2: учебное пособие для среднего профессионального образования. – М.: Юрайт, 2019. – 246 с. – ISBN 978-5-534-10301-4. – URL: https://urait.ru/bcode/442491.

8. Толстобров А. П. Архитектура ЭВМ: учебное пособие для среднего профессионального образования. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 162 с. – ISBN 978-5-534-16832-7.

9. Новожилов О. П. Архитектура ЭВМ и вычислительных систем: учебник для среднего профессионального образования. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 505 с. – ISBN 978-5-534-20366-0.

10. Ледин Дж. Современная архитектура и устройство компьютеров. – 2-е изд. – СПб.: БХВ-Петербург, 2024. – 560 с. – ISBN 978-5-9775-1870-3.

11. Ледин Дж. Современная архитектура и устройство компьютеров. – 2-е изд. – СПб.: БХВ-Петербург, 2024. – 560 с. – ISBN 978-5-9775-1870-3.

12. Новожилов О. П. Архитектура ЭВМ и вычислительных систем: учебник для среднего профессионального образования. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 505 с. – ISBN 978-5-534-20366-0. – URL: https://urait.ru/bcode/589608.

13. Гостев И. М. Операционные системы: учебник и практикум для среднего профессионального образования. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 164 с. – ISBN 978-5-534-04951-0. – URL: https://urait.ru/bcode/539078.

14. Нисан Н., Шокен Ш. Архитектура компьютерных систем. Как собрать современный компьютер по всем правилам. – М.: Эксмо, 2023. – 496 с. – ISBN 978-5-04-181053-5.

15. Щербак А. В. Информационная безопасность: учебник для среднего профессионального образования. – М.: Юрайт, 2023. – 259 с. – ISBN 978-5-534-15345-3. – URL: https://urait.ru/bcode/519614.

16. Новожилов О. П. Архитектура ЭВМ и вычислительных систем: учебник для среднего профессионального образования. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 505 с. – ISBN 978-5-534-20366-0. – URL: https://urait.ru/bcode/589608.

17. Рабчевский А. Н. Компьютерные сети и системы связи. Вводный курс: учебное пособие для среднего профессионального образования. – М.: Юрайт, 2025. – 207 с. – ISBN 978-5-534-21488-8. – URL: https://urait.ru/bcode/572632.

18. Компьютерные сети: учебник и практикум для среднего профессионального образования / под науч. ред. А. М. Нечаева, А. Е. Трубина, А. Ю. Анисимова. – М.: Юрайт, 2026. – 515 с. – ISBN 978-5-534-21453-6. – URL: https://urait.ru/bcode/590199.

19. Трасковский А. В. Сбои и неполадки домашнего ПК. – СПб.: БХВ-Петербург. – 384 с. – ISBN 5-94157-357-X. – URL: https://bhv.ru/product/sboi-i-nepoladki-domashnego-pk/.

УДК 69.1418

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ ЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПЛАВАТЕЛЬНОГО БАССЕЙНА ДЛЯ УСЛОВИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ПЕТРУК ДАНИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ
магистрант
СПИРИДОНОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА
к.т.н., доцент
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»

Аннотация: Выбор несущих и ограждающих конструкций одноэтажного здания плавательного бассейна, проектируемого в Западной Сибири, для четырёх ключевых позиций — конструктивной схемы, чаши бассейна, фундаментов и покрытия. Выполнено сравнение по пяти критериям, с учётом мокрого режима эксплуатации и морозов до −39 °C.
Ключевые слова: общественный плавательный бассейн, конструктивная схема здания, монолитная железобетонная чаша, забивные сваи, сборные панели покрытия, балльная оценка вариантов, холодный климат.

TITLE OF THE ARTICLE: COMPARATIVE ANALYSIS OF STRUCTURAL SOLUTIONS OF A PUBLIC SWIMMING POOL BUILDING FOR THE CONDITIONS OF WESTERN SIBERIA

Petruk Danil Alekseevich,
Spiridonova Irina Vladimirovna

Abstract: The selection of load-bearing and enclosing structures for a single-storey swimming pool building designed in Western Siberia was carried out for four key elements — the structural scheme, the pool basin, the foundations, and the roof. A comparison was made according to five criteria, taking into account the wet operating mode and temperatures down to −39 °C.
Key words: public swimming pool, building structural scheme, monolithic reinforced concrete bowl, driven piles, prefabricated roof panels, scoring assessment of options, cold climate.

В зданиях общественных плавательных бассейнов конструктивные решения формируются под влиянием двух групп факторов: первая — географическая: в Западной Сибири пятидневка морозов достигает −39 °C, грунт промерзает на 180 см, а отопительный сезон тянется 228 суток [7]. Вторая — технологическая: зеркало воды, перенасыщенный влагой воздух и химия водоподготовки превращают зал бассейна в агрессивную среду, вредную для железобетона. Базовые требования к таким сооружениям сформулированы в СП 310.1325800.2017 [1].

Анализ неисправностей реальных чаш говорит об обратном: чаще всего страдает именно ванная — по ней идут трещины, и с ними уходит герметичность, а за ней и ресурс сооружения [2]. Проектные решения, привычные для центральных регионов, в сибирских условиях требуют пересмотра, увеличи-

вается глубина заложения фундаментов, большие перепады температур и необходимость зимней укладки бетона.

Целью настоящей статьи является обоснование выбора ключевых проектных решений здания общественного плавательного бассейна. Выбор конструктивной схемы здания, конструкции ванны, фундамента и покрытия.

1. Методика сравнительного анализа

Сопоставление велось по пяти критериям, каждому присвоен вес: затраты на устройство — 0,30 для общественного бассейна именно смета весомее всего; эксплуатационная надёжность в мокром помещении — 0,20; расходы при содержании — 0,20; удобство возведения — 0,15; устойчивость к морозам и температурным перепадам — 0,15. Варианты, не проходящие по нормам, из сравнения исключены.

Методика опирается на принцип сопоставимой оценки затрат и эффекта для альтернативных вариантов проектных решений [3]. Абсолютная стоимость строительства при этом не сравнивается — варианты оцениваются относительно друг друга. Введён и дополнительный фильтр: вариант, противоречащий действующим нормам, выбывает из рассмотрения до любых экономических расчётов.

По каждому критерию выставлялась оценка от 1 до 5 баллов; итоговый показатель варианта — средневзвешенная сумма этих оценок.

2. Сравнение вариантов конструктивной схемы здания

Рассмотрены три варианта: кирпичная стеновая схема с железобетонными монолитными элементами, монолитный железобетонный каркас и стальной каркас. Сопоставление выполнено по относительным показателям (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение вариантов конструктивной схемы здания

Показатель	Стеновая схема	Монолитный каркас	Стальной каркас
Относительная стоимость, доли ед.	1,00	1,15	1,25
Надёжность в мокром режиме (балл)	5	4	3
Сопротивление теплопередаче стен	Высокое	Среднее	Низкое (мостики холода)
Защита от конденсата на несущих элементах	Хорошая	Удовлетворительная	Плохая

При пролётах помещений до 9 м каркас частично дублирует функции несущих стен, что увеличивает расход материалов. Кирпичная схема сильнее и по теплотехнике — кладка с наружным утеплением толщиной 260 мм закрывает требуемое сопротивление теплопередаче при −39 °C без разрывов утепления на металле. Стальной каркас над водной чашей ещё и собирает конденсат, а его антикоррозионная защита — отдельная строка расходов на весь срок службы. По совокупности критериев принята стеновая схема с экономией порядка 10–15 % против каркасных решений (табл. 1).

3. Сравнение вариантов конструкции ванны бассейна

Для ванны бассейна рассмотрены три варианта: монолитная железобетонная чаша, сборная железобетонная чаша из вибропрессованных элементов и композитная чашеобразная ёмкость заводского изготовления (табл. 2).

При глубине ванны 1,5–2,1 м и объёме воды порядка 100 м³ композитные чаши заводского изготовления не обеспечивают требуемых габаритов без стыковки модулей, что воспроизводит проблему сборной схемы. Только монолитная чаша позволяет выполнить непрерывное армирование и подтвердить расчётом трещиностойкость: для характерного участка днища момент образования трещин Mcrc =

10,2 кН·м превышает расчётный изгибающий момент Mn = 9,26 кН·м [4]. Класс бетона принят B25 с маркой по водонепроницаемости W6, что соответствует рекомендациям для конструкций, эксплуатируемых в водной среде [5]. Принято монолитное решение чаши.

Таблица 2

Сравнение вариантов конструкции ванны

Критерий	Монолитная чаша	Сборная чаша	Композитная чаша
Непрерывность армирования	Полная	Прерывная, стыки	Отсутствует
Трещиностойкость	Расчётная, подтверждённая	Определяется стыками	Не нормируется расчётом
Водонепроницаемость бетона	W6	Зависит от герметизации швов	Свойство материала
Габариты ванны, м	12,5 × 6,0	12,5 × 6,0 (из модулей)	Ограничена типоразмерами

4. Сравнение вариантов фундаментов

Грунтовые условия площадки (слабые водонасыщенные грунты) и нормативная глубина промерзания 180 см определили рассмотрение двух вариантов: свайного фундамента из забивных свай 300×300 мм и мелкозаглублённой монолитной ленты. Сопоставление выполнено по расходу материалов и надёжности (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение вариантов фундаментов

Показатель	Свайный фундамент	Мелкозаглублённая лента
Расход бетона свай, м³	145,8	—
Расход бетона ростверка (ленты), м³	27,4	109,4
Объём земляных работ, м³	Незначительный	355,7
Расчётная осадка, см	3,2	не нормируется при слабых грунтах

Формально ленточный фундамент экономичнее по бетону: 109,4 м³ против 173,2 м³ у связки «сваи + ростверк». Но выемка грунта 355,7 м³ дает основания остановиться на свайном фундаменте. Также на слабых водонасыщенных основаниях мелкое заложение не обеспечивает нормируемую надёжность. Расчёт свайного варианта по предельным состояниям второй группы дал осадку 3,2 см — с большим запасом к допустимым 15 см [6]. Принят свайный фундамент; сваи заглублены до 8,95 м.

5. Сравнение вариантов покрытия

Крыша зала собрана из сборных железобетонных панелей 1,5×9,0 м по преднапряжённым прогонам; альтернатива — металлические фермы с профилированным настилом. Панель по расчёту дала прогиб 0,08 мм при допуске 0,4 мм — запас пятикратный, трещины не образуются. Против металла сыграл всё тот же мокрый режим: под потолком над зеркалом воды на нижних поясах ферм неизбежно осаждается капельный конденсат, а это и коррозия, и капли над головами посетителей, что недопустимо ни по коррозионной стойкости, ни по санитарным требованиям. Покрытие принято из железобетонных панелей.

6. Итоговая матрица решений

Как видно из рис. 1, принятые варианты выигрывают у альтернатив по всем четырём позициям

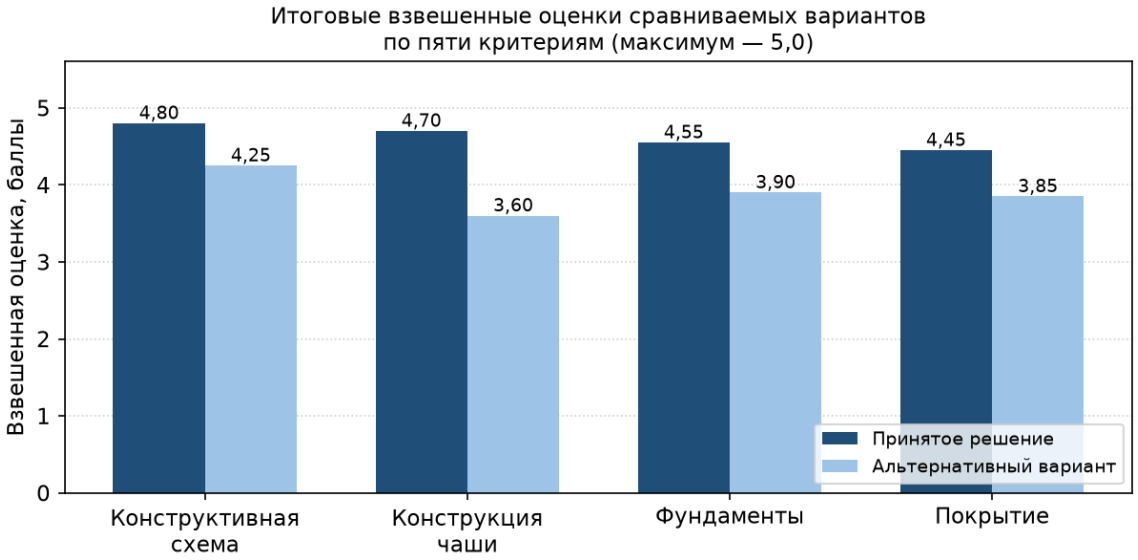


Рис. 1. Итоговые взвешенные оценки сравниваемых вариантов по пяти критериям

Таблица 4

Итоговая матрица проектных решений

Ключевая позиция	Принятое решение	Оценка, баллы	Альтернатива
Конструктивная схема	Кирпичная стеновая схема	4,80	Монолитный каркас (4,25)
Конструкция ванны	Монолитная ЖБ чаша, B25 W6	4,70	Сборная чаша (3,60)
Фундаменты	Сваи 300×300 мм, l = 8,95 м	4,55	Мелкозаглублённая лента (3,90)
Покрытие	Сборные ЖБ панели 1,5×9,0 м	4,45	Металлофермы (3,85)

Заключение

Выполненный сравнительный анализ позволил обосновать четыре ключевых проектных решения здания бассейна для условий Западной Сибири: кирпичную стеновую схему, монолитную железобетонную чашу класса B25 W6, свайный фундамент из забивных свай 300×300 мм и покрытие из сборных железобетонных панелей. Принятые решения обеспечивают требуемую надёжность в мокром режиме эксплуатации, восприятие климатических нагрузок при расчётной температуре до −39 °C и рациональные затраты на строительство и содержание. Направлением дальнейших исследований является уточнение напряжённо-деформированного состояния чаши методом конечных элементов.

Список источников

1. СП 310.1325800.2017. Бассейны для плавания. Правила проектирования. – М.: Минстрой России, 2017.

2. Кучеренко, В. А. Определение причин образования трещин в несущих и ограждающих конструкциях бассейна в здании / В. А. Кучеренко, В. Л. Курбатов, В. И. Римшин // Эксперт: теория и практика. – 2022. – № 1(16). – С. 75-81. – DOI 10.51608/26867818_2022_1_75. – EDN UBSOCH.

3. Павлюченко, Е. И. Анализ и совершенствование методики технико-экономического обоснования и оценки проектных решений в строительстве / Е. И. Павлюченко, Р. Р. Асланова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2015. – № 8(58). – С. 33-38. – EDN VGIAZT.

4. СП 63.13330.2018. Бетонные и железобетонные конструкции. Основные положения. – М.:

Минстрой России, 2018.

5. Малахова А. Н., Бигдан Н. Д. Конструктивные решения плавательных бассейнов для существующих детских образовательных учреждений // Современное строительство и архитектура. – 2017. – № 2 (06). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivnye-resheniya-plavatelnyh-basseynov-dlya-suschestvuyuschih-detskih-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy (дата обращения: 17.10.2026).

6. СП 24.13330.2021. Свайные фундаменты. – М.: Минстрой России, 2021.

7. СП 50.13330.2012. Тепловая защита зданий. – М.: Минрегион России, 2012.

© Д.А. Петрук, И. В. Спиридонова, 2026

УДК 614.844

ПРИМЕНЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ РИДИАЦИОННОЙ, ХИМИЧЕСКОЙ И БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ТУШЕНИИ ПОЖАРОВ НА ХИМИЧЕСКИ ОПАСНЫХ ОБЪЕКТАХ

ЛУЗГИН ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ
студент
Иркутский национальный исследовательский технический университет

Научный руководитель: Белых Л.И.
д.х.н., профессор
Иркутский национальный исследовательский технический университет

Аннотация: в статье рассмотрены основные причины пожаров на химических опасных объектах, вопрос использования и тактических возможностей аварийно-спасательных действий и средств на предприятиях химической отрасли подразделениями пожарной охраны. Рассмотрен порядок использование средств радиационной, химической и биологической защиты при тушении пожаров, как системный подход при возникновении чрезвычайных ситуаций, связанных с выбросом АХОВ.
Ключевые слова: пожар, пожарная безопасность, РХБЗ, химически опасные объекты, средства защиты, тушение пожаров с наличием АХОВ.

APPLICATION OF FORCES AND MEANS OF RADIATION, CHEMICAL AND BIOLOGICAL PROTECTION WHEN EXTINGUISHING FIRES AT CHEMICALLY HAZARDOUS FACILITIES

Luzgin Valentin Alexandrovich

Scientific adviser: Belykh L.I.

Abstract: the article discusses the main causes of fires at chemical hazardous facilities, the issue of using and tactical capabilities of emergency rescue actions and means at chemical enterprises by fire departments. The procedure for the use of radiation, chemical and biological protection means in extinguishing fires is considered as a systematic approach in the event of emergencies associated with the release of chemical substances.
Key words: fire, fire safety, RChBZ, chemically hazardous facilities, protective equipment, fire extinguishing with the presence of chemical warfare agents.

Химическая отрасль в России считается одной из важнейших составляющих успешного функционирования целого ряда других сфер деятельности, позволяющих успешно развиваться и стабильно расти экономике нашей страны. В первую очередь это связано с тем, что химическая промышленность

работает на такие ведущие отрасли как металлургия, фармацевтика, агропромышленный комплекс, пищевая промышленность и ряд других, не менее важных. При столь значимом влиянии химических веществ на экономику не стоит забывать о высокой степени опасности использования ряда химических компонентов.

На сегодняшний день опасность представляют не только объекты производства химически опасных веществ, но и транзитные пункты перевозки (железнодорожные станции, речные порты) и места массово складирования и уничтожения химического оружия.

Главная угроза аварии, утечки, взрыва и пожара опасных химических веществ зависит от степени опасности самих веществ и заключается в значительных, трудно затратных работах, связанных с риском для жизни по ликвидации последствий таких ЧС [1-2].

Согласно ГОСТ 12.1.007-76 «Вредные вещества, классификация и общие требование безопасности» все химические вещества поделены на группы в соответствии со степенью опасности и наносимого вреда человеку и окружающей среде. Согласно данной градации есть чрезвычайноопсные, высокоопасные, умерено опасные и малоопасные химические соединения.

Наиболее известные распространенные в использовании опасные вещества, аварии с которыми приносят огромный ущерб окружающей среде на многие километры в радиусе самой аварии, часто влекут гибель людей и животных, наносят непоправимый урон здоровью человека, природе, и, тем самым, становятся причинами экономических убытков – это хлор и амиак. Однако история знает случаи и с менее известными, но от этого не менее опасными химикатами [3-4].

Крупнейшая авария с метилизоционатом (ядовитый газ, используется для создания гербицидов) произошла в Индии, в 1984 года, тогда облако ядовитого газа накрыло площадь радиусом более 40 км. В результате этой катастрофы в первые дни погибли 5 тысяч человек, более 15 тысяч человек умерли позже, получив сметрельную дозу химического отравления.

В результате аварии в 1989 году в СССР повреждены были 32 цистерны с жидким хлором, в атмосферу попали 300 тонн высокотоксичных паров хлора, погибли 17 человек, 500 человек получили непоправимый вред здоровью, жители ближайших деревень были эвакуированы из своих домов в радиусе 5 км от места аварии. Это лишь несколько примеров большой проблемы. Предотвращать негативные последствия от аварий с химическими веществами, минимизировать риски гибели и заражения людей – вот главная задача государства.

В связи с чем в МЧС России сформировано специализированное подразделение, призванное справляться с подобного рода катастрофами. Это специальные формирования сил и средств радиационной, химической и биологической защиты, привлекаемые в случае чрезвычайных ситуаций с радиационной, химической или биологической угрозой, там, где простые спасатели и пожарные работать не должны.

На вооружении этих подразделений находится инструментарий, который позволяет производить разведку, опознавать вещество, степень опасности, измерять уровень радиации и наличие в природной среде превышений предельно допустимых значений жизненоважных соединений, без вреда самим спасателям – это дозиметры, газоанализаторы, индикаторные пленки, экспресс-тесты, сигнализаторы биологических аэрозолей, метеокомплекты, и приборы для отбора проб почвы, воды, воздуха.

Серьезно осложняется чрезвычайная ситуация в результате аварии с наличием опасных химических веществ, если в совокупности всех негативных факторов начинается пожар, либо пожар возник в результате взрыва или разгерметизации конструкций. Под воздействием высокой температуры начинается термическое разложение и взрывной рост давления химически опасных веществ, что усугубляет воздействия их на окружающую среду и затрудняет ликвидацию последствий [5].

Применение средств радиационной, химической и биологической защиты в условиях пожара требует от специалистов особой тактики.

Таким образом, боевые действия по тушению пожара начинаются с разведки. Руководитель тушения пожара предварительно проводит информационный опрос с представителем администрации объекта, оперативно выясняя информацию об объекте, только потом приступает к запуску анализаторов и дозиметров на основе полученных данных, осуществляющих химическую и радиационную разведку [6].

На месте происшествия создается штаб пожаротушения, в который обязательно входят специалисты от предприятия, сотрудники службы химической безопасности. Все решения согласовываются с ними в процессе работы. Именно эти специалисты вносят огромный информационный пласт о количестве опасного вещества, условиях его эксплуатации и хранения, о возможных причинах аварии, количестве пострадавших. На основе этих данных разрабатывается последующий план действий пожарно-спасательных формирований [7].

Далее определяются границы опасной зоны, количество людей, которые могут находится в опасной зоне на предприятии, и число прилегающих территорий по степени распространения опасных факторов пожара и аварии химического вещества. По показаниям приборов спасатели намечают рубежи, выставляют посты безопасности газодымозащитной службы с наветренной стороны от места аварии и очага пожара. Важно в ходе тушения пожара выбрать безопасные способы действий. Применять огнетушащие вещества и методы ликвидации горения, учитывающие опасные свойства химического соединения [7].

Для локализации и нейтрализации химического вещества используются:

- постановка жидкостных завес (водяных или нейтрализующих растворов) в направлении движения облака химиката;
- обвалование пролива для ограничения площади заражения и интенсивности испарения ядовитых паров химически опасного компонента;
- откачка разлившегося опасного химического вещества в резервные ёмкости;
- засыпка пролива сыпучими сорбентами или структурирование его специальными составами с последующим вывозом и нейтрализацией.

Тушение пожара с наличием опасного химического вещества проводится минимальным количеством личного состава, обеспеченного средствами индивидуальной защиты (СИЗ), соответствующими характеру химической обстановки. Обязательно нормируется и отслеживается предельно допустимое время пребывания на заражённом участке участников тушения пожара [7].

Если в результате аварии и пожара образуется ядовитое облако, применяются меры для его осаждения, образуется подача распыленных струй. Проводится эвакуация людей и животных с подветренной стороны.

После тушения пожара личный состав проходит санитарную обработку, дегазацию территории и деактивацию инструментов в границах опасной зоны. Привлекаются специализированные службы, проводящие санитарно-эпидемиологические мероприятия в том числе и с бойцами подразделения и со средствами, использованными в ходе разведки и тушения пожара с наличием опасных химических веществ. Газоанализаторы держат включёнными, чтобы вовремя заметить рост концентрации токсичных продуктов горения или утечку опасных химических веществ [7].

При тушении пожаров на объектах с АХОВ средства РХБЗ решают две главные задачи: защитить личный состав и эффективно нейтрализовать опасные вещества или ограничить их распространение.

Список источников

1. Степанова, Т. С. Анализ пожаротушения на химически опасных объектах / Т. С. Степанова, М. О. Лигун // Научное обоснование стратегии цифрового развития АПК и сельских территорий: материалы Национальной научно-практической конференции, Волгоград, 09 ноября 2022 года. – Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2023. – С. 246-252. – EDN DVUVDH.

2. Аварийно-критические опасные вещества: [Электронный источник] - https://admbal.ru/zhitelyam/podgotovka-nerabotayushchego-naseleniya-grazhdanskaya-zashchita/avariyno-khimicheskie-opasnye-veshchestva, (дата обращения 27.10.2026).

3. ГОСТ Р 22.0.05-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения»: [Электронный источник] - https://tk-expert.ru/uploads/files/ntd/ntd, (дата обращения 27.10.2026).

4. ГОСТ 12-1-007-76 «Вредные вещества, классификация и общие требование безопасности»: [Электронный источник] – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/9/64462-vrednye-veshchestva-klassifikatsiya-i-obshchie-trebovaniya-bezopasnosti-gost-12-1-007-76, (дата обращения 27.10.2026).

5. Нормы пожарной безопасности: [Электронный источник] - URL: https://01servce.spb.ru/0/44/npb_88_2001.pdf?ysclid=mp42a48kie6616440 (дата обращения 27.10.2026).

6. Бондарева, Е. М. Тушение пожара на химическом предприятии с наличием АХОВ / Е. М. Бондарева // Экология и безопасность в техносфере: современные проблемы и пути решения: Юргинский технологический институт. – Юрга: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2018. – С. 394-397.

7. Методические рекомендации по организации и ведению боевых действий подразделениями пожарной охраны при тушении пожаров на объекте с наличием АХОВ. от 08.12.2003г. утвержденные заместителем министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Е.А. Серебряниковым.

УДК 004.89

СРАВНЕНИЕ МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ БАЗЫ ЗНАНИЙ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОИСКА В РОССИЙСКИХ КОРПОРАТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

ЛАПШИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
студент
ШЕРРИ ГЕОРГИЙ ДАНИЭЛЕВИЧ
ассистент
ФГБОУ ВО «МИРЭА - Российский технологический университет»

Научный руководитель: Овчинников Михаил Андреевич
старший преподаватель кафедры математического обеспечения и стандартизации информационных технологий
ФГБОУ ВО «МИРЭА - Российский технологический университет»

Аннотация: Рассмотрены способы формирования корпоративных баз знаний и их связь с поиском информации в российских информационных системах. На основе научных публикаций, аналитических материалов TAdviser и официальной документации сопоставлены «1С:Документооборот 8», Битрикс24 и два решения экосистемы Directum. Сравнение выполнено по способам наполнения базы, организации материалов, актуализации, поиску и контролю доступа. Разграничены подготовка содержания, построение поискового представления и формирование ответа на основе найденных источников. Выделены три конфигурации формирования базы знаний: редакционная, документальная и смешанная. Анализ показывает, что способ наполнения не определяет однозначно доступный режим поиска: базы статей и документальные корпуса могут использоваться совместно с интеллектуальными средствами поиска. Сформулированы требования к сохранению истории изменений и связей с первоисточниками, поддержанию актуальности материалов и обеспечению достоверности ответов при развитии корпоративных поисковых систем.
Ключевые слова: корпоративная база знаний, корпоративные информационные системы, электронный документооборот, интеллектуальный поиск, семантический поиск, RAG, эмбеддинги.

COMPARISON OF METHODS FOR BUILDING A KNOWLEDGE BASE FOR INTELLIGENT SEARCH IN RUSSIAN CORPORATE INFORMATION SYSTEMS

Lapshin Aleksandr Aleksandrovich,
Sherri Georgii Danielevich

Scientific adviser: Ovchinnikov Mikhail Andreevich

Abstract: This paper examines methods for building corporate knowledge bases and their relationship to information retrieval in Russian information systems. Scientific publications, TAdviser analytical materials and

official documentation are used to compare 1C:Document Management 8, Bitrix24 and two solutions from the Directum ecosystem. The comparison covers content acquisition, material organisation, updating, search and access control. Content preparation, the construction of a searchable representation and answer generation based on retrieved sources are considered separately. Three knowledge base configurations are identified: editorial, document-based and mixed. The analysis shows that the content acquisition method does not uniquely determine the available search mode: both article collections and document corpora can be used with intelligent search tools. Requirements are formulated for preserving revision histories and links to original sources, keeping materials up to date and ensuring the reliability of answers when developing corporate search systems.
Key words: corporate knowledge base, corporate information systems, electronic document management, intelligent search, semantic search, RAG, embeddings.

Введение

Корпоративная информация представлена документами, инструкциями, статьями внутренних порталов и записями информационных систем. Для сотрудника эти материалы образуют общую предметную область, хотя технически могут храниться и обновляться раздельно. При поиске ответа необходимо определить подходящий источник, проверить его актуальность и соотнести найденные сведения с рабочей задачей. Поэтому возможности поиска следует рассматривать вместе со способом формирования базы знаний.

На момент 2025 года, среди направлений развития российского рынка СЭД отмечены применение искусственного интеллекта, развитие средств настройки без программирования и движение к экосистемам [1]. Совместное исследование «Сколково» и TAdviser 2026 года, в котором участвовали разработчики 18 российских CRM, указывает на разрыв между заявленным использованием ИИ и зрелостью конкретных сценариев [2]. В дальнейшем при сравнении будет рассматриваться практическая реализация и полезность реализации методов с использованием моделей машинного обучения и ИИ.

Объект исследования - базы знаний российских корпоративных информационных систем. Предмет исследования - методы их формирования и актуализации для интеллектуального поиска. Цель работы состоит в сопоставлении этих методов, выявлении ограничений и определении требований к развитию поисковых средств. Для её достижения рассмотрены способы подготовки материалов, сформирована система критериев и проведён анализ выбранных российских решений.

1. Материалы и методы исследования

Теоретическую основу составляют работы по Retrieval-Augmented Generation (RAG), векторным представлениям текста и векторным базам данных [3–6]. В работе P. Lewis и соавторов рассматривается сочетание языковой модели с извлечением сведений из внешнего индекса [3]. Обзор Y. Gao и соавторов систематизирует операции индексирования, поиска и формирования ответа [4]. Применение RAG к корпоративному документообороту также является предметом отечественных исследований [7].

Прикладной материал включает официальные описания «1С:Документооборота 8», Базы знаний 2.0 Битрикс24, решения «База знаний» Directum и вопросно-ответного поиска Directum RX Intelligence [8–11]. Продукты отобраны целевым способом: они представляют документальный корпус, редакционно-формируемую базу статей и интеллектуальный доступ к корпоративным материалам. Единицей анализа служит конкретный модуль с указанными источниками сведений. Два решения Directum рассматриваются отдельно, поскольку выполняют разные функции.

Сопоставление выполнено по пяти группам признаков: получение и наполнение материалов; структура и поисковое представление; актуализация; способы поиска и форма результата; управление доступом. Для каждого признака фиксировалось описание в документации, доступной на осень 2026 года. Нераскрытые характеристики отмечались как неустановленные.

2. Методы формирования корпоративной базы знаний

Под базой знаний в данной работе понимается организованная совокупность корпоративных материалов, их метаданных и связей, предназначенная для поиска и повторного использования инфор-

мации. Это определение охватывает базы статей и документальные корпуса с поисковыми средствами. Формирование базы включает получение материалов, их организацию, подготовку поискового представления и поддержание актуальности. Для анализа выделены три конфигурации, различающиеся участием эксперта и использованием исходных документов (рис. 1).

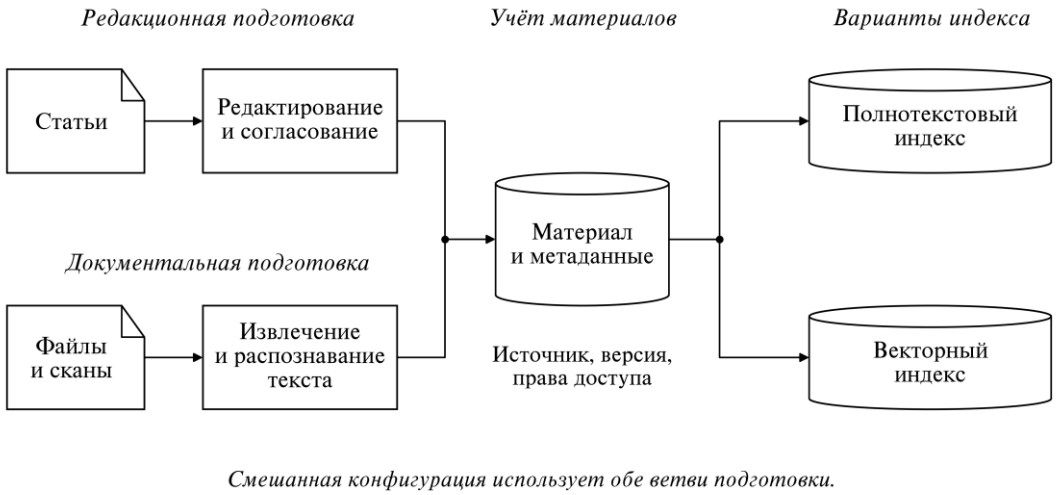


Рис. 1. Подготовка корпоративных материалов к поисковому индексированию

Редакционная конфигурация предполагает отбор и изложение знаний специалистами. Содержание организуется по темам и рабочим ситуациям; избыточные подробности исходного документа могут быть заменены пояснением. Такая организация уместна для инструкций и повторяющихся вопросов. Её недостаток связан с отдельным жизненным циклом статьи: изменение регламента не приводит автоматически к исправлению написанного на его основе текста. Возможность редактирования дополняется ответственностью за актуальность.

Документальная конфигурация использует накопленные файлы и карточки документов. При наличии сканов требуется распознавание текста, после чего содержание и реквизиты включаются в поиск. Смешанная конфигурация объединяет оба способа: сотрудники готовят объяснения для типовых задач и связывают их с документами. В рассмотренной классификации это сочетание представляет самостоятельный вариант организации работы, а не утверждение о внутренней архитектуре всех рассматриваемых продуктов.

Поисковое представление образует отдельный уровень. Полнотекстовый индекс позволяет находить слова и их сочетания; метаданные ограничивают выдачу по типу документа, автору или другим признакам. Векторное представление кодирует текст числовым вектором, используемым для сопоставления запроса и материалов по близости представлений [5]. Векторная база данных обеспечивает хранение и поиск таких представлений; сама по себе она не определяет содержание корпоративной базы знаний [6].

Для подготовки материалов к RAG документы могут разделяться на фрагменты, снабжаться метаданными и индексироваться. Выбор размера фрагмента связан с сохранением контекста: слишком короткий отрывок может потерять условие применения правила, а большой фрагмент может включить лишние сведения. Гибридный поиск объединяет признаки лексической и векторной релевантности [4]. RAG использует найденные сведения при генерации ответа [3]; его можно применять как к документальному корпусу, так и к подготовленным статьям. Следовательно, способ наполнения и механизм ответа следует оценивать раздельно.

При формировании базы знаний необходимо сохранять историю изменений и связь каждого материала с первоисточником. Для документа или статьи следует учитывать идентификатор, редакцию, дату изменения и статус действия; для фрагмента следует дополнительно указывать раздел или стра-

ницу источника. Обновление документа должно сопровождаться обновлением соответствующих записей в поисковом индексе. Для текущих рабочих вопросов используются действующие редакции, а обращение к архивным версиям должно определяться необходимостью задачи пользователя. Такой порядок позволяет различать актуальное правило и сведения о его прежнем состоянии.

Права доступа должны учитываться при отборе материалов для поиска и подготовки ответа. В контекст языковой модели следует включать только сведения, доступные пользователю. Изменение разрешений на исходный документ должно отражаться и в правилах доступа к связанным статьям, фрагментам и поисковым записям.

Для проверки достоверности ответа требуется сохранять ссылки на использованные источники и их редакции. Ссылка должна позволять найти фрагмент, подтверждающий существенные утверждения ответа. Если доступных материалов недостаточно или они противоречат друг другу, система должна сообщать об этом. Эти требования относятся к подготовке и использованию базы знаний независимо от конкретной модели эмбеддингов.

3. Сравнительный анализ российских решений

В «1С:Документообороте 8» описаны поиск по реквизитам, полнотекстовый поиск по содержимому файлов и учёт словоформ. Отсканированные материалы могут участвовать в поиске после распознавания [8]. Это пример документальной конфигурации: сведения становятся доступными через обработку документов и их атрибутов. В рамках рассматриваемого сценария пользователю возвращаются найденные объекты, содержание которых он соотносит со своей задачей.

База знаний 2.0 Битрикс24 поддерживает создание и совместное редактирование статей, импорт и управление структурой. Помимо поиска по ключевым словам, в решении присутствует агент BitrixGPT, используемый для поиска и создания статей по вопросам со ссылкой на источник [9]. Поэтому редакционное наполнение совместимо с интеллектуальными функциями поиска.

В решении «База знаний» Directum материалы распределяются по областям знаний, снабжаются метками и связями. Эксперты могут редактировать и согласовывать статьи, а участники получают права чтения. Для поиска используются область знаний, метки и авторы [10]. В данном случае организация содержания связана с распределением ответственности за статьи и доступ к ним.

В Directum RX Intelligence реализован вопросно-ответный поиск по документам с использованием LLM и RAG. Пользователь получает текстовый ответ со ссылкой на источник. Поддерживаются TXT, DOC, PDF и Markdown, предусмотрена настройка областей поиска [11].

Основные различия решений сведены в табл. 1 [8–11].

Таблица 1

Документированные возможности выбранных решений

Решение	Способ формирования	Наполнение и организация	Поиск и результат	Актуализация и доступ
1С: Документооборот 8 [8]	Документальный	Документы и реквизиты; сканы после распознавания	По реквизитам и тексту с учётом словоформ; найденные объекты	Архивные документы остаются доступными для поиска
Битрикс24 База знаний 2.0 [9]	Редакционный	Статьи и разделы; совместная работа; импорт	Поиск по ключевым словам; BitrixGPT поддерживает поиск по вопросам со ссылками	Редактирование, архив и права; архив исключён из обычного поиска
Directum База знаний [10]	Редакционный	Статьи, области знаний, метки и связи	Поиск в области; фильтры по меткам и авторам	Редактирование и согласование экспертами; права на области и статьи

Решение	Способ формирования	Наполнение и организация	Поиск и результат	Актуализация и доступ
Directum RX Intelligence [11]	Документальный	Документы разных форматов; области поиска	RAG; текстовый ответ и ссылка на источник	Синхронизация изменений и проверка прав в использованном описании не детализированы

Способ формирования отнесён к рассмотренным конфигурациям по основной единице содержания: статье или документу. В таблице отражены подтверждённые функции выбранных модулей из открытых источников.

4. Подведение результатов

Сравнение выявляет два независимых признака: способ формирования содержания и способ доступа к нему. База статей может поддерживать запросы на естественном языке, а документальный корпус может обеспечивать выдачу найденных объектов и генерацию ответа. При выборе решения необходимо установить, кто создаёт материалы, как изменения попадают в поиск и какой результат получает сотрудник. Сопоставление источников и поисковых функций представлено в табл. 2.

Таблица 2

Документированные признаки выбранных решений [8–11]

Решение	Статьи	Документы	Выдача материалов	Поиск по вопросам	RAG
1С:Документооборот 8 [8]	-	+	+	-	-
Битрикс24: База знаний 2.0 [9]	+	-	+	+	-
Directum: База знаний [10]	+	-	+	-	-
Directum RX Intelligence [11]	-	+	-	+	+

Примечание. «+» - возможность подтверждена; «-» - не установлена по открытым источникам.

Различия в обработке архивных материалов показывают значимость пользовательского сценария. В «1С:Документооборота 8» архивные документы остаются доступными для поиска [8], тогда как обычный поиск Базы знаний 2.0 Битрикс24 исключает архивные статьи [9]. Для поиска истории договорных отношений архив может быть необходим, а при ответе по действующей инструкции архивные материалы могут создавать риск использования устаревшего правила. Из этого сопоставления следует требование явно учитывать статус материала и задачу пользователя при формировании поисковой области.

В редакционной конфигурации основная часть контроля выполняется при подготовке статьи. При работе непосредственно с документами аналогичные задачи переходят к извлечению текста, реквизитам и правилам отбора. Генерация ответа добавляет ещё одну точку проверки: ссылка на документ помогает установить источник, но не гарантирует, что каждый вывод системы подтверждается его содержанием. Для корпоративного применения целесообразно сохранять связь найденного фрагмента с документом, редакцией и местом в источнике.

Рассмотренные в разделе 2 требования связывают подготовку материалов с их использованием в поиске. Для редакционного способа важны согласование статей и ответственность за обновление; для документального способа важны учёт редакций и синхронизация индекса; для смешанного требуется согласованность пояснений с первоисточниками. Вопросно-ответные функции дополнительно требуют отбора разрешённых материалов и проверки ответа по приведённым источникам.

Заключение

В работе разобраны этапы формирования корпоративной базы знаний: получение материалов, их организация, подготовка поискового представления и актуализация. Рассмотрены редакционная, документальная и смешанная конфигурации. Сопоставление российских решений показало, что разные способы формирования соответствуют различным рабочим сценариям. Редакционный способ подходит для подготовки инструкций и ответов на типовые вопросы, документальный подходит для поиска по накопленным файлам и реквизитам, а смешанный используется в задачах, где пояснения необходимо связывать с исходными документами. Интеллектуальные поисковые и вопросно-ответные функции могут дополнять каждый из этих способов.

Ключевыми основаниями выбора выступают состав исходных материалов, ответственность за их обновление, необходимость обращения к архиву и требуемая форма результата. Использование RAG не устраняет задачи управления содержанием. Его применение требует согласования поискового индекса с версиями источников, правами пользователей и проверкой обоснованности ответа. Представленная схема сравнения позволяет определить эти требования до выбора технической реализации.

Список источников

1. СЭД: обзор российского рынка СЭД, ECM и CSP-систем // TAdviser. - 2025. - URL: https://www.tadviser.ru/index.php/СЭД (дата обращения: 19.10.2026).
2. Российский рынок CRM требует новых технологий работы с данными и ИИ // Фонд «Сколково». - 16.06.2026. - URL: https://sk.ru/news/rossijskij-rynok-crm-trebuet-novyh-tehnologij-raboty-s-dannymi-i-ii/ (дата обращения: 19.10.2026).
3. Lewis P., Perez E., Piktus A. et al. Retrieval-Augmented Generation for Knowledge-Intensive NLP Tasks // arXiv. - 2020. - arXiv:2005.11401. - URL: https://arxiv.org/abs/2005.11401 (дата обращения: 19.10.2026).
4. Gao Y., Xiong Y., Gao X. et al. Retrieval-Augmented Generation for Large Language Models: A Survey // arXiv. - 2023. - arXiv:2312.10997. - URL: https://arxiv.org/abs/2312.10997 (дата обращения: 19.10.2026).
5. Reimers N., Gurevych I. Sentence-BERT: Sentence Embeddings using Siamese BERT-Networks // arXiv. - 2019. - arXiv:1908.10084. - URL: https://arxiv.org/abs/1908.10084 (дата обращения: 19.10.2026).
6. Pan J. J., Wang J., Li G. Survey of Vector Database Management Systems // The VLDB Journal. - 2024. - Vol. 33, no. 5. - P. 1591–1615. - DOI: 10.1007/s00778-024-00864-x.
7. Калюжный А. П., Алексанян С. А., Семенов Р. Э. Исследование использования RAG в корпоративном сегменте в сфере документооборота // Современные информационные технологии и ИТ-образование. - 2025. - Т. 21, № 3. - С. 467–475. - DOI: 10.25559/SITITO.021.202503.467-475.
8. Эффективное управление документами // 1С:Документооборот 8 : официальный сайт. - URL: https://v8.1c.ru/doc8/upravlenie-dokumentami/ (дата обращения: 19.10.2026).
9. База знаний 2.0: интерфейс и возможности // Битрикс24 : официальная документация. - Обновлено 14.10.2026. - URL: https://helpdesk.bitrix24.ru/open/29021358/ (дата обращения: 19.10.2026).
10. База знаний // Directum : официальное описание решения. - URL: https://projects.directum.ru/solutions/baza-znanij (дата обращения: 19.10.2026).
11. Новые возможности ИИ: вопросно-ответный поиск // Directum. - 15.05.2025. - URL: https://www.directum.ru/blog-post/novye_vozmozhnosti_ii__voprosno-otvetnyjj_poisk (дата обращения: 19.10.2026).

© А.А. Лапшин, Г.Д. Шерри, 2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И ЦЗЯЦИ
магистрант, факультет иностранных языков,
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы реализации гуманитарных проектов в области исторической науки в условиях развития международного академического сотрудничества и цифровизации научной деятельности. Особое внимание уделяется финансовым и организационным ограничениям, трудностям межкультурной коммуникации, языковым барьерам, ограниченному доступу к архивным материалам и вопросам сохранения научной объективности при изучении исторического прошлого. Анализируются возможности цифровых технологий и открытого доступа для расширения исследовательского взаимодействия, обмена источниками и распространения научных результатов. Обосновывается необходимость комплексного подхода к управлению гуманитарными проектами, включающего долгосрочное планирование, развитие междисциплинарных связей, согласование исследовательских методик и обеспечение устойчивого финансирования. Сделан вывод о том, что эффективность исторических гуманитарных проектов определяется не только научной значимостью поставленных задач, но и качеством институционального взаимодействия, доступностью источников и способностью участников преодолевать организационные и методологические различия.
Ключевые слова: гуманитарные проекты, историческая наука, международное сотрудничество, академический обмен, цифровая гуманитаристика, архивные источники, открытая наука, межкультурная коммуникация, научная инфраструктура.

CHALLENGES IN IMPLEMENTING HUMANITIES PROJECTS IN HISTORICAL SCHOLARSHIP

Yi Jiaqi

Abstract: The article examines the main challenges involved in implementing humanities projects in historical research amid the development of international academic cooperation and the digitalization of scholarly activities. Particular attention is paid to financial and organizational constraints, intercultural communication difficulties, language barriers, limited access to archival materials, and the need to preserve scholarly objectivity in the study of the past. The article considers the potential of digital technologies and open access to expand research collaboration, facilitate the exchange of historical sources, and disseminate scholarly findings. It argues for a comprehensive approach to humanities project management based on long-term planning, interdisciplinary cooperation, harmonization of research methods, and sustainable funding. The study concludes that the effectiveness of historical humanities projects depends not only on the academic significance of their objectives but also on the quality of institutional cooperation, the availability of historical sources, and the participants' ability to overcome organizational and methodological differences.
Keywords: humanities projects, historical research, international cooperation, academic exchange, digital humanities, archival sources, open science, intercultural communication, research infrastructure.

Гуманитарные проекты в области исторической науки играют важную роль в сохранении культурного наследия, развитии исторического знания и укреплении международного академического сотрудничества. Они предполагают совместную работу исследователей, университетов, архивов, музеев и

других научно-культурных учреждений. В рамках таких проектов осуществляются публикация исторических документов, подготовка коллективных монографий, проведение конференций, создание электронных архивов и организация образовательных программ. Вместе с тем реализация подобных инициатив сопровождается комплексом проблем, связанных с финансированием, доступом к источникам, различиями научных традиций и устойчивостью институционального взаимодействия.

Актуальность изучения данных проблем обусловлена тем, что современные исторические исследования все чаще выходят за пределы отдельных государств и требуют объединения источников, компетенций и исследовательских ресурсов. При этом международное сотрудничество не устраняет существующие препятствия автоматически, а в ряде случаев делает их более заметными. Поэтому выявление основных трудностей реализации гуманитарных проектов и поиск способов их преодоления приобретают особое значение для развития исторической науки.

Основные проблемы реализации гуманитарных проектов

Одной из наиболее существенных проблем является недостаточность финансовых ресурсов. Исторические проекты требуют значительных затрат на командировки исследователей, работу с архивными фондами, перевод документов, оцифровку материалов, организацию научных мероприятий и публикацию результатов. При этом исследовательская деятельность в гуманитарной сфере нередко ориентирована на длительные временные периоды, а ее результаты не всегда могут быть представлены в форме непосредственного экономического эффекта. Это затрудняет привлечение финансирования и обоснование долгосрочных расходов. Как отмечает Дж. Отис, устойчивость цифровых гуманитарных проектов во многом зависит от того, насколько своевременно учитываются расходы на техническую инфраструктуру, сопровождение ресурсов и сохранение результатов после завершения первоначального финансирования [1].

Не менее важной проблемой выступают организационные трудности. Участниками исторических проектов могут быть учреждения, обладающие различными административными структурами, системами отчетности и критериями оценки научной деятельности. Отсутствие единого механизма координации приводит к дублированию исследований, несогласованности сроков и затруднениям при распределении обязанностей. Особенно отчетливо данные проблемы проявляются в международных проектах, участники которых находятся в разных часовых поясах и работают в условиях различающихся институциональных требований. Поэтому эффективное управление предполагает предварительное согласование целей, этапов реализации, обязанностей участников и критериев оценки полученных результатов.

Серьезным препятствием является ограниченный доступ к историческим источникам. Архивные документы могут иметь ограничения на использование, копирование и публикацию, а их изучение требует специальных разрешений. Дополнительные сложности возникают при работе с материалами, находящимися в разных учреждениях и представленных на различных языках. Даже при наличии электронных каталогов исследователи не всегда получают доступ к полным текстам документов, необходимым описаниям и достоверным метаданным. Л. Жайян отмечает, что доступность цифровых архивов ограничивается не только техническими факторами, но и правовыми, организационными и финансовыми обстоятельствами [2]. Следовательно, цифровизация сама по себе не гарантирует свободного и равноправного использования исторического наследия.

Отдельного внимания заслуживает проблема языковой и межкультурной коммуникации. В международных гуманитарных проектах исследователи должны учитывать различия терминологии, научных традиций и подходов к интерпретации исторических событий. Понятия, которые кажутся очевидными в рамках одной национальной историографии, могут иметь иное содержание в другой исследовательской традиции. Недостаточная согласованность терминов способна привести к ошибкам перевода, неточной интерпретации источников и расхождениям в выводах. Поэтому сотрудничество должно включать не только обмен публикациями, но и совместное обсуждение методологии, разработку терминологических справочников и подготовку двуязычных научных материалов.

При этом согласование научных подходов не должно означать искусственного устранения различий между национальными историографиями. Историческое знание формируется посредством анализа источников, критического сопоставления свидетельств и научной дискуссии. Различия в интерпретациях могут становиться основой для постановки новых исследовательских вопросов. Важнейшим услови-

ем продуктивного сотрудничества является соблюдение принципов научной добросовестности, проверяемости выводов и корректного цитирования. Участникам проекта необходимо отделять документально подтвержденные факты от исследовательских гипотез и учитывать исторический контекст при сравнении источников.

Современные гуманитарные проекты сталкиваются также с методологическими трудностями, обусловленными сочетанием традиционных и цифровых методов исследования. Использование электронных баз данных, автоматического распознавания текста, цифровых карт и инструментов анализа больших массивов документов позволяет расширять исследовательские возможности. Вместе с тем цифровые технологии не устраняют необходимости критической оценки источников. Ошибки распознавания, неполнота цифровых коллекций и особенности алгоритмической обработки способны влиять на результаты анализа. Исследование исторических газет, например, показывает, что низкое качество распознанного текста, недостаток метаданных и ограниченные возможности поисковых систем создают существенные препятствия для работы историков [3]. Поэтому цифровые инструменты должны рассматриваться как вспомогательные средства, применение которых требует проверки полученных результатов традиционными историческими методами.

Дополнительную сложность представляет обеспечение открытости научных результатов. Размещение публикаций, каталогов и цифровых коллекций в свободном доступе способствует расширению аудитории и повышению доступности исторического знания. Однако этому препятствуют авторско-правовые ограничения, недостаток технических ресурсов и отсутствие единых правил хранения и повторного использования материалов. П. Л. Артур подчеркивает, что развитие открытых гуманитарных исследований требует преодоления институциональных, финансовых и технологических барьеров, а также более тесного взаимодействия между исследователями, библиотеками и другими участниками научной коммуникации [4]. Следовательно, условия открытого доступа необходимо учитывать уже на этапе проектирования исследования, предусматривая правовую проверку материалов и выбор подходящей инфраструктуры для их долговременного хранения.

Важным условием успешной реализации проектов является устойчивость результатов после завершения финансирования. Создание электронной базы данных или цифрового архива представляет собой не конечный этап, а начало длительной работы по обновлению программного обеспечения, проверке ссылок, сохранению файлов и обеспечению доступа пользователей. Если расходы на сопровождение не предусмотрены заранее, результаты проекта могут постепенно утратить практическую ценность. По этой причине проектная документация должна включать план дальнейшего использования материалов, определение ответственных организаций и механизмы сохранения созданных ресурсов.

Заключение

Таким образом, проблемы реализации гуманитарных проектов по исторической науке имеют комплексный характер и охватывают финансовые, организационные, правовые, языковые и методологические аспекты. Их преодоление требует перехода от краткосрочного планирования отдельных мероприятий к формированию устойчивых исследовательских программ. Приоритетными направлениями должны стать развитие межинституционального сотрудничества, расширение доступа к архивным источникам, повышение качества цифровой инфраструктуры и согласование принципов научной коммуникации. Необходимо также предусматривать долгосрочное финансирование, подготовку специалистов, обладающих междисциплинарными компетенциями, и сохранение результатов исследований после завершения проектов. Реализация данных мер позволит повысить научную эффективность гуманитарных инициатив, расширить возможности международного академического взаимодействия и обеспечить более широкое общественное использование результатов исторических исследований.

Список источников

1. Arthur P. L., Hearn L. Toward Open Research: A Narrative Review of the Challenges and Opportunities for Open Humanities // Journal of Communication. – 2021. – Vol. 71, № 5. – P. 827–853. – DOI: 10.1093/joc/jqab028. – URL: https://doi.org/10.1093/joc/jqab028.

2. Jaillant L. How Can We Make Born-Digital and Digitised Archives More Accessible? Identifying Obstacles and Solutions // Archival Science. – 2022. – Vol. 22. – P. 417–436. – DOI: 10.1007/s10502-022-09390-7. – URL: https://doi.org/10.1007/s10502-022-09390-7.

3. Kumpulainen S., Late E. Struggling with Digitized Historical Newspapers: Contextual Barriers to Information Interaction in History Research Activities // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2022. – Vol. 73, № 7. – P. 1012–1024. – DOI: 10.1002/asi.24608. – URL: https://doi.org/10.1002/asi.24608.

4. Otis J. “Follow the Money?”: Funding and Digital Sustainability // Digital Humanities Quarterly. – 2023. – Vol. 17, № 1. – URL: https://dhq-static.digitalhumanities.org/pdf/000666.pdf (дата обращения: 29.10.2026).

5. Zhang L., Cao Z., Sivertsen G., Kochetkov D. The Influence of Geopolitics on Research Activity and International Collaboration in Science: The Case of Russia // Scientometrics. – 2024. – Vol. 129, № 10. – P. 6007–6021. – DOI: 10.1007/s11192-024-04984-7. – URL: https://doi.org/10.1007/s11192-024-04984-7.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.2

ИТЕРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ АДАПТИВНОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

СОБОЛЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА
к.э.н., доцент, декан факультета
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Аннотация. Сущность статьи заключается в обосновании итеративного подхода как методологической основы формирования адаптивного механизма обеспечения экономической устойчивости промышленного предприятия. Цель - обосновать итеративный подход к формированию адаптивного механизма обеспечения экономической устойчивости промышленного предприятия, а также систематизировать существующие подходы для выявления места итеративного подхода в системе управления устойчивостью. В работе использованы общенаучные методы: анализ и синтез научной литературы по проблемам экономической устойчивости и адаптивного управления, сравнительный анализ подходов, систематизация и обобщение. В результате обоснована необходимость интеграции финансового, ресурсного, системного, адаптивного, процессного и ситуационного подходов, показано, что итеративный подход обеспечивает гибкость, оперативность и снижение рисков за счёт реализации стратегии «малых шагов» и регулярной обратной связи.
Ключевые слова: экономическая устойчивость, адаптивный механизм, итеративный подход, промышленное предприятие, управление изменениями.

AN ITERATIVE APPROACH TO FORMING AN ADAPTIVE MECHANISM FOR ENSURING THE ECONOMIC STABILITY OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

Soboleva Olga Nikolaevna

Abstract. The essence of the article lies in substantiating the iterative approach as a methodological basis for forming an adaptive mechanism for ensuring the economic stability of an industrial enterprise. The goal is to substantiate an iterative approach to forming an adaptive mechanism for ensuring the economic sustainability of an industrial enterprise, as well as to systematize existing approaches to identify the place of the iterative approach in the sustainability management system. The work uses general scientific methods: analysis and synthesis of scientific literature on the problems of economic sustainability and adaptive management, comparative analysis of approaches, systematization and generalization. As a result, the necessity of integrating financial, resource-based, systemic, adaptive, process-oriented, and situational approaches has been substantiated; it has been shown that an iterative approach ensures flexibility, responsiveness, and risk reduction through the implementation of a “small steps” strategy and regular feedback.
Keywords: economic sustainability, adaptive mechanism, iterative approach, industrial enterprise, change management.

Введение.

В условиях высокой неопределенности и непредсказуемости изменений факторов внешней среды, а также постоянно возрастающей сложности их воздействия обеспечение экономической устойчивости промышленного предприятия требует перехода от реактивной модели управления к проактивной. Адаптивный механизм, способный гибко перестраивать внутренние процессы в ответ на внешние и внутренние вызовы, становится не просто конкурентным преимуществом, а условием выживания. Однако формирование такого механизма не может быть единовременным актом - оно требует непрерывного процесса настройки, проверки и корректировки. Именно итеративный подход позволяет обеспечить необходимую гибкость и оперативность в принятии решений, постепенно приближая параметры функционирования предприятия к целевым ориентирам устойчивого развития.

Основная часть.

Методологическая база формирования адаптивного механизма обеспечения экономической устойчивости промышленного предприятия опирается на принципы итеративного и инкрементального подходов. Итеративность в данном контексте означает циклическое повторение определенных процедур - диагностики, планирования, реализации и оценки - с целью последовательного уточнения управленческих воздействий. Инкрементальность же предполагает реализацию стратегии развития «малыми шагами», когда каждое последующее действие определяется результатами, полученными на предыдущем этапе.

Именно итеративность позволяет обеспечить адаптивность управления, то есть гибко реализовывать альтернативные варианты технологических, организационно-управленческих и финансово-экономических решений для поддержания заданного вектора развития. В научной литературе подчеркивается, что итеративно-инкрементальный подход при формировании механизма адаптивного управления финансово-экономической устойчивостью промышленного предприятия означает проведение регулярной диагностики показателей устойчивого развития компании, период которой определяется шагом итерации. На каждом шаге анализируется состояние финансово-экономического потенциала предприятия и его соответствие поставленным целям в условиях прогнозируемых изменений в краткосрочном периоде.

Формирование адаптивного механизма обеспечения экономической устойчивости промышленного предприятия на основе итеративного подхода предполагает наличие двух взаимосвязанных контуров: контура рациональности внутренней структуры производства («внутренняя компонента» устойчивости) и контура адаптации к внешней среде («внешняя компонента» устойчивости в цепочке создания стоимости). Функционирование такого механизма означает непрерывный алгоритм действий, осуществляемых руководством предприятия, для обеспечения его финансово-экономической устойчивости. По сути, адаптивное управление сводится к непрерывной реализации проектов (действий), определяющих финансовую стабильность и экономический рост компании на отдельных временных промежутках, характеризующихся определенными факторами и условиями хозяйствования.

Важно отметить, что адаптивное управление не означает исключительно реактивную позицию защитного реагирования на внешние вызовы. Оно предполагает реализацию мер упреждающего характера, что требует постоянного отслеживания внутреннего потенциала и непрерывного мониторинга факторов внешней среды. В этом контексте итеративный подход выступает инструментом, который позволяет не только фиксировать отклонения, но и своевременно вносить коррективы в механизм, обеспечивая его эволюционное развитие.

Итеративный цикл формирования и функционирования адаптивного механизма обеспечения экономической устойчивости промышленного предприятия может быть представлен как последовательность взаимосвязанных этапов, каждый из которых завершается оценкой результатов и принятием решения о необходимости следующей итерации. Первый этап - диагностика и оценка текущего уровня устойчивости. Второй этап - разработка и выбор управленческих воздействий. Третий этап - реализация корректирующих мер. Четвертый этап - оценка результатов и рефлексия.

Такая циклическая структура соответствует логике адаптивно-корректирующего контура, который в современной научной литературе рассматривается как основа для перехода к динамическому пре-

диктивному управлению устойчивостью. Итеративность в данном случае обеспечивает не просто повторяемость процедур, а их поступательное развитие, при котором каждый новый цикл учитывает результаты предыдущего.

Эффективная реализация итеративного подхода к формированию адаптивного механизма невозможна без соответствующего инструментарно-методического наполнения. Прежде всего, необходима система поддержки принятия решений, которая поддерживает итерационный характер процесса принятия решений, что дает возможность менеджерам предприятия обосновывать свои действия и оперативно реализовывать их на практике. Такая система должна обеспечивать мониторинг состояния внутренней и внешней среды предприятия в целях адаптивного управления его финансово-экономической устойчивостью. Представлена систематизация подходов к обеспечению экономической устойчивости промышленного предприятия (таблица 1).

Таблица 1

Систематизация подходов к обеспечению экономической устойчивости промышленного предприятия

Подход	Суть и фокус	Сильные стороны	Ограничения
Финансовый	Финансовое состо-яние, ликвидность, структура капитала, рентабельность	Точность, верифицируемость, готовый аналитический аппарат	Отражает результаты прошлых решений, а не источники будущей устойчивости
Системный	Целостность систе-мы, обратные связи, резервы, реконфигу-рация	Устойчивость как динамическое свойство	Сложность количест-венной оценки и операционализации
Ресурсный	Уникальные ресурсы и компетенции (VRIN)	Объясняет долгосроч-ные источники преиму-щества	Слабо учитывает краткосрочную финансовую выживаемость
Адаптивный	Скорость и «стоимость» восстановле-ния после шока	Фокус на гибкости и скорости реакции	Требует реального шока для оценки; недооцени-вает стабильную струк-туру
Процессный	Качество и оптимальность бизнес-процессов	Прозрачность, управляемость, выявление «узких мест»	Ресурсоёмкость перестройки; сопротивление структуры
Ситуационный	Соответствие дейст-вий уникальной рыночной ситуации	Максимальная контекстная релевантность	Риск фрагментарности и потери стратегической целостности
Итеративный	Циклы «диагностика – корректировка – оценка», «малые шаги»	Гибкость, адаптив-ность, снижение рисков	Требует мониторинга; риск «застревания» в краткосрочных корректировках

Представленные подходы не столько конкурируют, сколько отвечают на разные вопросы относительно устойчивости предприятия:

- финансовый подход отвечает на вопрос: «Может ли предприятие рассчитаться по обязательствам сейчас?»;
- системный - «Построено ли оно так, чтобы выдерживать возмущения?»;
- ресурсный - «Чем оно обладает, что другие не могут скопировать?»;
- адаптивный - «Как быстро оно способно восстановиться?»;
- процессный - «Насколько эффективно организованы потоки создания ценности?»;
- ситуационный - «Какое решение адекватно именно этой уникальной ситуации?»;
- итеративный - «Как непрерывно и без катастрофических ошибок настраивать механизм устойчивости?».

Заключение. Итеративный подход является адекватной методологической основой формирования адаптивного механизма устойчивости промышленного предприятия в условиях турбулентной среды. Предложенная модель создаёт практический инструментарий непрерывной настройки механизма. Сравнительный анализ показал, что финансовый, системный, ресурсный, адаптивный, процессный и ситуационный подходы дополняют друг друга, а их интеграция в рамках итеративного подхода объединяет оперативность, стратегический фундамент и гибкость. Итеративность следует рассматривать не как частный приём, а как базовый принцип адаптивного управления устойчивостью.

Список источников

1. Виноградов А. Г. Механизм управления устойчивостью развития предприятия // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. - 2019. - Т. 4. - № 2. С. 229–238.
2. Горбатенко Ю.В. Совершенствование системы управления экономической устойчивостью предприятия/ Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». – 2022. - №4 (28). – С. 51-60.
3. Дмитриев Ю. А., Мамедов С. Н., Петрухин А. Б., Шустров Л. И. Механизм достижения экономической устойчивости // Вестник Академии. – 2020. – № 3. – С. 70–79
4. Плотников А.В., Елькин С.А. Применение классических идей организационного поведения в гибких подходах к управлению // Наука Красноярья. - 2022. - Т. 11. № 4. - С. 52–66.

УДК 336.748.12:338.124.4

ПРИРОДА СОВРЕМЕННОЙ ИНФЛЯЦИИ: МОНЕТАРНЫЕ И НЕМОНЕТАРНЫЕ ФАКТОРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

КОФИНК АРТЁМ КОНСТАНТИНОВИЧ
студент гр. МТл-215(оз)
ТУКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
старший преподаватель кафедры «Мировая экономика и логистика»
Уральский государственный университет путей сообщения
г. Екатеринбург, РФ

Аннотация. В статье рассматривается современная инфляция как результат взаимодействия монетарных и немонетарных факторов.
Анализируются роль денежно-кредитной политики, бюджетного спроса, издержек производства, логистических ограничений, валютных колебаний и геополитических рисков. Обосновывается необходимость комплексного подхода к сдерживанию инфляции в условиях глобальной нестабильности.
Ключевые слова: инфляция, монетарная политика, немонетарные факторы, глобальная нестабильность, денежное обращение, издержки производства, инфляционные ожидания.

THE NATURE OF MODERN INFLATION: MONETARY AND NON-MONETARY FACTORS UNDER GLOBAL INSTABILITY

Kofink Artem Konstantinovich
Tukova Ekaterina Alexandrovna

Abstract. The article examines modern inflation as the result of interaction between monetary and non-monetary factors. It discusses the role of monetary policy, fiscal demand, production costs, logistics constraints, exchange-rate movements and geopolitical risks. The paper argues for a comprehensive approach to inflation control under conditions of global instability.
Keywords: inflation, monetary policy, non-monetary factors, global instability, money circulation, production costs, inflation expectations.

Инфляция относится к числу наиболее значимых макроэкономических процессов, поскольку влияет на покупательную способность населения, инвестиционную активность бизнеса, распределение доходов и устойчивость финансовой системы. Умеренный и предсказуемый рост цен может сопровождать экономическое развитие, однако высокая и нестабильная инфляция затрудняет планирование расходов, снижает ценность денежных сбережений и повышает неопределенность для предприятий.

В современных условиях объяснение инфляции не может сводиться к одной причине. На динамику цен одновременно влияют денежно-кредитные условия, бюджетная политика, потребительский спрос, производственные издержки, валютный курс, состояние международной торговли и ожидания участников рынка. Глобальные кризисы усиливают взаимосвязь этих факторов: нарушение поставок может повышать стоимость ресурсов, а изменение процентных ставок и обменных курсов — влиять на спрос и цену импортных товаров.

Цель статьи — рассмотреть основные монетарные и немонетарные факторы современной инфляции и показать, почему в условиях глобальной нестабильности для поддержания ценовой устойчивости требуется согласованная экономическая политика.

Инфляция представляет собой устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги в экономике. Она отличается от подорожания отдельного товара: рост цены одного продукта может быть вызван сезонностью или локальным дефицитом, тогда как инфляция отражает более широкий процесс изменения цен. Для ее оценки используются индексы потребительских цен и другие статистические показатели, каждый из которых охватывает определенный набор товаров и услуг.

Современная инфляция характеризуется множественностью источников и неодинаковым проявлением в разных странах. Экономики различаются структурой потребления, зависимостью от импорта энергии и продовольствия, состоянием рынка труда, степенью конкуренции и доверием к денежно-кредитной политике. Поэтому одинаковый внешний шок может приводить к различным последствиям: в одной стране он проявится главным образом в стоимости топлива, в другой — распространится на транспортные тарифы, производство и розничные цены.

Важным свойством инфляционных процессов является возможность вторичных эффектов. Первоначальный скачок цен на энергоносители или продовольствие способен изменить инфляционные ожидания работников и предприятий. Если работники добиваются компенсации роста стоимости жизни через заработную плату, а компании переносят возросшие затраты в цены, первоначальный шок может закрепиться и продолжать влиять на инфляцию после ослабления исходной причины.

Монетарные факторы связаны с денежным обращением, доступностью кредита и решениями центрального банка. Когда совокупный спрос растет быстрее, чем экономика способна увеличивать выпуск товаров и услуг, предприятия получают возможность повышать цены. Мягкие денежно-кредитные условия могут поддерживать потребление и инвестиции за счет снижения стоимости заимствований. Если расширение спроса не сопровождается соответствующим ростом предложения, усиливается инфляционное давление.

При этом увеличение денежной массы само по себе не означает автоматического и пропорционального роста цен. Влияние денег зависит от скорости их обращения, спроса на ликвидность, состояния банковского кредитования, производственных возможностей и ожиданий экономических субъектов. В период спада дополнительная ликвидность может поддерживать восстановление производства, тогда как при ограниченном предложении и высокой загрузке мощностей аналогичное стимулирование способно сильнее отражаться на ценах.

Ключевым инструментом центрального банка выступает процентная ставка. Ее повышение обычно увеличивает стоимость кредитов, охлаждает часть потребительского и инвестиционного спроса и может поддерживать национальную валюту. Однако эффект проявляется с задержкой, а чрезмерно жесткая политика способна замедлить экономический рост, повысить стоимость обслуживания долга и ухудшить условия финансирования бизнеса.

Поэтому решения должны учитывать не только текущий темп инфляции, но и ее причины, устойчивость ожиданий и состояние экономики.

Еще один монетарный канал связан с валютным курсом. Ослабление национальной валюты повышает стоимость импортных товаров, комплектующих, оборудования и сырья. Насколько быстро это отражается на конечных ценах, зависит от доли импорта, конкуренции, контрактных условий и способности компаний временно поглощать дополнительные расходы.

Немонетарные факторы возникают вне непосредственного механизма денежного предложения и включают изменения производственных затрат, нарушения цепочек поставок, дефицит рабочей силы, природные катастрофы, геополитические конфликты и структурные ограничения предложения. Рост цен на нефть, газ, электроэнергию, удобрения или продовольствие увеличивает издержки множества отраслей. Компании могут переносить часть дополнительных затрат на покупателей, сокращать прибыль или менять объем выпуска.

Особенно заметное влияние оказывают сбои международной логистики.

Задержки перевозок, ограниченная пропускная способность портов, удорожание страхования и

изменение торговых маршрутов увеличивают стоимость и сроки доставки. Если предприятие зависит от импортных компонентов и не имеет альтернативных поставщиков или достаточных запасов, логистический сбой может привести к снижению выпуска и дефициту отдельных товаров. В результате инфляционное давление распространяется далеко за пределы отрасли, где возникла первоначальная проблема.

Геополитическая нестабильность способна одновременно воздействовать на предложение и ожидания. Ограничения торговли, санкционные режимы, вооруженные конфликты и неопределенность относительно будущих поставок меняют цены сырья и инвестиционные решения компаний. Климатические риски также приобретают экономическое значение: засухи, наводнения и экстремальные температуры могут снижать урожайность, увеличивать расходы на производство и нарушать транспортную инфраструктуру.

К немонетарным факторам относится и структура рынков. Недостаточная конкуренция, высокие барьеры входа и ограниченное число поставщиков могут облегчать перенос затрат в конечные цены. Одновременно рост производительности, развитие инфраструктуры, расширение предложения и устранение административных препятствий способны сдерживать инфляцию без прямого подавления спроса.

На практике монетарные и немонетарные причины редко действуют изолированно. Например, рост стоимости энергии первоначально повышает издержки компаний. Если одновременно сохраняется высокий внутренний спрос, предприятия могут легче переносить эти издержки на покупателей. Если же центральный банк теряет доверие общества и бизнеса, инфляционные ожидания могут повышаться, усиливая вероятность длительного роста цен. В таком случае внешний шок превращается в более широкий и устойчивый инфляционный процесс.

Исследования Банка международных расчетов подчеркивают, что инфляционные всплески могут возникать из сочетания сильного спроса и ограниченного предложения, а воздействие повышения процентных ставок зависит от исходной природы инфляционного давления. При инфляции, вызванной неблагоприятными шоками предложения, ужесточение политики может сопровождаться дополнительным финансовым стрессом. Это усложняет выбор мер и требует оценки компромисса между ценовой и финансовой стабильностью.

В условиях глобальной взаимозависимости решения одной страны способны передаваться другим экономикам через торговлю, движение капитала, валютные курсы и цены сырья. Повышение ставок в крупных экономиках может ужесточать финансовые условия за рубежом, а ограничения международной торговли — менять стоимость импорта и структуру предложения. Поэтому национальная инфляция нередко отражает как внутренние дисбалансы, так и процессы, которые не могут быть полностью устранены инструментами одной страны.

Эффективная антиинфляционная политика должна соответствовать источнику ценового давления. Если инфляция поддерживается избыточным спросом и чрезмерно мягкими финансовыми условиями, денежно-кредитное ужесточение может помочь восстановить баланс. Если же первопричиной выступает временный шок предложения, повышение ставок не способно непосредственно увеличить добычу сырья, восстановить разрушенную инфраструктуру или ускорить доставку грузов. Оно может ограничить вторичные эффекты, но сопровождается риском замедления выпуска и занятости.

Важное значение имеет бюджетная политика. Широкие и длительные меры стимулирования спроса в условиях ограниченного предложения могут усиливать инфляцию. При этом адресная поддержка наиболее уязвимых домохозяйств позволяет смягчать социальные последствия подорожания без столь сильного увеличения совокупного спроса, как при универсальных субсидиях. Координация бюджетных и монетарных решений снижает риск противоречивых сигналов рынку.

Для уменьшения немонетарного давления необходимы меры со стороны предложения: развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, диверсификация импорта, повышение производительности, расширение конкуренции и снижение избыточных административных барьеров. Такие решения обычно требуют времени, но способны повышать устойчивость экономики к будущим шокам. Не менее важны прозрачная коммуникация центрального банка и последовательность принимаемых решений, поскольку доверие помогает удерживать инфляционные ожидания.

При выборе мер следует учитывать возможные побочные эффекты.

Искусственное административное ограничение цен может временно сдержать наблюдаемые показатели, но при длительном применении привести к дефициту, снижению качества или сокращению предложения. Аналогично слишком резкое повышение ставок способно ухудшить инвестиционный климат. Поэтому политика должна опираться на диагностику причин инфляции, анализ данных и регулярную оценку последствий.

Современная инфляция представляет собой сложный процесс, возникающий из взаимодействия монетарных условий, совокупного спроса, производственных издержек, валютных изменений, логистических ограничений и глобальных рисков. Денежно-кредитная политика остается важнейшим инструментом стабилизации цен, однако ее возможности ограничены, когда рост цен обусловлен физическим дефицитом ресурсов или нарушениями международных поставок.

В условиях глобальной нестабильности наиболее обоснованным является комплексный подход. Он предполагает своевременную реакцию центрального банка, ответственную бюджетную политику, укрепление конкуренции, повышение производительности и устойчивости цепочек поставок. Важно не только снижать текущую инфляцию, но и уменьшать вероятность повторных шоков. Сочетание краткосрочных стабилизационных мер и долгосрочных структурных преобразований позволяет поддерживать ценовую устойчивость с меньшими потерями для экономического роста и благосостояния населения.

Список источников

1. Eickmeier S., Hofmann B. What Drives Inflation? Disentangling Demand and Supply Factors // BIS Working Papers. – 2022. – № 1047. – 9 November. – URL: https://www.bis.org/publ/work1047.htm.

2. Boissay F., Collard F., Manea C., Shapiro A. Monetary Tightening, Inflation Drivers and Financial Stress // BIS Working Papers. – 2023. – № 1155. – 19 December. – URL: https://www.bis.org/publ/work1155.htm.

3. Avalos F., Banerjee R. N., Burgert M., Hofmann B., Manea C., Rottner M. Commodity Prices and Monetary Policy: Old and New Challenges // BIS Bulletin. – 2025. – № 96. – 8 January. – URL: https://www.bis.org/publ/bisbull96.htm.

4. Bank for International Settlements. BIS Annual Economic Report 2025. – Basel: Bank for International Settlements, 2025. – 29 June. – URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2025e.htm.

5. International Monetary Fund. World Economic Outlook, October 2025: Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2025. – 14 October. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025.

УДК 336.22 + 657.22

НАЛОГОВЫЙ УЧЕТ И КОНТРОЛЬ ЭКСПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ: ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ НУЛЕВОЙ СТАВКИ НДС

ДЕМЬЯНЕНКО ЭЛЛИНА ЮРЬЕВНА
к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Аннотация. Статья посвящена анализу методологических аспектов налогового учета экспортных операций в условиях цифровизации 2026 года. Раскрыта сущность налогового учета экспорта как системы из четырех взаимосвязанных элементов. Обосновано влияние новых электронных форматов документов, обновленных контрольных соотношений и экстерриториального контроля на учетную практику. Предложена авторская матрица рисков, связанных с документальным подтверждением нулевой ставки.
Ключевые слова: налоговый учет, НДС, экспорт, нулевая ставка, раздельный учет, электронный документооборот, экстерриториальный контроль, налоговые вычеты.

TAX ACCOUNTING AND CONTROL OF EXPORT OPERATIONS: THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES TO CONFIRM THE ZERO VAT RATE

Demyanenko Ellina Yuryevna

Abstract. The article is devoted to the analysis of methodological aspects of tax accounting for export operations in the context of digitalization in 2026. The essence of tax accounting for exports as a system of four interrelated elements is revealed. The impact of new electronic document formats, updated control ratios, and extraterritorial control on accounting practice is substantiated. The author's matrix of risks associated with documentary confirmation of the zero rate is proposed.
Key words: tax accounting, VAT, export, zero rate, separate accounting, electronic document management, extraterritorial control, tax deductions.

Налоговый учет экспортных операций — это, пожалуй, один из тех участков работы бухгалтера, где ошибиться проще всего. И дело вовсе не в невнимательности. Просто здесь сходятся сразу три непростых момента: особый порядок определения налоговой базы, необходимость вести раздельный учет «входного» НДС и очень жесткие требования к документальному подтверждению нулевой ставки. Каждый из них сам по себе требует сосредоточенности, а вместе они превращают учет экспорта в задачу повышенной сложности.

При этом цифровизация, о которой так много говорят в последние годы, вовсе не отменяет эти базовые принципы. Она меняет другое — те инструменты, которыми пользуется бухгалтер. Бумажные документы постепенно уходят в прошлое, их место занимают электронные реестры. Проверки со стороны ФНС тоже становятся иными: они все больше автоматизируются и все меньше привязаны к территории. И вот здесь возникает интересный вопрос: упрощает ли это работу или, наоборот, предъявляет к ней новые требования? Скорее всего, и то и другое одновременно.

В этой работе предлагается рассматривать налоговый учет экспортных операций как систему из четырех взаимосвязанных элементов: определение налоговой базы, использование вычетов, организация раздельного учета и документальное обоснование нулевой ставки. Логика здесь простая: если хотя бы один элемент дает сбой, вся конструкция начинает работать неправильно. Поэтому влияние цифровых технологий и контрольных механизмов имеет смысл исследовать применительно к каждому из этих элементов в отдельности.

Актуальность такого подхода особенно заметна на фоне изменений, вступивших в силу в 2026 году. Обновилась форма налоговой декларации по НДС, появились новые контрольные соотношения, изменились форматы электронных документов, расширилась практика экстерриториальных проверок. Все это напрямую затрагивает учет экспортных операций, и игнорировать данные изменения попросту невозможно.

Теперь обратимся к первому элементу — определению налоговой базы. Согласно ст. 167 НК РФ [1], для экспортных операций налоговую базу определяют по последнему дню квартала, в котором был полностью собран комплект документов, подтверждающих право на нулевую ставку. Но что происходит, если документы собрать не удалось? Тогда ситуация разворачивается иначе: срок определения налоговой базы переносится на дату отгрузки товаров, а сама операция облагается налогом по ставке 22%. По сути, налогоплательщик оказывается перед выбором: либо успеть собрать документы в отведенный срок, либо столкнуться с необходимостью уплатить налог по полной ставке.

С учетной точки зрения это означает, что аналитический учет должен быть организован так, чтобы на любую отчетную дату было видно: по каким экспортным отгрузкам пакет документов уже собран, по каким сбор еще продолжается, а по каким срок уже истек. На практике эта задача решается через ведение регистров налогового учета по каждой экспортной сделке. В них фиксируются дата отгрузки, дата фактического сбора документов и расчет контрольного срока. Казалось бы, ничего сложного, но именно здесь чаще всего возникают ошибки, которые потом дорого обходятся.

Не менее важным элементом является раздельный учет сумм «входного» НДС. Согласно пункту 3 статьи 172 НК РФ [1], вычеты по товарам (работам, услугам), использованным для производства экспортной продукции, производятся на момент определения налоговой базы, то есть после подтверждения нулевой ставки. Если организация осуществляет как экспортные, так и внутренние операции, она обязана вести раздельный учет по методике, закрепленной в учетной политике для целей налогообложения. И здесь возникает закономерный вопрос: насколько детально должна быть прописана эта методика, чтобы она выдержала проверку со стороны налоговых органов? Практика показывает, что чем конкретнее и прозрачнее описан порядок распределения, тем меньше риск претензий.

На практике наибольшие сложности вызывает распределение «общехозяйственного» НДС, который невозможно напрямую отнести к экспортным или внутренним операциям. В этом случае применяется метод пропорционального распределения исходя из стоимости отгруженных товаров. Ошибки в расчете пропорции, равно как и отсутствие документально закрепленной методики распределения, являются типичными основаниями для отказа в вычетах по результатам камеральных проверок.

В настоящее время процедура подтверждения существенно упрощена: вместо бумажных копий деклараций на товары с отметками таможни налогоплательщик вправе представить электронный реестр, сформированный по формату, утвержденному приказом ФНС России от 26.12.2023 № ЕД-7-15/1003@ [2]. Однако упрощение процедуры не отменяет требования к полноте и достоверности учетных данных: реестр должен в точности соответствовать данным налоговой декларации и регистрам учета.

С 29 марта 2026 года вступил в силу приказ ФНС России от 18.12.2025 № ЕД-7-3/1227@ [3], утвердивший обновленную форму налоговой декларации по НДС. Одновременно письмом ФНС России от 20.02.2026 № СД-36-3/1314@ [4] направлены новые контрольные соотношения показателей декларации. Для экспортеров принципиальное значение имеют изменения в разделе 4 декларации, предназначенном для отражения операций по нулевой ставке. Нарушение контрольных соотношений влечет за собой квалификацию декларации как непредставленной, что автоматически блокирует процесс подтверждения нулевой ставки и возмещения налога.

Параллельно обновлены форматы электронных документов. Приказом ФНС России от 19.01.2026 № ЕД-1-26/29@ [5] утверждены новые форматы корректировочного счета-фактуры и документов, подтверждающих согласие покупателя на изменение стоимости отгруженных товаров. Применение устаревших форматов при электронном документообороте создает риск отказа в принятии документов к учету, что особенно критично для экспортных операций, где сроки подтверждения нулевой ставки ограничены 180 календарными днями.

С учетной точки зрения важно, что переход на электронные форматы не отменяет требования к содержанию первичных документов. Налоговые органы принимают неформализованные электронные документы (PDF, XML, сканы) при условии их подписания квалифицированной электронной подписью и наличия обязательных реквизитов [6]. Отсутствие любого из реквизитов — основания для истребования дополнительных документов и продления сроков проверки, что в условиях 180-дневного ограничения создает риск утраты права на нулевую ставку.

Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ [7] внес изменения в порядок проведения камеральных проверок: с 2026 года проверка декларации по НДС может быть проведена любым налоговым органом, уполномоченным ФНС России, в том числе из другого субъекта Федерации. Налогоплательщик уведомляется об этом в течение пяти рабочих дней и вправе представить пояснения как в «свою» инспекцию, так и непосредственно в проверяющий орган.

Для организации налогового учета это означает повышение требований к качеству пояснительной документации. Инспекция, территориально удаленная и не знакомая со спецификой деятельности налогоплательщика, с большей вероятностью запросит дополнительные обоснования по каждой сумме вычета. Следовательно, учетная политика должна предусматривать формирование внутренних регистров-обоснований, позволяющих оперативно подтвердить правомерность применения вычетов и нулевой ставки.

На основе проведенного анализа предлагается матрица рисков, связанных с документальным подтверждением нулевой ставки, и рекомендации по их минимизации (таблица 1).

Таблица 1

Матрица рисков и рекомендации по адаптации учетной политики

Вид риска	Содержание риска	Рекомендации по минимизации
Риск несоответствия данных	Расхождение сумм в декларации и электронном реестре	Внутренний контроль сверки регистров учета и реестров до отправки
Риск устаревших форматов	Применение старых форматов электронных документов	Своевременное обновление программного обеспечения и форматов
Риск экстерриториальных проверок	Запрос дополнительных обоснований из удаленной инспекции	Формирование регистров-обоснований по каждой сумме вычета
Риск утраты права на ставку 0%	Пропуск 180-дневного срока из-за технических ошибок	Ведение контрольных карт сроков по каждой экспортной сделке

Источник: составлена автором.

Таким образом, изменения 2026 года действительно меняют подход к налоговому учету экспорта. Электронные реестры и новые форматы документов, с одной стороны, упрощают подтверждение нулевой ставки. Но с другой — требуют большей точности и своевременности данных. Цифровизация меняет инструменты, но не отменяет требований к качеству учета — скорее наоборот. Отсюда три главные задачи для бухгалтера: следить, чтобы регистры налогового учета совпадали с электронными реестрами, закрепить методику раздельного учета в учетной политике и быть готовым быстро давать обоснования при экстерриториальных проверках. От этого зависит не только подтверждение нулевой ставки, но и финансовая устойчивость компании в целом.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.08.2026) - URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_28165/

2. Приказ ФНС России от 26.12.2023 N ЕД-7-15/1003@ "Об утверждении форм, порядка заполнения и форматов представления реестров, предусмотренных подпунктами 1, 2, 4 - 6 пункта 1, пунктами 2 и 2.1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, в электронной форме" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471326/

3. Приказ ФНС России от 18.12.2025 N ЕД-7-3/1227@ "О внесении изменений в приложения к приказу Федеральной налоговой службы от 05.11.2024 N ЕД-7-3/989@" – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_525375/

4. Письмо ФНС России от 20.02.2026 № СД-36-3/1314@ «О направлении новых контрольных соотношений к декларации по НДС» – URL: https://www.consultant.ru/

5. Приказ ФНС России от 19.01.2026 N ЕД-1-26/29@ "Об утверждении форматов корректировочного счета-фактуры, представления документа, подтверждающего согласие (факт уведомления) покупателя на изменение стоимости отгруженных товаров (выполненных работ, оказанных услуг), переданных имущественных прав, включающего в себя корректировочный счет-фактуру, и представления документа, подтверждающего согласие (факт уведомления) покупателя на изменение стоимости отгруженных товаров (выполненных работ, оказанных услуг), переданных имущественных прав, в электронной форме" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW _529099/

6. Хахонова Н.Н., Демьяненко Э.Ю. Направления совершенствования нормативной базы электронного документооборота в целях обеспечения устойчивого развития компании // В книге: Экономический суверенитет России: стратегии обеспечения устойчивого роста. в 2 томах. Ростов-на-Дону, 2026. С. 437-450. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=91296692

7. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520020/

© Э.Ю. Демьяненко, 2026

УДК 332.1

РАЗВИТИЕ ПРОЕКТОВ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ОБЪЕКТОВ

СОБОЛЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА
к.э.н., доцент, декан факультета
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Аннотация. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов и растущей потребности в модернизации инфраструктуры публично-частное партнерство (ПЧП), включая государственно-частное и муниципально-частное партнерство, становится ключевым механизмом привлечения внебюджетных инвестиций в создание социально значимых объектов и благоустройство городских территорий. ПЧП позволяет ускорить строительство, повысить качество услуг и снизить нагрузку на бюджеты разных уровней. Цель исследования - проанализировать состояние и тенденции развития проектов ПЧП в социальной сфере и сфере благоустройства, выявить факторы, влияющие на их реализацию, а также определить проблемы и направления совершенствования механизмов партнерства. В результате обоснована необходимость развития проектов публично-частного партнёрства в условиях ограниченности бюджетов.
Ключевые слова: публично-частное партнерство; социально значимые объекты; благоустройство городских территорий; концессионные соглашения; факторный анализ.

DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS IN THE FIELD OF CREATING SOCIALLY SIGNIFICANT FACILITIES

Soboleva Olga Nikolaevna

Abstract. Given the limited budgetary resources and the growing need to modernize infrastructure, public-private partnership (PPP), including public-private and municipal-private partnerships, is becoming a key mechanism for attracting extra-budgetary investments in the creation of socially significant facilities and the improvement of urban areas. PPP makes it possible to accelerate construction, improve the quality of services, and reduce the burden on budgets at various levels. The aim of the study is to analyze the current state and development trends of PPP projects in the social sector and the area of urban improvement, to identify the factors influencing their implementation, and to determine the problems and areas for improving partnership mechanisms. As a result, the need to develop public-private partnership projects under conditions of limited budgets has been substantiated.
Keywords: public-private partnership; socially significant facilities; improvement of urban areas; concession agreements; factor analysis.

Введение. Развитие социальной инфраструктуры и благоустройство городских территорий требуют значительных капиталовложений, которые не всегда могут быть обеспечены только за счет бюджетных средств. В этих условиях публично-частное партнерство выступает инструментом объединения ресурсов государства, муниципалитетов и бизнеса. Благодаря ПЧП объекты создаются быстрее, раньше начинают приносить социально-экономические эффекты, а частный инвестор получает возможность возместить расходы за счет эксплуатации объекта или платежей публичной стороны [2].

Развитие инфраструктуры и обеспечение общественных благ успешно достигаются благодаря публично-частному партнерству, эффективность которого подтверждена практикой. В мировой практике накоплено множество успешных проектов ПЧП - от масштабных до локальных, демонстрирующих широкие возможности данного механизма. Инновационность и устойчивость общественного развития напрямую связаны с экономическим прогрессом и социальным благополучием.

Основная часть. В течение многих лет термин «публично-частное партнерство (ПЧП) менялся. В литературе публичное партнерство часто рассматривается как разновидность государственно-частного партнерства:

- сотрудничество между государственными и частными партнерами для развития инфраструктуры в различных отраслях экономики;
- любое партнерство частного сектора с государственным сектором, в котором обе стороны участвуют в процессе и достигают определенных целей;
- сотрудничество между органами государственного и частного сектора, при котором они вносят вклад в реализацию проектов;
- сделка между государством и частным сектором, при которой опыт и ресурсы участвуют в оказании услуг или создании объектов для общества, а также несут ответственность за их последующую эксплуатацию. В этом случае каждый из участников соглашения (частный или государственный) принимает на себя риски, связанные с использованием ресурса и потенциальными выгодами от предоставления услуги или объекта обществу [3].

Если к концу 2023 г. рынок ПЧП подошел с портфелем в 4,8 трлн руб. и 3427 действующими соглашениями, то 2024 год стал переломным по объему законтрактованных инвестиций. По данным Минэкономразвития России, в 2024 г. было заключено 278 новых соглашений на общую сумму 2,4 трлн руб., что стало абсолютным максимумом за всю историю наблюдений. Из этой суммы 1,8 трлн руб. (75%) пришлось на частные инвестиции - беспрецедентный показатель для российского рынка. Такой скачок в значительной степени объясняется эффектом одного крупнейшего проекта - строительства высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва - Санкт-Петербург с объемом инвестиций около 1,9 трлн руб. Без учета этого проекта рынок новых соглашений в 2024 г. был бы сопоставим с уровнями 2022-2023 гг. (порядка 0,9 трлн руб. ежегодно), однако даже такой «скорректированный» результат свидетельствует о сохранении устойчивого интереса инвесторов к механизмам ПЧП [1].

К концу 2024 г. совокупный портфель действующих соглашений о ГЧП/МЧП и концессиях оценивался примерно в 3,7 тыс. соглашений на 7 трлн руб. По итогам первого полугодия 2025 г. в стадии создания или эксплуатации находилось уже 4,4 тыс. соглашений с общим объемом инвестиций 7,4 трлн руб., причем доля частных средств в этом портфеле составила около 72–73% (порядка 5,3 трлн руб.). Таким образом, накопленный портфель ПЧП за полтора года вырос с 4,8 до 7,4 трлн руб., а количество соглашений - с 3,4 до 4,4 тыс [1].

Динамика нового заключения соглашений в 2025 г. замедлилась. За три квартала 2025 г. было заключено 142 новых соглашения на 246 млрд руб., за 11 месяцев - 198 соглашений на 382 млрд руб. Снижение контрактации относительно рекордного 2024 г. объясняется как эффектом высокой базы (крупнейший проект ВСМ), так и началом качественной трансформации рынка: акцент смещается с количества запускаемых проектов на их эффективность, устойчивость и сбалансированность принимаемых решений. В частности, для проектов стоимостью свыше 3 млрд руб. к оценке эффективности привлекается ВЭБ.РФ, что должно снизить риски несбалансированного распределения рисков и повысить качество бюджетных расходов.

Отраслевая структура в 2024–2025 гг. остается стабильной с доминированием транспортного сектора. На транспорт приходится около 65-66% всех новых инвестиций - это проекты ВСМ, платных автодорог, городского электротранспорта, на ЖКХ - около 16-18%, на социальную сферу - порядка 15%. В абсолютном выражении социальная сфера сохраняет статус значимого, хотя и не крупнейшего сегмента: в 2023 г. объем инвестиций в социальные проекты составлял 373,5 млрд руб., а в 2024-2025 гг. социальные объекты: школы, кампусы, объекты здравоохранения и спорта продолжают реализовываться в рамках концессионных соглашений и соглашений о ГЧП/МЧП, особенно на региональном и

муниципальном уровнях, где средний бюджет таких проектов составляет около 5 млрд руб. при сроке реализации 18 лет. [1].

В рамках институциональных новаций в 2025 г. Сбербанк и ВЭБ.РФ подписали соглашение о создании платформы «Развивай РФ», в рамках которой предполагается использование нового инструмента - ГЧП-облигаций - для финансирования долгосрочных инфраструктурных проектов и разработки единого стандарта ГЧП в стране. Данный факт свидетельствует о движении рынка от преимущественно концессионных механизмов к более диверсифицированным финансовым инструментам, что особенно важно для социальной сферы, где доходность проектов ниже, чем в транспортной инфраструктуре.

Данные 2024-2025 гг. подтверждают переход рынка ПЧП в новое качество: после рекордного объема законтрактованных инвестиций в 2024 г. (2,4 трлн руб.) рынок вступает в фазу сдержанного роста при усилении контроля за эффективностью. Для сферы создания социально значимых объектов это означает, что основным резервом остается не столько наращивание числа новых соглашений, сколько повышение качества проработки проектов, более активное использование смешанных финансовых инструментов и тиражирование успешных муниципальных практик в социальной сфере и благоустройстве.

Анализ практики позволил классифицировать проблемы ПЧП по четырем признакам: временные, правовые, финансовые и информационные. К временным относятся длительный период и сложность разработки проектов, невыполнение сроков концессионных соглашений. К правовым - потеря юридической самостоятельности муниципальных образований, вопросы регистрации объектов концессии, отказ инвесторов от полного обслуживания объектов, невыполнение законодательных требований по срокам. Финансовые проблемы включают увеличение стоимости услуг и снижение уровня обслуживания, невозможность погашения долгов перед кредиторами, получение прямых платежей по ЖКХ. Информационные проблемы связаны с недостатком информации для бизнеса, нехваткой знаний специалистов муниципалитетов и ответственностью экспертов за установление норм и правил.

Заключение. Публично-частное партнерство является эффективным инструментом создания социально значимых объектов и благоустройства городских территорий. В России наблюдается устойчивый рост объемов инвестиций и количества проектов, однако сохраняется отраслевая и территориальная неравномерность, а также правовые, финансовые и информационные барьеры. Для дальнейшего развития ПЧП необходимо усилить управленческую координацию, повысить информационную открытость, обеспечить стабильность условий реализации проектов и законодательно закрепить механизмы защиты интересов участников. Предложенные меры позволят повысить результативность ПЧП и расширить его использование в социальной сфере, ЖКХ, благоустройстве и инфраструктуре.

Список источников

1. Минэкономразвития России оценил рынок ГЧП в 246 млрд рублей за девять месяцев [электронный ресурс]. Режим доступа: https://pppcenter.ru/press-tsentr/novosti/minek-otsenil-rynok-gchp-v-246-mlrd-rubley-za-devyat-mesyatsev/?GameID=2026-02-12/311.html (дата обращения 27.10.2026).

2. Струкова Н. А. Особенности развития государственно-частного партнерства в социальной сфере Новосибирской области // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5-4 (92). – С. 169–172. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-5-4-169-172.

3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.10.2026).

УДК 336.717.061

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ АО «АЛЬФА-БАНК» В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РОСТА

МОШНЯКОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
магистрант
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Научный руководитель: Клочкова Елена Николаевна
к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Аннотация: В статье рассмотрены перспективы развития кредитной деятельности АО «Альфа-Банк» на горизонте до 2030 года. Определены пять стратегических направлений роста, включая цифровизацию, развитие МСП и ESG-кредитования. Прогнозируется увеличение портфеля до 16,6 трлн рублей к 2028 году.
Ключевые слова: кредитный портфель, цифровизация кредитного конвейера, МСП-кредитование, ESG-факторы, риск-менеджмент, стратегическое развитие.

CONCEPTUAL APPROACHES TO IMPROVING THE CREDIT POLICY OF JSC ALFA-BANK IN THE CONTEXT OF ACHIEVING TARGET INDICATORS OF SUSTAINABLE GROWTH

Moshnyakov Ivan Alexandrovich

Scientific adviser: Klochkova Elena Nikolaevna

Abstract: The article examines the prospects for the development of Alfa-Bank's lending activities over the horizon up to 2030. Five strategic growth areas have been identified, including digitalization, the development of SMEs, and ESG lending. It is projected that the portfolio will increase to 16.6 trillion rubles by 2028.
Keywords: credit portfolio, digitalization of the credit pipeline, SME lending, ESG factors, risk management, strategic development.

Контуры развития кредитной деятельности АО «Альфа-Банк» до 2030 года формируются под воздействием внешних (макроэкономическая конъюнктура, политика Банка России, технологические сдвиги, геополитика) и внутренних (стратегия, пассивная база, технологии) факторов. Как отмечают М.Е. Лебедева и П.В. Шевцов, в условиях турбулентности банк вынужден адаптировать стратегию, балансируя устойчивость и доходность через системы управления рисками [5, с. 570]. Это положение является отправной точкой для формулирования перспектив развития кредитной работы банка.

Согласно прогнозам Банка России, базовый сценарий предполагает снижение ключевой ставки до 12–14% к концу 2026 года и до 8–10% в 2027–2028 годах. Это создает двойственный эффект: удешевление кредита расширяет спрос, но сужает процентный спред, стимулируя банк к росту комиссионных доходов и цифровизации. Прогнозные темпы роста портфеля банка ожидаются на уровне 18–22% ежегодно, что позволит увеличить портфель брутто с 9,8 трлн до 15,5–17,5 трлн рублей к концу 2028 года, а рыночную долю — с 6,4% до 7,0–7,5% [1; 7].

Среди приоритетных направлений развития на 2026–2028 годы выделяют:

- Формирование сквозного цифрового кредитного конвейера. Внедрение AI-скоринга — первый этап построения end-to-end цифрового процесса. К 2028 году доля автоматических решений должна составить 90% в рознице, 70% в МСП и 35% в корпоративном бизнесе, что сопоставимо с лидерами рынка [3, с. 25]. Это сократит операционные расходы на 35–50% и создаст предпосылки для проактивной модели кредитования.
- Углубление работы с МСП. Действующие программы льготного кредитования и гарантийная поддержка снижают эффективный риск сегмента на 1,5–2,0 п.п. Целевой ориентир — рост доли МСП-кредитов с 9,4% до 14–16% к 2028 году. Задачи: разработка отраслевых продуктов, интеграция с платформами ФНС и Корпорации МСП, развитие партнерств с ВЭБ.РФ и МСП Банком [8].
- Масштабирование торгового финансирования. Переориентация внешнеторговых потоков сформировала спрос на документарные инструменты. Объем операций в системе в 2025 году вырос на 28,4% [6; с. 50]. Для банка целевой ориентир — выход на объемы 200–250 млрд рублей к 2028 году, что соответствует доле 2–3% от портфеля.
- Интеграция ESG-факторов в кредитный процесс. Как обосновано в работе М.Е. Лебедевой и соавторов, интеграция ESG переходит в нормативно закрепленную составляющую риск-менеджмента [4, с. 45]. Банку целесообразно развивать линейку «зеленого» и социального кредитования (ипотека, энергоэффективность, проекты ВИЭ) в рамках национальной таксономии. Целевой показатель — доля ESG-кредитов до 5–7% к 2028 году.
- Модернизация риск-менеджмента. Снижение ставки сузит спреды, поэтому точность оценки риска станет ключевым фактором рентабельности. Стратегический ориентир — снижение COR с 2,29% до 1,80–1,90% к 2028 году за счет AI-моделей, систем раннего предупреждения дефолтов и оптимизации работы с проблемной задолженностью. Параллельно прогнозируется снижение NPL с 5,60% до 4,5–4,8% [2].

При реализации описанных направлений АО «Альфа-Банк» к концу 2028 года сможет: увеличить кредитный портфель брутто в 1,7 раза — до 16,6 трлн рублей; нарастить долю МСП-кредитования до 14 %; снизить долю просроченной задолженности с 5,60 % до 4,65 %, а стоимость риска — с 2,29 % до 1,82 %; обеспечить рост чистой прибыли с 260 до 415 млрд рублей при поддержании уровня рентабельности собственного капитала в диапазоне 22,8–24,2 %; существенно нарастить долю цифровых кредитных решений и ESG-продуктов в портфеле. Полученные результаты позволят банку сохранить позицию крупнейшего частного банка России и удержать лидерство по эффективности использования капитала в группе системно значимых кредитных организаций [7].

Реализация стратегии сопряжена с макроэкономическими (замедление роста, высокая инфляция), регуляторными (ужесточение макропруденциальной политики), технологическими (задержки цифровизации, киберугрозы), конкурентными (Сбербанк, Т-Банк, финтех-платформы) и геополитическими рисками. Управление ими требует поддержания буферов капитала, развития стресс-тестирования и диверсификации фондирования [7].

Долгосрочные ориентиры до 2030 года. В долгосрочной перспективе развитие определяется пятью факторами: переход к экосистемной модели, углубление применения ИИ для гиперперсонализации, интеграция с госплатформами (Госуслуги, ФНС), развитие продуктов на базе цифрового рубля и построение компетенций по обслуживанию ВЭД со странами Глобального Юга и Востока [3, с.27].

Таким образом, перспективы развития кредитной деятельности АО «Альфа-Банк» в горизонте 2026–2028 годов и до 2030 года связаны с одновременной реализацией пяти стратегических направлений — цифровой трансформации кредитного процесса, ускоренного развития МСП-сегмента, расшире-

ния торгового финансирования и обслуживания ВЭД, интеграции ESG-факторов в кредитный анализ и продуктовую линейку, модернизации риск-менеджмента и кредитной политики. Сформулированные направления согласуются с лучшими международными практиками банковского кредитования и учитывают институциональные особенности российской банковской системы и приоритеты государственной экономической политики на текущем этапе.

Список источников

1. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности: Положение Банка России от 28.06.2017 № 590-П // Вестник Банка России. – 2017. – № 65–66 (1899–1900). – URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/vestnik-akts/?year=2017.

2. Деньги, кредит, банки: учебник / под ред. О. И. Лаврушина. – 13-е изд., стер. – М.: КноРус, 2014. – 448 с. – ISBN 978-5-406-03738-6.

3. Лебедева М. Е., Круглова И. А., Лисянский Д. А. Международные и отечественные тенденции регулирования ESG-факторов // Мир экономики и управления. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 37–51. – DOI: 10.25205/2542-0429-2023-23-2-37-51.

4. Лебедева М. Е., Круглова И. А., Лисянский Д. А. Международные и отечественные тенденции регулирования ESG-факторов // Мир экономики и управления. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 37–51. – DOI: 10.25205/2542-0429-2023-23-2-37-51.

5. Лебедева М. Е., Шевцов П. В. Стратегия коммерческого банка на фондовом рынке // Экономика и управление. – 2023. – Т. 29, № 5. – С. 567–573. – DOI: 10.35854/1998-1627-2023-5-567-573.

6. Стародубцева Е. Б., Маркова О. М. Использование искусственного интеллекта в кредитном скоринге. – 2024. – № 10. – С. 162–166.

7. Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА). Аналитические исследования и обзоры банковского сектора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.acra-ratings.ru (дата обращения: 15.09.2026).

8. Корпорация МСП. Портфель кредитов МСП в июле сократился почти на 8% [Электронный ресурс]. – 2026. – 15 сентября. – URL: https://www.corpmsp.ru/about/press/news/novosti-msp/portfel-kreditov-msp-v-iyule-sokratilsya-pochti-na-8/ (дата обращения: 18.10.2026).

УДК 339.56

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ТОРГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ВТОРИЧНЫХ САНКЦИЙ: ДИНАМИКА, РАСЧЕТЫ, ЛОГИСТИКА (2022–2025 ГГ.)

ЧЕРКАСОВА ВАРВАРА МАКСИМОВНА,
КЛЁВИНА МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
г. Самара, Россия

Аннотация: Рассмотрена трансформация российско-китайской торговли в 2022–2025 гг. Сопоставлены динамика товарооборота, банковские ограничения и логистические барьеры. Показано, что расчеты в национальных валютах не устраняют санкционные риски. Предложены направления повышения устойчивости платежей и поставок; обозначены ограничения причинной интерпретации статистики.
Ключевые слова: Россия, Китай, внешняя торговля, вторичные санкции, национальные валюты, логистика.

TRANSFORMATION OF RUSSIA–CHINA TRADE UNDER SECONDARY SANCTIONS: DYNAMICS, SETTLEMENTS AND LOGISTICS (2022–2025)

Cherkasova Varvara Maksimovna,
Klevina Maria Vasilievna

Abstract: The paper examines Russia–China trade in 2022–2025, comparing turnover dynamics, banking restrictions and logistical barriers. National-currency settlements do not eliminate sanctions risks. Measures to improve payment and supply resilience are proposed, while limitations of causal interpretation are acknowledged.
Key words: Russia, China, foreign trade, secondary sanctions, national currencies, logistics.

Введение

Переориентация внешней торговли России усилила значение китайского рынка, но сохранила структурную асимметрию: в 2022 г. топливно-энергетические товары составляли 74,8% российских поставок в КНР [1, с. 78]. После быстрого роста двусторонней торговли в 2022–2023 гг. ее динамика замедлилась [2, с. 704–705]. Необходим анализ причин замедления.

Цель исследования — выявить факторы замедления российско-китайской торговли в 2022–2025 гг. и определить направления адаптации участников внешнеэкономической деятельности.

Задачи исследования: 1) сопоставить динамику торговли; 2) раскрыть влияние санкций на расчеты; 3) выявить логистические и конъюнктурные ограничения; 4) предложить меры адаптации.

Динамика торговли

Использованы сравнительный анализ статистики и обобщение научных публикаций. Товарооборот показан на рис. 1; значения за 2022–2024 гг. приведены по [1, с. 75; 2, с. 704–705], за 2025 г. — по [3].

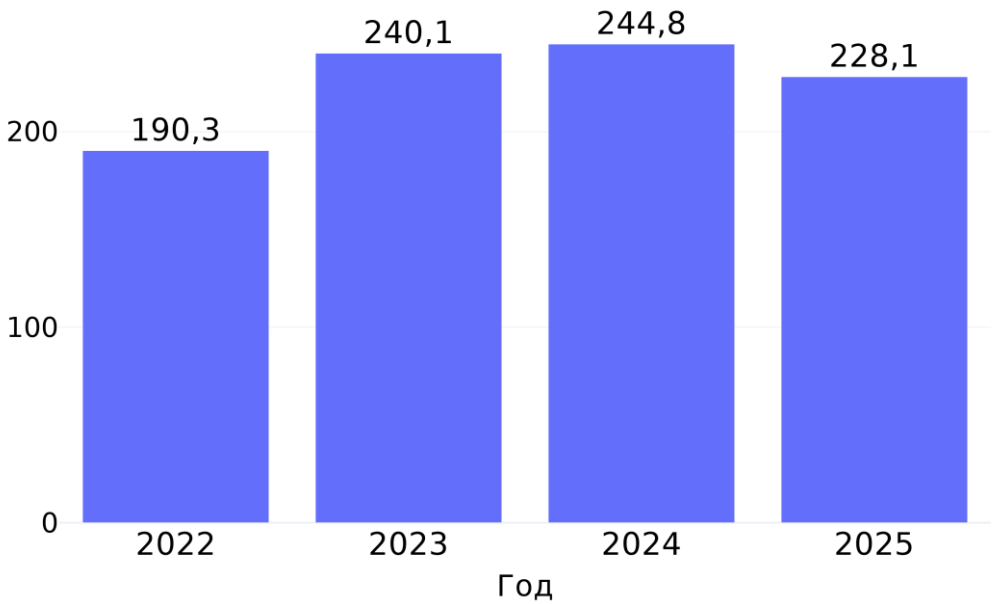


Рис. 1. Товарооборот России и Китая, млрд долл. США

Платежи и вторичные санкции

Темпы прироста товарооборота снизились с 29,3% в 2022 г. и 26,3% в 2023 г. до 1,9% в 2024 г.; в 2025 г. зафиксировано сокращение на 6,9% [2, с. 704–705; 3]. Российский импорт из КНР уменьшился сильнее экспорта в Китай (табл. 1).

Таблица 1

Торговля России с Китаем в 2025 г. [3]

Показатель	Млрд долл. США	Изменение к 2024 г., %
Экспорт России в КНР	124,79	−3,9
Импорт России из КНР	103,30	−10,4
Сальдо торговли России	+21,49	+55,4

Сопоставление показывает асимметрию торговых потоков, но не измеряет вклад санкций: стоимостные показатели одновременно зависят от цен, курса валют и спроса. Темпы изменения взяты из публикаций ГТУ КНР, а не рассчитаны по округленным уровням [2, с. 704–705; 3].

Указ США № 14114 от 22 декабря 2023 г. расширил основания для ограничений против иностранных финансовых институтов за определенные значимые операции, связанные с российской военно-промышленной базой. Он не вводил запрет на любые сделки с Россией [4, с. 89271–89272].

Рост санкционных рисков сопровождался усилением банковских проверок и задержками платежей, в том числе в рублях и юанях [2, с. 706–709]. При этом в декабре 2023 г. сообщалось о доле национальных валют свыше 90%. Следовательно, дедолларизация расчетов не тождественна независимости платежной инфраструктуры [2, с. 707–709].

Логистика и меры адаптации

Логистические ограничения сохраняются независимо от валюты контракта. Е. А. Борисова приводит оценку NEFT Research: загрузка Восточного полигона составляла 97,3%; дефицит провозной способности мог сохраниться до 2032 г. [5, с. 15]. Это оценка источника, а не результат расчетов авторов. Взаимодействие факторов представлено на рис. 2.

Конъюнктурный канал связан со стоимостной зависимостью экспорта от энергоносителей и изменением спроса на китайские товары [3]. Направления адаптации систематизированы в табл. 2.

Рис. 2. Каналы ограничения торговли (составлено авторами)

Таблица 2

Направления повышения устойчивости торговли

Фактор	Предлагаемые меры	Ограничения
Финансовый	Предварительное согласование платежей; проверка контрагентов	Санкционные риски сохраняются
Логистический	Сопоставление маршрутов; резервирование перевозок	Дефицит мощностей; тарифы
Конъюнктурный	Диверсификация товаров; пересмотр условий контрактов	Цены сырья и спрос

Примечание. Систематизация авторов на основе [2, с. 709–711; 3; 5, с. 15].

Заключение

Замедление торговли в 2024 г. и ее сокращение в 2025 г. следует рассматривать как результат сочетания банковских, транспортных и конъюнктурных ограничений. Выбор национальной валюты сам по себе не обеспечивает проведение платежа. Практический приоритет — согласование расчетов и поставок с учетом применимых правовых требований [2, с. 709–711; 3; 5, с. 15].

Количественно разделить влияние факторов по агрегированным годовым данным нельзя. Для дальнейшего исследования необходимы сведения о ценах, физических объемах, сроках платежей и стоимости перевозок.

Список источников

1. Изотов Д. А. Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 70–87. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87.

2. Бабаев К. В. Взаиморасчёты между российскими и китайскими банками: геоэкономический аспект // Экономика региона. 2025. Т. 21, вып. 3. С. 703–715. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-9.

3. Объем торговли Китая и России в 2025 году сократился на 6,9% // ТАСС. 14.01.2026. URL: https://tass.ru/ekonomika/26141131 (дата обращения: 30.10.2026).

4. Executive Order 14114 of December 22, 2023 // Federal Register. 2023. Vol. 88, No. 246. P. 89271–89274. URL: https://www.federalregister.gov/d/2023-28662 (дата обращения: 30.10.2026).

5. Борисова Е. А. Сложности переориентации внешней торговли России с Запада на Восток: логистика и транспорт // Восточная аналитика. 2025. Т. 16, № 2. С. 9–24. DOI: 10.31696/2227-5568-2025-02-009-024.

© В. М. Черкасова, М. В. Клёвина, 2026

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.133.1'373.7:81'42

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ

ФИДОРЕНКО ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА
аспирант
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Научный руководитель: Беляева Екатерина Евгеньевна
доцент, кандидат культурологии
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Аннотация: статья рассматривает выразительные свойства и прагматический потенциал фразеологических единиц во французской литературной сказке. Материал – произведения Ш. Перро, М.-К. д'Онуа и Ж. Санд. Автор разводит экспрессивность как имманентный ресурс языковой единицы и прагматический потенциал, реализуемый в коммуникации. Анализ выявил доминирование качественно-количественного типа экспрессивности. Он показал и аксиологическую асимметрию соматического и зооморфного кодов. Ещё один результат – статистически значимая связь между степенью интенсивности фразеологизма и его экспрессивным значением.
Ключевые слова: фразеология; экспрессивность; прагматический потенциал; французская литературная сказка; соматизм; зооморфизм; коэффициент Крамера; гипербола; метафора; аксиология.

EXPRESSIVE PROPERTIES AND PRAGMATIC POTENTIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN FRENCH LITERARY FAIRY TALES

Fidorenko Ekaterina Andreevna

Scientific adviser: Belyaeva Ekaterina Evgenyevna

Abstract: this article examines the expressive properties and pragmatic potential of phraseological units in French literary fairy tales, drawing on works by Charles Perrault, Marie-Catherine d'Aulnoy, and George Sand. The author distinguishes between expressiveness, viewed as an inherent resource of a linguistic unit, and pragmatic potential, which is realized within the process of communication. The analysis reveals a predominance of the qualitative-quantitative type of expressiveness and demonstrates an axiological asymmetry between somatic and zoomorphic codes. Furthermore, the study identifies a statistically significant correlation between the intensity level of a phraseological unit and its expressive meaning.
Keywords: phraseology; expressiveness; pragmatic potential; French literary fairy tale; somatism; zoomorphism; Cramér's V (coefficient); hyperbole; metaphor; axiology.

Исходный пункт анализа – разграничение «экспрессивности» и «прагматического потенциала». О.С. Ахманова определяет экспрессивность как имманентное свойство языковой единицы. Оно противопоставляет единицу нейтральной норме и наделяет высказывание «выразительно-

изобразительными качествами, образностью и эмоциональной окрашенностью» [1, с. 324]. В применении к фразеологии А.М. Мокиенко говорит о гипертрофированности этой характеристики: экспрессивно-коммуникативная функция фразеологизмов «возведена в абсолют». Причина – аномальная природа вторичной косвенной номинации; её мотивационный комплекс всегда заряжен прагматически [2, с. 45; 3]. Экспрессивность поэтому остаётся статическим ресурсом единицы. Прагматический потенциал работает в живой коммуникации: охватывает выражение оценок и эмоций, регулирует поведение адресата [4, с. 219; 5, с. 285]. А.В. Кунин выделяет четыре ключевые прагматические функции: стилистическую, кумулятивную, директивную и резюмирующую [6, с. 243–244].

Материал – фразеологические единицы из сказок Ш. Перро [7], М.-К. д'Онуа [8] и Ж. Санд [9]. После исключения неоднозначных случаев выборка составила 524 наблюдения. Чтобы выявить системные корреляции между структурно-семантическими характеристиками ФЕ, их экспрессивным значением и реализуемыми прагматическими функциями, мы применили коэффициент Крамера. Выбор объясняется номинативной природой всех переменных: тип экспрессивного значения (качественное, количественное, качественно-количественное), прагматическая функция (стилистическая, кумулятивная, резюмирующая, директивная), семантический тип (идиома/ унилатеральный фразеологизм), вектор коннотации (позитивный, негативный, амбивалентный/ нейтральный) и степень интенсивности (слабая, средняя, высокая).

Типология экспрессивных значений и её реализация в сказочном дискурсе. Системно описать выразительные свойства оборотов помогает типология экспрессивных значений В.Н. Вакурова. Она различает качественные, количественные и качественно-количественные сдвиги в семантике оборотов [10, с. 23]. Качественная экспрессивность возникает там, где на первый план выходит оценочность или перенос по сходству – без интенсификации признака как таковой. У Ш. Перро к этому типу относится comme de cire («как влитой»): податливость воска метафорически переносится на точность посадки башмачка. М.-К. д'Онуа использует à la belle étoile («под открытым небом»), и образ звезды наделяет романтикой странствия. У Ж. Санд – avoir à cœur («всем сердцем стремиться»), фиксирующее внутренний моральный импульс персонажа. Количественная экспрессивность сводится к интенсификации меры или степени: tout à fait («совсем»), à force de («путём многократных усилий») у Ш. Перро, mille caresses («тысяча ласк») у М.-К. д'Онуа, à discrétion («вволю») у Ж. Санд. В исследованных сказках абсолютно доминирует качественно-количественный (синкретичный) тип. В нём гипербола и метафора образуют неразрывное целое. Этот тип и оказывается главным инструментом аксиологического маркирования сказочного универсума.

У Ш. Перро качественно-количественная экспрессивность наиболее концентрированно представлена в единицах, описывающих стремительность и неотвратимость событий. Оборот en moins de rien («в мгновение ока») в сцене пожирания старушки волком гиперболизирует время до абсолютного нуля. Повествование получает динамику страшной сказки [7, с. 50]. Так же работает à vue d'oeil («на глазах, заметно») при описании моральной деградации старшей сестры: соматический образ глаза соединяется с идеей стремительной динамики, порождая отрицательную экспрессию неизбежного воздаяния [7, с. 98]. Зооморфная метафора dévorer des yeux («пожирать глазами») в сцене с людоедом базируется на гиперболическом уподоблении взгляда хищнику. Глагол dévorer вступает в противоречие с соматизмом yeux, создавая образ, заряженный резко отрицательной оценкой [7, с. 121].

В сказках М.-К. д'Онуа качественно-количественный тип экспрессивности достигает своего апогея за счёт галантной гиперболизации эмоций и жестокости. Показательна шкала градации любовного чувства, выстроенная вокруг компонента cœur и смежных соматизмов: от сдержанной искренности de bon cœur («от всего сердца, с готовностью») до патологической, разрушительной страсти, выражаемой конструкциями aimer à la folie («любить до безумия») и être folle de («быть без ума от»). Здесь гипербола безумия неотделима от метафорической деформации рассудка, порождая образ любви как стихии. Не менее выразителен соматический оборот à corps perdu («очертя голову»), где пространственная метафора потери тела сливается с гиперболой отчаянной решимости. В сфере негативной экспрессии выделяется jusqu'aux os («до костей, дотла»). В контексте магического уничтожения он соединяет конкретную телесную деталь с тотальной гиперболой и выполняет в сказке функцию устрашения [8, с. 190].

Ж. Санд, сохраняя структурную основу качественно-количественной экспрессивности, смещает её функциональную нагрузку в сторону интеллектуализации и иронии. Гиперболический образ пространства, создаваемый оборотом à perte de vue («насколько хватает глаз»), не только интенсифицирует идею бесконечности, но и вводит натурфилософский подтекст, характерный для её сказок [9, с. 26]. Оборот coup de foudre («удар грома, потрясение») аккумулирует в себе стихийную внезапность (гиперболу) и метафору нервного потрясения (качество), маркируя творческий экстаз [9, с. 145]. Характерной для Ж. Санд становится ироническая гиперболизация через разговорные интенсификаторы: on ne peut plus mal («хуже некуда») [9, с. 77], mille tonnerres («тысяча громов!») [9, с. 173], где предельная степень признака или эмоции парадоксально сочетается с нарочито сниженным регистром.

Образный субстрат ведёт экспрессию по всему корпусу. Первостепенную роль здесь получают фразеологизмы с соматическим и зооморфным компонентами. Высокий эмотивно-оценочный потенциал соматизмов и зооморфизмов зафиксирован в [11; 12; 13, с. 6]. В проанализированных текстах видна устойчивая аксиологическая асимметрия. Приядерный компонент cœur (сердце) стабильно тянет к положительной оценочности. Семантика истощения, страха и хищной угрозы образует отрицательный полюс. У Ш. Перро cœur передаёт искренность и душевную щедрость: de bon cœur [7, с. 94], de tout mon cœur [7, с. 108]. У М.-К. д'Онуа положительные коннотации cœur расширяются в сочетаниях с глаголами дарения и желания. У Ж. Санд de tout son cœur [9, с. 290] описывает состояние покоя. Отрицательная оценочность собирается в соматических оборотах со значением давления, потери сил и агрессии. Это rompre la tête («надоедать») и se mettre en tête («вбить себе в голову») у Ш. Перро [7, с. 8, 115]; en vouloir à («иметь зуб на кого-либо») и jeter les hauts cris («громко возмущаться») у М.-К. д'Онуа [8, с. 164, 299]; être en proie à («быть во власти, жертвой») и à bout de forces («без сил») у Ж. Санд [9, с. 133, 292]. Зооморфный код усиливает отрицательную экспрессию. Dévorer des yeux у Ш. Перро, le mors aux dents («закусив удила») у М.-К. д'Онуа [8, с. 341], porter sur les nerfs («действовать на нервы») у Ж. Санд [9, с. 189] – все эти единицы через анималистическую метафору или физиологический образ передают безудержность, угрозу или раздражение.

Синонимия, антонимия и омонимия добавляют выразительности. Они же выполняют текстообразующую, экспрессивную и культурно-маркирующую функции. Ш. Перро строит контрастную картину мира на антонимических оппозициях. Пара tout bas («шёпотом») / tout haut («громко, вслух») организует скрытый диалог страха и откровения [7, с. 31, 41]. Омонимия оборота de travers даёт автору различать физический дефект («криво») и социальную оценку («косо смотреть») [7, с. 85, 120]. У М.-К. д'Онуа синонимические ряды плотнее и стилистически разветвлённее. Крайнюю степень физического насилия писательница передаёт вариативным рядом: battre comme plâtre [8, с. 178], battre à la laisser pour morte [8, с. 191], rouer de coups [8, с. 347]. Выбор конкретной единицы диктуется нарастанием драматизма. Антонимическая пара faire bon visage / faire mauvais visage [8, с. 73, 197] маркирует этикетное притворство. Противопоставление tout bas/ tout haut работает на звуковой контраст между миром интриг и публичных заявлений. Ж. Санд опирается на пространственную антонимию en arrière («назад») / face à face («лицом к лицу») [9, с. 165, 261] – она задаёт координаты психологического взаимодействия. Колебание темпоральной омонимии tout à l'heure [9, с. 176] между значениями «только что» и «тотчас» создаёт временную подвижность, характерную для устного сказа. Культурно-маркирующую функцию реализуют архаичные клише: depuis que les contes sont contes («с незапамятных времён») у М.-К. д'Онуа [8, с. 156], библеизм plein de jours («в преклонных годах») у Ж. Санд [9, с. 216]. Все они дистанцируют повествование от бытового просторечия и задают жанру возвышенность. В другом контексте они иронически контрастируют с окружением. Такие клише представляют фольклорную или книжную традицию. Попадая в авторский текст, они переосмысляются. В этом и состоит суть «двойной референции» фразеологии литературной сказки.

Результаты корреляционного анализа показали, что первая пара переменных – экспрессивное значение ФЕ и её прагматическая функция. Качественные фразеологизмы чаще всего несут стилистическую функцию (169 случаев). Количественные тоже преобладают в стилистической (54 случая). Качественно-количественные распределены ровнее, но заметно тяготеют к стилистической (26) и кумулятивной (23) функциям. Критерий хи-квадрат дал 7,64 при шести степенях свободы ($p > 0,05$). Коэффи-

циент Крамера – 0,085; это очень слабая связь. Значит, тип образности или способ интенсификации признака сам по себе не предопределяет, пойдёт ли фразеологизм на создание изобразительности, передачу опыта, подведение итога или побуждение к действию.

Семантический тип фразеологизма (идиома или унилатеральная единица) сопоставили с прагматической функцией. Связь проявилась отчётливее. У идиом резюмирующая функция отмечена в 48 случаях из 260, директивная – в 29. Унилатеральные обороты чаще попадали в стилистическую функцию – 137 случаев из 264. Хи-квадрат равен 7,91 при трёх степенях свободы ($p < 0,05$). Коэффициент Крамера – 0,123; это умеренная связь. Идиомы тяготеют к обобщению, оценке достоверности или выражению воли говорящего. Унилатеральные обороты служат преимущественно образной детализации повествования.

На третьем этапе была проверена связь оценочного вектора ФЕ с её экспрессивным значением. Негативная оценка чаще всего связана с количественным (59 случаев) и качественным (108 случаев) типами. Гиперболические, качественно-количественные единицы делятся между позитивным (40 случаев) и негативным (32 случая) векторами почти ровно. С амбивалентной или нейтральной коннотацией они встречаются реже (14 случаев). Хи-квадрат – 18,24 при четырёх степенях свободы ($p < 0,01$). Коэффициент Крамера – 0,132: связь слабая, но статистически значимая. Данные показывают тенденцию. Количественная экспрессия – мера, степень, интенсивность – чаще передаёт отрицательное отношение. Гиперболические конструкции – положительное или амбивалентное.

Самая сильная из выявленных связей – между степенью интенсивности ФЕ и её экспрессивным значением. Качественно-количественные фразеологизмы в 51 случае из 78 обладают высокой интенсивностью. Слабая интенсивность – лишь в трёх случаях. При четырёх степенях свободы хи-квадрат равен 47,23 ($p < 0,001$). Коэффициент Крамера – 0,212; это умеренная связь. Чем сложнее экспрессивная структура единицы (качественный образ плюс количественное усиление), тем выше степень её прагматического воздействия. Фразеологизмы со слабой интенсивностью почти целиком относятся к качественным либо количественным. В гиперболических конструкциях они встречаются крайне редко.

Таким образом, корреляционный анализ показал неоднородную картину системных связей. Прямой зависимости между экспрессивным значением и прагматической функцией не нашлось. Это значит, что образные средства применяют по-разному для разных коммуникативных целей. При этом семантический тип ФЕ, её оценочный вектор и степень интенсивности дают умеренные или слабые, но статистически значимые корреляции с экспрессивными характеристиками и функциями. Самая тесная связь – между интенсивностью и качественно-количественной экспрессией. Это подтверждает гипотезу: прагматический потенциал фразеологизмов закономерно усиливается по мере усложнения их образной структуры. Коэффициенты Крамера (от 0,085 до 0,212) укладываются в диапазон, типичный для лингвистических исследований с большим объёмом номинативных данных. Их можно трактовать как наличие системных, хотя и не всегда сильных, корреляций между рассматриваемыми параметрами. Зафиксированные различия отражают эволюцию жанра литературной сказки. У Ш. Перро фразеологизмы тяготеют к лаконичной афористичности и структурной строгости. Так чётче поляризуются добро и зло, а сюжет сохраняет динамику. М.-К. д'Онуа работает в поэтике галантной сказки. Она опирается на эмоциональную перенасыщенность и вариативность. Её фразеология нагнетает страсти и маркирует придворные иерархии. Ещё она создаёт игровую, гиперболизированную картину мира. Ж. Санд завершает классическую линию развития жанра. Фразеологический ресурс она переводит в интеллектуальный регистр. Соматическую и зооморфную метафорику автор часто иронически делает странной и непрвычной. Высокая книжная традиция (библеизмы, архаизмы) намеренно сталкивается с разговорной стихией и просторечными интенсификаторами. Возникает эффект полифонии.

Список источников

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

2. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1996. – 207 с.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

4. Яхина, А. М. К вопросу о прагматическом аспекте фразеологических единиц (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6 (24): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 219–221.

5. Харламова, М. В. Контекст как модификатор фразеологического значения (на материале французской молодежной прессы) // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 3 (36). – С. 285–289.

6. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. – 380 с.

7. Perrault, Ch. Les Contes de ma mère l'Oye [Электрон. ресурс]. – La Bibliothèque électronique du Québec. Collection À tous les vents. – Volume 61: version 1.02. – 2014. – 135 p. – Режим доступа: URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Perrault-contes.pdf (20.02.2023).

8. Aulnoy, Madame d'. Contes [Электрон. ресурс]. – Édition du groupe «Ebooks libres et gratuits», Novembre 2005. – 368 p. – Режим доступа: URL: https://www.ebooksgratuits.com/pdf/aulnoy_contes_1.pdf (22.04.2026).

9. Sand, G. Contes d'une grand-mère [Электрон. ресурс]. – La Bibliothèque électronique du Québec. Collection À tous les vents. – Volume 44: version 1.02. – 2007. – 299 p. – Режим доступа: URL: https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Sand-contes1.pdf (22.04.2026).

10. Вакуров, В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц: (на материале советского фельетона): учебное пособие. – М.: Изд-во Московского университета, 1983. – 174 с.

11. Долиева, Л. Психофизиологические факторы, специфичные для соматических фразеологизмов как объектов эмотивного образа (на материале французского языка) // Language and Literature. – 2022. – № 2. – С. 8–15.

12. Короткова, М. А. Роль фразеологизмов с компонентом-соматизмом в современном французском языке // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 316–317.

13. Цыбина, Л. В., Комиссарова, Н. Г., Зиновьев, Е. В. Структурно-семантические типы фразеологизмов с компонентом части тела [Электрон. ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 4 (40). – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-tipy-frazeologizmov-s-komponentom-chasti-tela (22.04.2026).

14. Richelet, P. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue française: en 2 t. – Genève: Jean Herman Widerhold, 1680. – 2 t. en 1 vol. – 1149 p.

15. Furetière, A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts: en 3 t. – La Haye; Rotterdam: Arnout et Reinier Leers, 1690. – 3 t.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 346.3

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНТРАКТА ПО ИТОГАМ ЭЛЕКТРОННОГО АУКЦИОНА В УСЛОВИЯХ НИЗКОЙ КОНКУРЕНЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

БАБАНОВА ТОЛУНАЙ АРМЕНОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: Сергун Евгений Петрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права, философии и социологии
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Аннотация: В статье исследуются гражданско-правовые проблемы заключения контракта по итогам электронного аукциона в условиях низкой конкуренции на региональном рынке закупок. На материалах Республики Алтай показано, что значительная часть конкурентных процедур не завершается заключением контракта, вследствие чего проблематика смещается на стадию признания аукциона несостоявшимся и заключения контракта с единственным участником. Рассмотрена практика Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Алтай касательно включения уклонившихся победителей в реестр недобросовестных поставщиков, даны рекомендации заказчикам региона.
Ключевые слова: электронный аукцион, государственный контракт, заключение контракта с единственным участником, несостоявшийся аукцион, конкуренция на рынке госзакупок, реестр недобросовестных поставщиков, Республика Алтай.

CONTRACT AWARDING BY ELECTRONIC AUCTION UNDER LOW COMPETITION: A REGIONAL PERSPECTIVE FROM THE ALTAI REPUBLIC

Babanova Tolunay Armenovna

Scientific adviser: Sergun Evgeny Petrovich

Abstract: The paper examines civil law issues of contract awarding by electronic auction under low competition within the regional procurement market. Drawing on evidence from the Altai Republic, it is demonstrated that a significant share of competitive procedures fails to result in a contract award, thereby shifting the research focus toward the stage where auctions are declared void and contracts are awarded to a sole participant. The study analyzes the enforcement practice of the Directorate of the Federal Antimonopoly Service for the Altai Republic regarding the blacklisting of defaulting winners in the registry of unreliable suppliers, and offers practical recommendations for regional procurement authorities.
Key words: electronic auction; public contract; contract awarding to a sole participant; void auction; public procurement market competition; registry of unreliable suppliers; the Altai Republic.

Электронный аукцион занимает центральное место среди конкурентных способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя) в контрактной системе: именно через него проходит основной массив государственных и муниципальных закупок (ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок…» [1], далее – Закон № 44-ФЗ). При этом стадия заключения контракта нередко остается в тени исследований, посвященных процедурным аспектам торгов, хотя именно на ней публично-правовая регламентация закупки соединяется с гражданско-правовой конструкцией договора. Для субъектов Российской Федерации с малочисленным составом участников характерна низкая активность на торгах, что существенно меняет содержание и проблематику этапа оформления договорных отношений. Цель настоящей статьи – выявить гражданско-правовые особенности заключения контракта по итогам электронного аукциона в условиях низкой конкуренции на материалах Республики Алтай.

По своей правовой природе электронный аукцион относится к публичным торгам (ст. 447–449 ГК РФ [2]): извещение об аукционе является приглашением делать оферты, заявка участника – офертой, а лицо, выигравшее торги, и заказчик обязаны подписать контракт. Гражданско-правовой механизм оформления публичного закупочного контракта по итогам электронного аукциона включает фигуры публичного заказчика, оператора электронной площадки, участников и победителя, а сам договор оформляется единым электронным документом [3, с. 91]. В доктрине справедливо отмечается, что закупочное обязательство сочетает частноправовую договорную конструкцию с публично-правовым режимом ее заключения [4, с. 57]. Процедурное ядро данного этапа регламентировано ст. 51 Закона № 44-ФЗ, которая определяет порядок формирования проекта контракта на условиях извещения, его подписание победителем, направление протокола разногласий, а также правовые последствия уклонения.

Обратимся к региональному массиву. Министерство экономического развития Республики Алтай на основании ст. 97 Закона № 44-ФЗ и постановления Правительства Республики Алтай от 14.09.2016 № 275 [5] ежегодно проводит мониторинг закупок для нужд республики. По итогам 2023 года конкурентными способами определения поставщиков заключено 5996 контрактов на общую сумму 13 325,92 млн рублей. При этом из 6996 проведенных конкурсов и аукционов контракты были заключены по итогам 5671 процедуры: коэффициент результативности составил 0,81 и оценен уполномоченным органом как «нормативно эффективный» [6]. Иначе говоря, почти каждая пятая конкурентная процедура в республике не завершилась заключением контракта (табл. 1).

Таблица 1

Показатели конкурентных закупок Республики Алтай в 2023 году

Показатель	Значение
Проведено конкурсов и аукционов	6996
Заключено контрактов по итогам конкурсов и аукционов	5671
Доля процедур, завершившихся заключением контракта	0,81
Рассмотрено заявок комиссиями по осуществлению закупок	11 149
Отказано в допуске к участию заявок	775 (6,77 %)
Обращений о согласовании контракта с единственным поставщиком	11 (на 50 % меньше уровня 2022 г.)

Характеристики республиканского рынка закупок объясняют этот показатель. Средняя цена конкурентного контракта составляет около 2,2 млн рублей – это типичная закупка небольшого объема, малоинтересная крупным внерегиональным поставщикам. Республика Алтай – малонаселенный субъект с преобладанием сельских территорий, значительной удаленностью муниципальных образований и узкими локальными рынками товаров и услуг. Ограничен и кадровый ресурс закупочной деятельности: уполномоченный орган, осуществляющий сопровождение закупок заказчиков республики, мониторинг и методологическое сопровождение, насчитывает восемь специалистов [6]. Фактическую конкуренцию сокращает и отклонение заявок: в 2023 году комиссии по осуществлению закупок отказали в допуске по 775 заявкам из 11 149 (6,77 %) [6]. Показательно, что с предпринимателями и организациями, зарегистрированными на территории республики, заключено 19 345 контрактов на сумму 6340,94 млн рублей, – существенная часть закупочного спроса региона обслуживается поставщиками из других субъектов [6].

Низкая активность участников торгов трансформирует стадию заключения контракта через конструкцию несостоявшегося аукциона. Часть 1 ст. 52 Закона № 44-ФЗ закрепляет шесть оснований: подача только одной заявки; признание соответствующей требованиям только одной заявки; отсутствие поданных заявок; отклонение всех заявок; уклонение всех участников от заключения контракта; отказ заказчика от заключения контракта с единственным участником. В первых двух случаях контракт заключается с единственным участником аукциона в порядке закупки у единственного поставщика (п. 25 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ). В цивилистическом отношении здесь возникают три проблемы. Во-первых, цена контракта формируется без состязания – по цене единственной заявки в пределах начальной (максимальной) цены; закон при этом не устанавливает процедуру согласования сторонами более низкой цены, что порождает разноречивую практику. Во-вторых, условия контракта жестко привязаны к извещению: изменение его условий при заключении не допускается (ч. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ), и заказчик лишен возможности компенсировать отсутствие конкуренции договорными средствами. В-третьих, при превышении предельных размеров заключение контракта требует согласования с контрольным органом в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2020 № 961 [7], что удлиняет сроки обеспечения нужд. В 2023 году в Комитет по контролю (надзору) Республики Алтай поступило 11 таких обращений – показатель сократился в два раза по сравнению с предыдущим годом [6].

Если контракт не заключен ни с одним из участников, последствия определяются ч. 8 ст. 52 Закона № 44-ФЗ: заказчик вправе провести новую закупку либо осуществить закупку у единственного поставщика (см. также письмо Минфина России от 11.05.2022 № 24-06-07/42951 [8]). Для муниципальных заказчиков Республики Алтай повторное проведение процедуры означает срыв сроков обеспечения нужд: в условиях короткого строительного сезона и ограниченного бюджетного года это создает дополнительные риски неисполнения государственных программ и муниципальных заданий.

Отдельную проблему образует уклонение победителя от заключения контракта. С 1 января 2022 года в рамках реформирования контрактной системы (Федеральный закон от 02.07.2021 № 360-ФЗ [9]) были существенно изменены правила предоставления обеспечения заявок, в частности, закупка до 1 млн рублей теперь может проводиться без финансового обременения участников. Снятие «входного» барьера в данном сегменте расширило круг претендентов, однако одновременно облегчило недобросовестные действия исполнителей – единственной значимой санкцией остается включение в реестр недобросовестных поставщиков (ст. 104 Закона № 44-ФЗ) с двухлетним ограничением участия в закупках. Региональная правоприменительная практика подтверждает остроту проблемы. В июле 2025 года УФАС по Республике Алтай внесло в данный перечень подрядчика, уклонившегося от заключения контракта и не представившего доказательств уважительности причин своего поведения [10]. В ноябре 2025 года сообщалось, что уже второй за год индивидуальный предприниматель попал в РНП за уклонение от заключения контракта на перевозку пассажиров в Республике Алтай [11]. При этом включение в реестр не принуждает победителя к заключению контракта и не восполняет потери заказчика, вынужденного повторять процедуру; антидемпинговые меры (ст. 37 Закона № 44-ФЗ) – повышенное обеспечение исполнения контракта при снижении цены на 25 и более процентов – компенсируют эти риски лишь частично.

Представляется, что для условий Республики Алтай целесообразны следующие меры. Первая – развитие централизации закупок: в республике уже действуют региональная автоматизированная информационная система «Госзаказ» и уполномоченный орган, через который в 2023 году прошло 5197 заявок заказчиков [6]; распространение этой модели на малые муниципальные образования снизит кадровую нагрузку и число процедурных ошибок. Вторая – агрегирование однородных потребностей нескольких заказчиков, повышающее привлекательность лотов для внерегиональных поставщиков. Третья – тщательное обоснование начальной (максимальной) цены контракта с учетом логистических издержек доставки в отдаленные районы, что снизит долю процедур, остающихся без заявок. Четвертая – активное использование электронных малых закупок (ч. 12 ст. 93 Закона № 44-ФЗ) для задач небольшого объема, а также последовательное применение антидемпинговых мер и института реестра недобросовестных поставщиков.

Таким образом, по итогам проведенного исследования целесообразно сделать следующие выводы:

1) в условиях низкой конкуренции, характерной для Республики Алтай, стадия заключения контракта по итогам электронного аукциона приобретает самостоятельное гражданско-правовое значение, поскольку значительная часть торгов завершается без состязания;

2) основной правовой механизм адаптации – заключение контракта с единственным участником по п. 25 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ – порождает проблемы ценообразования без торга и жесткой привязки условий соглашения к извещению;

3) освобождение от обеспечения заявок в малом сегменте закупок (до 1 млн рублей) усилило значимость реестра недобросовестных поставщиков как единственной действенной санкции за уклонение, что подтверждается практикой УФАС по Республике Алтай;

4) развитие централизации, агрегирования закупок и обоснованного ценообразования способно повысить результативность конкурентных процедур в регионе.

Список источников

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (в ред. от 04.08.2026 № 330-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 10.06.2026 № 167-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

3. Зиманов, Г. В. Структура гражданско-правового механизма заключения публичного контракта по итогам открытого электронного аукциона / Г. В. Зиманов, В. Г. Гриб // Юридическая наука. – 2023. – № 6. – С. 90–93.

4. Кирпичев, А. Е. Закупки для нужд публичного сектора и система обязательственного права: терминология и выбор применимых норм / А. Е. Кирпичев // Закон. – 2021. – № 8. – С. 52–66.

5. Об утверждении положения о проведении мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Республики Алтай : Постановление Правительства Республики Алтай от 14.09.2016 № 275 // Архив документов Республики Алтай : официальный сайт. – URL: https://altai-gov.ru/doc/16893 (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

6. Отчет об осуществлении закупок для обеспечения государственных нужд Республики Алтай за 2023 год // Министерство экономического развития Республики Алтай : официальный сайт. – URL: https://минэко04.рф (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

7. Об установлении предельного размера ... цены контракта, при превышении которого заключение контракта с единственным поставщиком ... осуществляется по согласованию с контрольным органом ... : Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2020 № 961 // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356438/ (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

8. О рассмотрении обращения : Письмо Минфина России от 11.05.2022 № 24-06-07/42951 // Гарант : официальный сайт. – URL: https://base.garant.ru/408835397/ (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 02.07.2021 № 360-ФЗ (в ред. от 26.12.2024 № 484-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389219/ (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

10. Подрядчика включили в РНП за уклонение от заключения контракта // Алтайское республи-

канское УФАС России : официальный сайт. – 2025. – 10 июля. – URL: https://altr.fas.gov.ru/news/17234 (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

11. Уже второй индивидуальный предприниматель попал в РНП за уклонение от заключения контракта на перевозку пассажиров в Республике Алтай // Алтайское республиканское УФАС России : официальный сайт. – 2025. – 28 ноября. – URL: https://altr.fas.gov.ru/taxonomy/term/4 (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

© Бабанова Т.А., 2026

УДК 4414

ВИДЫ РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ: КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ШВЕЦОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
студент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»

Научный руководитель: Баловнева Валентина Ивановна
канд. юрид. наук., доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу реформы правового регулирования видов разрешенного использования земельных участков в Российской Федерации. На основе сопоставления дореформенного состояния законодательства и положений Федерального закона от 31.07.2025 № 295-ФЗ, вступившего в силу 1 марта 2026 года. Особое внимание уделяется легализации понятия видов разрешенного использования земельных участков, введению регламентов использования земель и формализации процедур их изменения.
Ключевые слова: вид разрешенного использования, Земельный кодекс РФ, правовой режим земель, регламент использования.

TYPES OF PERMITTED LAND USE: KEY CHANGES IN LEGISLATION

Shvetsova Ekaterina Alexandrovna

Scientific adviser: Balovneva Valentina Ivanovna

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the reform of the legal regulation of the types of permitted use of land in the Russian Federation. Based on a comparison of the pre-reform state of the legislation and the provisions of Federal Law No. 295-FZ dated 31.07.2025, which came into force on 1 March 2026. Special attention is paid to the legalization of the concept of types of permitted use of land plots, the introduction of land use regulations, and the formalization of procedures for their amendment.
Keywords: type of permitted use, Land Code of the Russian Federation, legal regime of land, land use regulations.

Институт вида разрешенного использования (далее – ВРИ) земельного участка на протяжении долгого времени являлся одним из нестабильных звеньев российского земельного права. Отсутствие единого закрепленного в законе определения, зависимость от подзаконных актов создавали противоречия между частными интересами правообладателей и публичными целями территориального планирования.

Принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], знаменует собой важный этап в развитии земельного законодательства. Теперь регулирование в этой сфере

строится не на общих принципах и усмотрениях, а на строгих формальных процедурах. Цель исследования – выявить изменения в механизме установления и изменения ВРИ, а также оценить степень разрешения правовых коллизий.

До вступления в силу Федерального закона № 295-ФЗ, регулирование ВРИ базировалось на совокупности норм, рассредоточенных по нескольким законодательным актам. Базовые положения содержались в статье 7 Земельного кодекса РФ [2], согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к категории и разрешенного использования. Виды разрешенного использования подразделялись на основные, условно разрешённые и вспомогательные (статья 37 Градостроительного кодекса РФ) [3]. Однако ни Земельный, ни Градостроительный кодексы не содержали легального определения ВРИ – оно формулировалось судебной практикой. Так, Конституционный Суд РФ в Определении от 26 марта 2020 года № 631-О охарактеризовал ВРИ как одну из основных характеристик земельного участка, определяющих его правовой режим [4].

Классификатор видов разрешённого использования земельных участков, утверждённый приказом Росреестра от 10 ноября 2020 года № П/0412 [5], упорядочил перечень допустимых видов деятельности, однако не решал проблему соотношения ВРИ с категориями земель, не определял процедуру выбора ВРИ при образовании новых участков и не устранял коллизии между нормами земельного и градостроительного законодательства.

Закон № 295 внес изменения в Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ и ряд иных законодательных актов. Ключевым нововведением стало включение в Земельный кодекс РФ новой главы «Виды разрешенного использования земельных участков», которая урегулировала на законодательном уровне весь институт ВРИ.

Впервые Земельный кодекс РФ закрепляет легальное определение ВРИ как вид деятельности, которую с учётом ограничений, установленных в соответствии с Земельным кодексом РФ, другими федеральными законами, допускается осуществлять на земельном участке, а также над и под его поверхностью. Это определение имеет принципиальное значение по нескольким причинам. Во-первых, вид разрешённого использования определяется через понятие «вид деятельности», что придает ему нормативный характер, регулирующий допустимые действия. Во-вторых, упоминание пространства «над и под поверхностью» расширяет правовой режим участка в вертикальном измерении. В-третьих, формулировка «с учётом ограничений» подчёркивает, что вид разрешённого использования подчинен и дополняется другими законодательными требованиями.

Теперь закон формирует закрытый перечень источников ВРИ, что исключает возможность установления видов использования иными подзаконными актами или решениями органов местного самоуправления вне указанных регламентов. Это принципиально важный шаг, устраняющий одну из такую проблему прежнего регулирования, как множественность источников ВРИ.

Следует отметить, что теперь собственник самостоятельно выбирает любой основной или вспомогательный вид разрешённого использования, предусмотренный регламентами для данной территориальной зоны, без необходимости получать разрешения или согласования. Лицо, которому участок предоставлен в аренду или безвозмездное пользование, не имеет права менять ВРИ, отличный от того, что указан в договоре. Изменение ВРИ возможно только по инициативе собственника – публично-правового образования, с последующим внесением соответствующих изменений в договор.

Закон также разрешил объединение и перераспределение участков с различными ВРИ. Нормативный акт также дал разрешение на консолидацию и изменение границ наделов с разными видами разрешенного использования. В ходе таких операций целевое назначение нового участка может фиксироваться как комбинация режимов исходных территорий, как один из режимов исходных территорий, либо как один из основных режимов, установленных градостроительным регламентом. Это даёт возможность сразу провести две кадастровые операции: создать земельный участок и привести вид разрешённого использования в соответствие с требованиями правил землепользования и застройки.

Так же, следует выделить и практические сложности, в правоприменении нового закона, с одной стороны, пункт 7 статьи 14.1 Земельного кодекса РФ устанавливает, что ВРИ зданий и сооружений должен соответствовать ВРИ земельного участка. С другой стороны, часть 7 статьи 16 Закона № 295-

ФЗ предусматривает, что «Основной ВРИ образуемого земельного участка, на котором расположены здание, сооружение… устанавливается независимо от регламента использования земель в соответствии с ВРИ, назначением и (или) наименованием этих здания, сооружения, сведения о которых внесены в ЕГРН». Как справедливо отмечает С.А. Липски, эта коллизия воспроизводит давнюю дискуссию о том, что первично – земельный участок или расположенный на нём объект [6].

Таким образом, вступление в силу Федерального закона № 295-ФЗ решает ряд проблем земельного права, но при этом сохраняет важные ограничения и даже добавляет новые аспекты. Легализация определения, введение закрытого перечня источников регламентов использования земель, установление уведомительной процедуры выбора ВРИ собственником, существенно упрощают регулирование института. Но как показывает практика, ни одна самая совершенная кодификация, не может быть полностью свободной от различного рода коллизий.

Список источников

1. Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 12.10.2026.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 года № 631-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации города Твери на нарушение конституционных прав и свобод частью 8 статьи 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации».
5. Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 г. № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» » (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».
6. Липски, С. А. Актуальные проблемы земельного права : учебник / С. А. Липски. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2026. – 215 с. – ISBN 978-5-4497-4997-0. – DOI 10.23682/156343. – EDN JLGDBY.

УДК 347.626

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ БРАЧНЫХ ДОГОВОРОВ

ГУЛИНА ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА
магистрант 3 курса
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

Научный руководитель: Идрисов Руслан Марселевич
к.ю.н., доцент
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

Аннотация: анализируется современное состояние и перспективы развития правового регулирования брачного договора в Российской Федерации. С одной стороны, институт активно развивается: супруги всё чаще используют договор для упорядочения сложных имущественных отношений, включающих предпринимательскую деятельность, кредитные обязательства, инвестиции, цифровые активы и объекты интеллектуальной собственности. С другой стороны, правоприменительная практика выявляет существенные пробелы и противоречия в нормативной базе, которые порождают правовую неопределённость. Ключевыми проблемами, на которые обращается внимание, являются: отсутствие чётких критериев для оценочных категорий, неопределённость в вопросах защиты интересов кредиторов, необходимость адаптации норм к новым реалиям. Обновление нормативной базы должно балансировать два начала: с одной стороны — расширять пространство для автономии воли супругов, с другой — обеспечивать необходимые гарантии для защиты более уязвимого участника семейных отношений и прав третьих лиц. Важна параллельная работа над повышением правовой культуры граждан и совершенствование нотариального сопровождения таких сделок.
Ключевые слова: брачный договор, семейное право, имущественные отношения супругов, совместная собственность супругов.

IMPROVING LEGISLATION IN THE AREA OF MARRIAGE CONTRACTS

Gulina Victoria Vyacheslavovna

Scientific adviser: Idrisov Ruslan Marselevich

Abstract: the current state and prospects for the development of the legal regulation of marriage contracts in the Russian Federation are analysed. On the one hand, the institution is actively developing: spouses are increasingly using the contract to regulate complex property relations, including business activities, credit obligations, investments, digital assets and intellectual property. On the other hand, law enforcement practice reveals significant gaps and contradictions in the regulatory framework, which give rise to legal uncertainty. The key issues that are drawing attention are: the lack of clear criteria for assessment categories, uncertainty regarding the protection of creditors' interests, and the need to adapt the rules to new realities. Updating the regulatory framework should strike a balance between two approaches: on the one hand, it should expand the space for the spouses' autonomy of will; on the other hand, it should provide the necessary guarantees to protect the more vulnerable party in family relations and the rights of third parties. Parallel work is needed to improve citizens' legal culture and to enhance the notarial support for such transactions.
Keywords: marriage contract, family law, property relations between spouses, joint property of spouses.

В Российской Федерации правовой институт брачного договора постепенно укрепляет позиции, семейное право все заметнее опирается на договорную модель, а у супругов расширяется пространство имущественной самостоятельности. Однако правоприменительная практика указывает и на другое, действующие нормы пока не создают той степени ясности и прочности, которая нужна для полноценной договорной регламентации. Вопрос о более выверенной настройке правового регулирования здесь встает не случайно, суды сталкиваются с многочисленными конфликтами, а практические подходы к использованию норм не совпадают между собой. Дополнительную неопределенность создает то, что договорные условия не получают опоры на единый оценочный стандарт, тогда как сами предписания семейного законодательства содержат категории, требующие усмотрения и толкования. В силу этого дальнейшее развитие нормативной базы данной области представляется необходимым. Иная картина открывается при взгляде на брачный договор в нынешней социально-экономической ситуации. Он уже не воспринимается как вспомогательная деталь семейно-правового регулирования, поскольку все активнее используется для упорядочения имущественных связей повышенной сложности. Речь идет о случаях, где переплетаются предпринимательская деятельность, кредитные обязательства, инвестиции и цифровые активы.

Потребность в обновлении семейно-правовых норм связана не только с общей эволюцией законодательства, но и с изменением конфигурации имущественных отношений внутри семьи. На момент принятия Семейного кодекса Российской Федерации [1] регулирование ориентировалось на привычные имущественные категории; сегодня границы брачного договора заметно шире. В договорные конструкции все чаще вносят условия о доходах от бизнеса, о правах на доли в юридических лицах, о цифровых финансовых активах, об инвестиционных инструментах и об объектах интеллектуальной собственности. Статьи 40–42 Семейного кодекса Российской Федерации и сейчас выстроены как нормы общего и рамочного характера, из-за чего содержание нередко задается через судебное толкование с широким охватом.

С позиции научной доктрины между темпом развития института брачного договора и скоростью его нормативного закрепления уже давно заметен разрыв. На данное обстоятельство, в частности, указывает О.В. Карпеев, по его оценке, действующее семейное законодательство не в полной мере отражает перемены в имущественных отношениях супругов и нуждается в более детальном урегулировании отдельных элементов договорного режима имущества. М.А. Маврычева высказывается в том же духе и дополнительно подчеркивает, при отсутствии четко обозначенных критериев оценки условий брачного договора возрастает правовая неопределённость и одновременно ослабевает доверие граждан к данному институту. [2, с. 325]

При обращении к пункту 1 статьи 42 Семейного кодекса Российской Федерации особенно заметна нехватка чёткой нормативной ясности, норма не допускает закрепление в брачном договоре положений, создающих для одного из супругов крайне неблагоприятное положение. Поскольку законодатель не дал легального определения данной категории, суды по-разному оценивают сходные обстоятельства, и судебная практика складывается непоследовательно. Правоприменение показывает двойственный подход к соглашениям о режиме раздельности имущества. Когда супруги заранее согласуют данные условия и удостоверят их у нотариуса, одни судебные инстанции в любом случае исключают правовую силу; похожие оговорки в иных делах получают оценку как допустимый итог автономии воли сторон. Из-за подобного расхождения правовое регулирование становится менее предсказуемым, а у брачного договора не складывается статус по-настоящему полноценного инструмента, способного упорядочивать имущественные вопросы между супругами.

При урегулировании имущественных последствий брака отсутствие общих ориентиров по охране прав кредиторов превращается в самостоятельный источник правовой неопределённости. На фоне расширения кредитования и роста числа дел о несостоятельности граждан споров вокруг брачных договоров становится больше, подобные соглашения нередко пытаются оспорить как сделки, затрагивающие права третьих лиц. Верховный Суд Российской Федерации выработал более сбалансированную линию оценки подобных ситуаций, однако судебная практика и сегодня остаётся неединообразной. По-

этому нужна законодательная конкретизация критериев добросовестности супругов, а ещё границ допустимого изменения имущественного режима семьи при наличии долговых обязательств.

В нынешних условиях развитие нормативного регулирования брачных договоров должно быть ориентировано не только на устранение недостатков правовой конструкции, но и на выстраивание прочной модели договорной самостоятельности супругов, в которой свобода договора согласуется с обязательными гарантиями защиты более уязвимого участника и прав третьих лиц. Поэтому разумно предусмотреть ряд комплексных законодательных изменений.[3, с. 202]

Для устранения правовой неопределённости в статье 42 Семейного кодекса Российской Федерации целесообразно прямо закрепить критерии, по которым суд оценивает «крайне неблагоприятное положение» супруга. До закрепления данных ориентиров судебная практика остаётся заметно нестабильной, поскольку единые параметры для оценки по существу отсутствуют. В подобных условиях вывод о допустимости либо недопустимости положений брачного договора во многом складывается из судейского усмотрения, поэтому предсказуемость правоприменения снижается. По данной причине даже договор, удостоверенный нотариусом, не создаёт для сторон надёжной гарантии устойчивости имущественного режима.

В статье 42 Семейного кодекса Российской Федерации целесообразно закрепить специальное правило, при разрешении вопроса о неблагоприятном положении одного из супругов обязательной оценке подлежит совокупность заранее обозначенных критериев. В перечень нужно включить имущественное состояние сторон после расторжения брака, наличие у супруга собственного источника дохода, продолжительность брачных отношений, участие каждого из супругов в создании семейного имущества, наличие несовершеннолетних детей и добровольный, осознанный характер заключения договора. Одновременно законодательству надлежит прямо установить, что имущественное неравенство между супругами само по себе не образует безусловного основания для признания условий договора недействительными.

Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации подтверждает целесообразность подобных поправок, суд не раз указывал, что оценочные категории допустимы лишь при сохранении предсказуемости судебного подхода. При введении ориентировочных критериев объем судебного усмотрения заметно сократится, а договорные модели приобретут большую устойчивость. Данный подход укрепит принцип свободы договора и придаст регулированию брачных договоров большую стабильность.

Во втором шаге развития законодательства уместно закрепить особую правовую процедуру, направленную на охрану интересов кредиторов при оформлении брачного договора. Статья 46 Семейного кодекса Российской Федерации возлагает на супругов лишь обязанность уведомлять кредиторов о заключении, изменении либо прекращении брачного договора; правовые последствия за нарушение указанного требования нормой не установлены. Подобная неполнота регулирования порождает в судебной практике немало споров, в том числе при решении вопроса о недействительности брачных договоров в делах о банкротстве. [4]

При регулировании брачных договоров разумно исходить из добросовестности супругов, пока не доказано обратное. Кредиторы, заявляющие о недействительности такого соглашения, могут добиться удовлетворения своих требований лишь в двух ситуациях, при подтверждённой мнимости сделки либо при установленном сознательном ущемлении имущественных интересов взыскателей. Подобная правоприменительная линия уже просматривается в практике Верховного Суда Российской Федерации. При отсутствии прямой нормы в законе сохраняется серьёзная правовая неопределённость.

В качестве дополнительной правовой меры можно сформировать единый электронный реестр брачных договоров; доступ к нему стоит оставить закрытым для кредитных организаций и судов. Кредиторы нередко остаются без сведений о смене режима имущества супругов, и такой пробел заметно осложняет защиту интересов кредиторов. При появлении подобного реестра имущественные отношения оказались бы более прозрачными, а число разногласий, связанных с добросовестностью сторон, сократилось бы. В ряде европейских государств сходные механизмы уже работают успешно, причем

регистрация брачных договоров там служит обязательным элементом защиты интересов участников гражданского оборота. [5, с. 53]

Третьим приоритетом при обновлении правового регулирования является расширение круга условий, допустимых в супружеском соглашении, а еще введение специальных правил для цифровых и нематериальных активов, находящихся у супругов. По мере смещения хозяйственной деятельности в онлайн-среду имущественные связи между супругами уже не сводятся лишь к привычным вещным объектам. В спорах о разделе имущества ныне нередко фигурируют криптовалюты, активы цифрового финансового сегмента, поступления от онлайн-площадок, профили на соцмедиа-платформах, объекты интеллектуальных прав и иные нематериальные ценности.

В качестве необходимого направления правового развития стоит рассматривать включение в Семейный кодекс Российской Федерации норм, прямо допускающих закрепление в брачном договоре цифровых активов и интеллектуальных прав. Причина такого шага в том, что действующее семейное законодательство не располагает особыми правилами для указанных категорий имущества. Пока пробел сохраняется, суды вынуждены обращаться к общим предписаниям гражданского права, а подобная модель не во всех случаях способна учесть особенности семейных отношений.

В брачном договоре целесообразно предусмотреть положение о том, что супруги самостоятельно определяют, как в дальнейшем распределяются цифровые поступления и инвестиционные активы. Такая модель регулирования приобретает особую значимость на фоне расширения круга самозанятых, владельцев интернет-бизнеса и участников цифровой экономики. При прямом признании цифровых активов допустимым предметом брачного договора возрастет правовая определённость и сократится число имущественных конфликтов в последующие периоды.

Расширение круга условий, допустимых для внесения в брачный договор, находит подтверждение в зарубежных правопорядках. Так, в государствах Европейского союза распределение цифровых активов и интеллектуальных прав нередко оформляется через особые семейно-правовые соглашения. Российское законодательство движется по сходной линии, но отсутствие прямого нормативного регулирования пока заметно ограничивает договорную автономию супругов.

Обновление норм, регулирующих брачный договор, не достигается без укрепления правовой культуры общества и более качественной нотариальной поддержки сделок. На практике многие затруднения в сфере действия закона связаны не только с изъянами регулирования, но и с тем, что граждане слабо понимают юридическую сущность такого соглашения. В общественном восприятии данный институт по-прежнему нередко связывается с недоверием между супругами; он служит средством придания правам и обязанностям ясных границ и механизмом охраны семейного имущества и интересов супругов.

При правовом сопровождении подобных отношений нотариату отводится центральная роль, именно он выступает главным звеном, позволяющим исключить возникновение разногласий. При более строгих профессиональных требованиях к нотариальным разъяснениям и введении единых методических ориентиров для оформления договоров между супругами последующих обращений в суд становится заметно меньше. Электронные нотариальные сервисы дали бы дополнительный эффект, поскольку они сделали бы подобные соглашения значительно удобнее для широкого круга лиц.

При росте имущественных конфликтов состав семейных активов усложняется, а цифровая экономика меняет характер оборота, поэтому возникает явная потребность в более детальной и устойчивой договорной модели, регулирующей имущественные отношения между супругами. В такой ситуации институт брачного договора нуждается в глубоком обновлении норм семейного права страны. Уточнение признаков, по которым имущественное положение одного из супругов может быть признано неблагоприятным, одновременное усиление гарантий для кредиторов и более широкое определение того, что стороны вправе включать в брачный договор, ведут к заметному росту правовой ясности и укреплению доверия граждан к данному институту. Когда указанные три направления развиваются последовательно, семейное законодательство получает возможность лучше соответствовать актуальным социально-экономическим условиям, а договорные начала – играть более заметную роль при регулировании имущественных отношений супругов.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026)// СЗ РФ. – 1996. – № 1
2. Маврычева Д.О. Брачный договор: тенденции правового регулирования и актуальные проблемы практики // Право и суд в современном мире. – 2024. – С. 325–330.
3. Мехедова В.А. Проблемы правового регулирования института брачного договора в России // Молодежь и наука. – 2020. – С. 202–205.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026)// СЗ РФ. – 1996. – № 1 – Ст. 46
5. Полшкова О.А. Раздел аккаунтов в социальных сетях по брачному договору // Вестник Нижегородского института управления. – 2022. – № 2 (64). – С. 53–56.

УДК 34

ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

ПАРФЕНОВА ПОЛИНА РОМАНОВНА
студент
ФГБОУ ВО "Оренбургский Государственный Университет Имени В.А. Бондаренко"

Научный руководитель: Баловнева Валентина Ивановна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО "Оренбургский Государственный Университет Имени В.А. Бондаренко"

Аннотация: статья посвящена анализу правового механизма изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Рассматриваются теоретические вопросы разграничения изъятия с реквизицией и конфискацией, исследуется проблема определения понятия «публичные нужды» и критериев их установления. Отдельное внимание уделено процедурным аспектам: основаниям изъятия, гарантиям предварительного и равноценного возмещения, а также вопросам судебной защиты прав правообладателей.
Ключевые слова: изъятие земельных участков, государственные нужды, муниципальные нужды, публичный интерес, равноценное возмещение, судебная защита, земельное право.

EXPROPRIATION OF LAND PLOTS FOR STATE AND MUNICIPAL PURPOSES

Parfenova Polina Romanovna

Scientific adviser: Balovneva Valentina Ivanovna

Abstract: The article is devoted to the analysis of the legal mechanism for the seizure of land plots for state or municipal needs. It examines theoretical issues related to distinguishing between seizure and requisitioning and confiscation, and investigates the problem of defining the concept of “public needs” and the criteria for establishing them. Special attention is paid to procedural aspects: the grounds for seizure, guarantees of prior and equivalent compensation, as well as issues related to the judicial protection of the rights of property owners.
Key words: expropriation of land plots, state needs, municipal needs, public interest, fair compensation, judicial protection, land law.

Конституционный принцип неприкосновенности собственности (ст. 35 Конституции РФ) не является абсолютным: он допускает принудительное отчуждение имущества для государственных нужд, но только при условии предварительного и равноценного возмещения [1]. Изъятие земельных участков для публичных целей – это именно та точка, где частный интерес собственника сталкивается с интересом неопределенного круга лиц, ради которого реализуются инфраструктурные, социальные или экономические проекты. Процедура детально урегулирована Земельным кодексом РФ, однако правоприменительная практика выявляет отдельные вопросы, связанные с границами допустимого вмешательства государства в частную собственность[3].

Разграничение изъятия земельных участков для публичных нужд со смежными правовыми институтами имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Реквизиция (ст. 242 ГК РФ) представляет собой изъятие имущества в условиях чрезвычайных обстоятельств с последующей компенсацией его стоимости; конфискация (ст. 243 ГК РФ) выступает мерой ответственности за правонарушение. Изъятие же для государственных или муниципальных нужд (ст. 279–282 ГК РФ, гл. VII.1 ЗК РФ) характеризуется планомерным характером, отсутствием вины правообладателя и направленностью на реализацию общественно значимых задач [2]. При этом, необходимо отметить, что в основании такого изъятия лежит не противоправное поведение, а публичная необходимость, что предопределяет особый режим гарантий для собственника.

Центральным для рассматриваемого института остаётся вопрос о содержании категории «государственные или муниципальные нужды». Легальная дефиниция в действующем законодательстве отсутствует, а ст. 49 ЗК РФ ограничивается перечнем оснований, который в правоприменительной практике нередко подвергается расширительному истолкованию. В доктрине сформулирован ряд подходов к определению публичных нужд. Так, А. П. Сергеев определяет их как «потребности публично-правового образования, удовлетворение которых необходимо для реализации его функций и достижения общественно значимых целей» [4, с. 412]. Е. А. Суханов акцентирует внимание на том, что публичные нужды не тождественны интересам отдельных хозяйствующих субъектов, даже если последние действуют в стратегически значимых отраслях [6, с. 187]. При всем различии формулировок общим для них является указание на недостаточность нормативных критериев публичной необходимости, что создает условия для дискреционных решений. В связи с этим в литературе обоснованно указывается на целесообразность закрепления определения публичных нужд и исчерпывающий перечень объектов, допускающих изъятие, с обязательной проверкой альтернативных вариантов размещения.

Основания изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд закреплены в ст. 49 ЗК РФ. Закон исходит из исключительного характера данного института: изъятие допускается лишь в прямо предусмотренных случаях. К ним относятся выполнение международных договоров Российской Федерации; строительство или реконструкция объектов федеральных и региональных энергетических систем, объектов использования атомной энергии, объектов обороны и безопасности государства, объектов федерального транспорта, связи и инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, объектов космической деятельности, линейных объектов, обеспечивающих деятельность субъектов естественных монополий, объектов систем электро-, газо-, тепло- и водоснабжения, водоотведения, а также автомобильных дорог соответствующего значения. Обязательным условием для перечисленных объектов является отсутствие иных альтернативных вариантов их размещения. Помимо этого, ст. 49 ЗК РФ допускает изъятие по иным основаниям, предусмотренным федеральными законами, что формально сохраняет возможность расширения перечня отраслевым регулированием.

Процедура изъятия урегулирована главой VII.1 ЗК РФ и включает принятие уполномоченным органом решения об изъятии, уведомление правообладателя, проведение кадастровых и оценочных работ, подготовку и заключение соглашения об изъятии либо, при недостижении соглашения, обращение в суд. Существенной особенностью является то, что подготовка соглашения осуществляется вне зависимости от согласия правообладателя: уполномоченный орган или организация-заявитель выступает заказчиком кадастровых работ по образованию подлежащих изъятию участков и уточнению их границ, подаёт от имени правообладателя заявление о государственном кадастровом учёте, организует оценку изымаемого имущества, прекращаемых прав и размера причиняемых убытков, проводит переговоры и направляет проект соглашения для подписания. При этом наличие споров о границах, отсутствие государственной регистрации прав и иные обстоятельства не препятствуют подготовке соглашения и последующему принудительному изъятию в судебном порядке. Такой порядок обеспечивает возможность реализации публичного интереса даже при отсутствии встречной воли правообладателя, однако одновременно предъявляет повышенные требования к гарантиям его прав, поскольку фактическое вовлечение участка в публичный проект начинается до достижения соглашения о возмещении.

Предварительное и равноценное возмещение, предусмотренное ст. 35 Конституции РФ, конкре-

тизировано в ст. 56.8–56.11 ЗК РФ. Возмещение включает рыночную стоимость участка и расположенных на нем объектов, стоимость прекращаемых прав и убытки, включая упущенную выгоду. Принцип предварительности предполагает предоставление возмещения до прекращения права собственности, однако на практике его реализация затруднена: оценку проводит инициатор изъятия, что создает предпосылки для расхождения позиций сторон, а споры о составе убытков остаются одной из наиболее конфликтных категорий дел. В доктрине указывается на необходимость единого стандарта расчета компенсации, охватывающего не только рыночную стоимость, но и реальные потери правообладателя [5, с. 80]. Последовательной гарантией предварительности стало бы закрепление правила, согласно которому регистрация перехода права собственности возможна только после подтверждения зачисления возмещения на счет правообладателя либо внесения его в депозит нотариуса.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Изъятие для публичных нужд основано на признании исключительного характера принудительного отчуждения, что предполагает узкое толкование оснований ст. 49 ЗК РФ и повышенные требования к процедуре и возмещению. Действующее регулирование в целом создает предпосылки для защиты прав правообладателей, однако требует уточнения в части критериев публичной необходимости, гарантий предварительности возмещения и определенности состава возмещаемых убытков. Представляется целесообразным закрепить критерии публичных нужд и исчерпывающий перечень объектов, допускающих изъятие, с проверкой альтернативных вариантов размещения.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 04.07.2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

4. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 1040 с. – ISBN 978-5-392-32973-1.

5. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С. А. Боголюбова. – М.: Проспект, 2017. – 784 с. – ISBN 978-5-392-23820-0.

6. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.

УДК 347.155

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА В ИНТЕРЕСАХ СЕМЬИ

ФЁДОРОВА АЛЕКСАНДРА АНТОНОВНА
магистрант
РФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Научный руководитель: Трифонов Сергей Геннадьевич
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
РФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Аннотация: В данной статье рассматриваются пределы ограничения дееспособности гражданина в целях защиты благосостояния его семьи. Автор анализирует понятие тяжелого материального положения семьи, как одно из оснований ограничения дееспособности, а также проблему отсутствия критериев, по которым можно было бы определить действительно ли ухудшилось материальное положение семьи. Также исследуется вопрос доказывания тяжелого материального положения семьи в суде.
Ключевые слова: дееспособность, ограничение дееспособности, семья, интересы семьи, пределы ограничения, тяжелое материальное положение.

LIMITS ON A CITIZEN'S LEGAL CAPACITY IN THE INTERESTS OF THE FAMILY

Alexandra Antonovna Fedorova

Scientific adviser: Trifonov Sergey Gennadievich

Abstract: This article examines the limits of restricting a citizen's legal capacity in order to protect the well-being of their family. The author analyses the concept of a family's difficult financial situation as one of the grounds for restricting legal capacity, as well as the problem of the lack of criteria that could be used to determine whether the family's financial situation has actually deteriorated. The issue of proving a family's difficult financial situation in court is also examined.
Key words: legal capacity, restriction of legal capacity, family, family interests, limits of restriction, difficult financial situation.

Ограничение дееспособности гражданина представляет собой достаточно серьезное вмешательство в его жизнь. Так, согласно статье 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), под ограничением дееспособности понимается лишение судом гражданина, который вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, права совершать сделки, за исключением мелких бытовых сделок, получать и распоряжаться своими доходами без согласия попечителя [1]. Из самого понятия можно сделать вывод о том, что такое вмешательство может быть необходимо для защиты членов семьи, если из-за его зависимости он способен причинить существенный вред их благосостоянию, то есть законодатель не просто так связывает ограничение дееспособности с установлением тяжёлого материального состояния семьи.

При этом в действующем законодательстве нет четких критериев, по которым мы можем определить, в каких именно случаях материальное положение семьи следует признать тяжелым. В резуль-

тате, это создает сложности в поиске баланса между необходимостью защиты семьи и сохранением самостоятельности гражданина, поскольку ограничение дееспособности допустимо лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения преследуемых законом целей, и не должно выходить за рамки разумного вмешательства в частную жизнь [2].

Согласно п. 18 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», злоупотребление должно находиться в противоречии с интересами семьи, а также влечь расходы, ставящие семью в тяжелое материальное положение, но при этом наличие заработка у других членов семьи не является основанием для отказа в удовлетворении заявления об ограничении дееспособности гражданина, если гражданин обязан их содержать, но не оказывает необходимой материальной помощи либо семья вынуждена полностью или частично его содержать [3].

Однако, поскольку законом не предусмотрен перечень обстоятельств, которые свидетельствовали бы о тяжелом материальном положении семьи, или не обозначены характерные признаки, в каждом деле суду необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств начиная от состава семьи и размера их дохода в целом, заканчивая характеристикой каждого члена семьи и их взаимосвязь с гражданином, чью дееспособность хотят ограничить. Отсюда же и вытекает проблема доказывания тяжелого материального положения. Просто наличие алкогольной или наркотической зависимости, или же пристрастия к азартным играм недостаточно для того, чтобы ограничить дееспособность гражданина. В этом случае также необходимо установить причинно-следственную связь, что именно подобное поведение стало причиной тяжелого материального положения. Такой подход можно увидеть в разъяснении Верховного Суда Российской Федерации: основание ограничения связывают не с самим фактом употребления алкоголя или наркотиков, а непосредственно с расходами, которые противоречат интересам семьи [3].

При этом, рассматривая такую категорию дел, суд не должен выходить за рамки заявленных требований, даже если он делает это, руководствуясь «благими намерениями». Это отражается в обзоре практики Верховного Суда Российской Федерации, где прямо указано на недопустимость изменения заявленных требований по усмотрению суда. В качестве примера приводится дело, где мать просит ограничить свою дочь в дееспособности ввиду наличия у нее психического расстройства и прямо прописывает в иски, что она обращается не за полным лишением дееспособности, а лишь за частичной мерой. Однако, суд первой инстанции после проведения судебно-психиатрической экспертизы самовольно изменил заявленные истицей требования и лишил дочь дееспособности полностью, назначив ей опеку вместо попечительства, которое просила мать. Верховный Суд Российской Федерации указал на недопустимость такого подхода к рассмотрению дела, сославшись на то, что это ограничение и лишение дееспособности являются разными правовыми режимами с разными правовыми последствиями и переход от одного режима к другому в обход требований, заявленных истцом, считается грубым нарушением, потому что гражданский-процессуальный кодекс в принципе не допускает подобных действий со стороны суда. Суд не может расширить пределы применяемых санкций, которые были запрошены истцовой стороной, даже если ему кажется, что это будет более правомерным и в какой-то степени благоприятным для сторон процесса [4].

Более того, круг лиц, который может обратиться в суд с иском об ограничении или лишении дееспособности, тоже регламентирован законодательством во избежание злоупотребления правом со стороны третьих лиц. Так, инициировать спор об ограничении или лишении дееспособности могут члены семьи, органы опеки и попечительства, сотрудники медицинских учреждений и прокурор, чтобы исключить возможную имущественную выгоду у сторонних людей. Помимо этого, участие прокурора и органов опеки в подобных делах обязательно, причем прокурор и органы не выступают ни на стороне заявителя, ни на стороне заинтересованного лица, в отношении которого инициировано разбирательство, – они выражают свою собственную позицию в рамках дела с учетом всех обстоятельств в отношении соразмерности и необходимости введения того или иного правового режима в отношении гражданина.

Введение ограниченной дееспособности или полное ее лишение обладают своими пределами и критериями допустимости. Так, ограничение дееспособности, как правило, вводится в минимальном размере, чтобы устранить угрозу нарушения благосостояния семьи, и не может становиться штрафной санк-

цией и механизмом наказания и контроля из-за появления зависимостей или иного неподобающего поведения. Суд должен следовать причинно-следственной связи и вводить ограничения в дееспособности не потому, что человек, например, зависим, а потому что его зависимость и провоцируемые ей действия ставят под угрозу благосостояние всех остальных членов семьи, которые не могут позаботиться о себе сами или вынуждены заботиться о других, и ведет к тяжелому материальному положению [5].

При этом ограничение дееспособности является временной мерой, а не бессрочной, необходимость в которой отпадает с устранением обстоятельств, повлекших ее наложение. То есть, спустя время заявитель может повторно обратиться в суд, если считает, что основания, по которым изначально вводилось ограничение дееспособности, больше не релевантны – зависимость побеждена, изменился уровень дохода или состав семьи, человек снова в состоянии адекватно оценивать окружающую обстановку и принимать взвешенные решения.

Таким образом, пределы ограничения дееспособности основываются на трех факторах. Первый – ограничение дееспособности возможно при доказанной взаимосвязи между зависимостью члена семьи и тяжелым материальным положением. Второй – заявленной заявителем ограничение дееспособности не может перерасти в лишение дееспособности, что подтверждается позицией Верховного суда РФ и гарантируется путем привлечения прокурора и органов опеки в качестве независимых сторон. Третий – ограничение дееспособности является временной мерой, подлежащей отмене с исчезновением оснований для ее наложения.

Основным источником правовой неопределенности при рассмотрении подобной категории дел является нигде не закрепленное понятие «тяжелого материального положения», которое может трактоваться по-разному в зависимости от региона и привычных условий проживания. Возможным направлением развития для устранения пробелов в законодательстве может послужить уточнение тяжелого материального положения именно в контексте основания для введения ограничения дееспособности: например, соотнесение расходов, вызванных зависимостью одного из членов семьи, с общими расходами семьи и ее невозможностью удовлетворить базовые потребности остальных членов семьи. Такое нововведение позволит сохранить баланс между независимостью гражданина и интересами семьи и не позволит институту ограничения дееспособности превратиться в механизм контроля за людьми, подверженными зависимостям.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Рос. газ. – № 238-239. – 1994. –8 декабря.

2. Смольникова Ю. А. Доказывание тяжелого материального положения семьи как обязательного условия ограничения лица в дееспособности / Ю. А. Смольникова // Молодой ученый. – 2024. – № 16 (515). [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://moluch.ru/archive/515/113103 (дата обращения: 19.10.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 19.10.2026).

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522498/699adfcea1bedba6d61e770d6d04a3837d06ae16/ (дата обращения: 19.10.2026).

5. При каких условиях возможно ограничение в дееспособности лиц, злоупотребляющих спиртными напитками. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_46/activity/legal-education/explain/e434811/#1 (дата обращения: 19.10.2026).

© А.А. Фёдорова, 2026

УДК 343.1

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ШАПОВАЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры Судебная экспертиза
Сибирская пожарно-спасательная академия
ГПС МЧС России (г.Железногорск)

Аннотация. В статье исследуется запрет определенных действий как самостоятельная мера пресечения, введенная в уголовный процесс Российской Федерации в 2018 году. Автор рассматривает ее не просто как промежуточный вариант между подпиской о невыезде и домашним арестом, а как инструмент дифференциации процессуального принуждения. Анализируются основания избрания меры, допустимые пределы судебного усмотрения, соотношение отдельных запретов с конституционными правами личности, а также проблемы контроля за исполнением судебного решения.
Ключевые слова: уголовный процесс; меры пресечения; запрет определенных действий; судебный контроль; соразмерность; домашний арест; права подозреваемого и обвиняемого.

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS AS A TOOL FOR DIFFERENTIATING PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shapovalova Tatiana Ivanovna

Abstract. The article examines the prohibition of certain actions as an independent preventive measure introduced into the criminal procedure of the Russian Federation in 2018. The author considers it not just as an intermediate option between recognizance and house arrest, but as a tool for differentiating procedural coercion. The reasons for choosing the measure, the permissible limits of judicial discretion, the relationship of individual prohibitions with the constitutional rights of the individual, as well as the problems of monitoring the execution of a court decision are analyzed.
Keywords: criminal proceedings; preventive measures; prohibition of certain actions; judicial control; proportionality; house arrest; rights of the suspect and the accused.

Реформа мер пресечения, проведенная в 2018 году, была обусловлена практической потребностью в более гибком реагировании на риски, возникающие в ходе уголовного судопроизводства. До введения запрета определенных действий суд зачастую оказывался перед выбором: либо применить сравнительно мягкую подписку о невыезде, недостаточную для нейтрализации конкретной угрозы, либо избрать домашний арест или заключение под стражу, которые существенно ограничивают свободу лица.

Запрет определенных действий позволил сгладить этот разрыв. Суд получил возможность не выбирать между двумя крайними моделями принуждения, а конструировать индивидуальный правовой режим поведения подозреваемого или обвиняемого. Однако такая гибкость порождает и новую про-

блему: чем шире усмотрение суда, тем важнее четкие критерии соразмерности и предсказуемости принимаемого решения.

Статья 105.1 УПК РФ наделяет суд правом обязать подозреваемого или обвиняемого являться по вызовам и соблюдать установленные запреты [1]. В этом смысле мера выполняет традиционные задачи пресечения: обеспечивает участие лица в производстве по делу и препятствует воспрепятствованию расследованию.

Вместе с тем ее особенность состоит в ином. Подписка о невыезде преимущественно ориентирована на обеспечение явки, домашний арест и заключение под стражу — на существенное ограничение свободы передвижения либо изоляцию лица. Запрет определенных действий позволяет воздействовать не на статус человека в целом, а на конкретные формы поведения, создающие процессуальный риск [5; 9].

Поэтому данную меру целесообразно рассматривать как инструмент дифференциации принуждения. Например, если риск связан с воздействием на потерпевшего, суд может ограничить общение с ним, не запрещая обвиняемому покидать жилое помещение. Если угроза заключается в продолжении противоправной деятельности с использованием автомобиля, достаточным может оказаться запрет управления транспортным средством. Такой подход отвечает идее минимально необходимого вмешательства в права личности [6; 7].

Избрание запрета определенных действий возможно при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, с учетом обстоятельств, названных в статье 99 УПК РФ. Однако само по себе наличие оснований для меры пресечения еще не предопределяет допустимость любого набора запретов.

Судебное решение должно отвечать трем взаимосвязанным требованиям.

Во-первых, запрет должен быть причинно связан с выявленным риском. Нельзя ограничивать использование сети «Интернет» лишь потому, что это технически удобно для контроля, если обстоятельства дела не свидетельствуют о риске неправомерного использования средств связи.

Во-вторых, ограничение должно быть минимально достаточным. Если цель может быть достигнута запретом посещения конкретного места, не следует запрещать передвижение в более широких границах.

В-третьих, запрет должен быть исполнимым и проверяемым. Судебный акт должен позволять понять, какое именно поведение запрещено, в течение какого времени и в каких границах [8].

Такой подход согласуется с позицией Пленума Верховного Суда РФ о необходимости оценивать как каждый запрет в отдельности, так и их совокупность [7]. Иначе формально разрешенная мера способна фактически ограничить свободу лица сильнее, чем домашний арест, без предоставления соответствующих процессуальных гарантий.

Часть 6 статьи 105.1 УПК РФ предусматривает шесть основных видов запретов: ограничение выхода из жилого помещения в определенное время; запрет посещения отдельных мест и мероприятий; ограничение общения; запрет почтово-телеграфных отправлений; ограничение использования средств связи и сети «Интернет»; запрет управления транспортным средством при связи преступления с его использованием.

С практической точки зрения эти запреты можно сгруппировать по объекту воздействия.

Пространственные ограничения определяют, где и когда лицо может находиться. Они наиболее близки к домашнему аресту, поэтому требуют особой осторожности: даже временный запрет покидать жилое помещение способен существенно изменить привычный образ жизни.

Коммуникативные ограничения защищают участников процесса от неправомерного воздействия. Наиболее оправданны они тогда, когда суд точно определяет круг лиц, с которыми запрещены контакты, и основание такого ограничения.

Ограничения использования ресурсов и средств деятельности касаются связи, информационных сетей и транспорта. Их назначение — не изолировать человека от современной среды, а исключить конкретные способы совершения противоправных действий [3; 6].

Отдельного внимания заслуживает запрет использования сети «Интернет». Его буквальное применение способно блокировать доступ к работе, образованию, государственным услугам и общению с

защитником. Более соразмерным представляется запрет не самого доступа к сети, а определенных действий: контактов с участниками процесса, распространения сведений о деле, использования конкретных ресурсов или каналов связи [3; 8].

Преимущество запрета определенных действий состоит в его избирательности. Государство ограничивает не свободу лица в целом, а лишь те формы поведения, которые создают реальную угрозу целям судопроизводства.

Мера также способствует индивидуализации уголовно-процессуального принуждения. Суд может учесть не только тяжесть обвинения, но и семейное положение, занятость, состояние здоровья, характер предполагаемого риска и значимость социальных связей обвиняемого [6; 9].

Немаловажно и то, что запрет определенных действий способен уменьшить потребность в заключении под стражей. Если процессуальные риски могут быть нейтрализованы адресными ограничениями, изоляция лица от общества становится избыточной [5].

Наконец, мера выполняет защитную функцию. Запрет общения с потерпевшим, свидетелем или иным участником процесса способен предотвратить давление, подкуп, угрозы и иные формы противоправного влияния.

Однако применение данной меры пресечения не лишено ряда проблем.

1. Неопределенность судебных формулировок

Эффективность меры зависит от качества судебного акта. Общие формулировки вроде «не посещать места, связанные с расследованием» или «не общаться с участниками процесса» создают неопределенность: непонятно, какие именно территории, учреждения, мероприятия и лица имеются в виду.

Судебному решению следует содержать конкретные параметры ограничения: адрес или границы территории, период времени, наименование организации, сведения, позволяющие идентифицировать лицо, с которым запрещен контакт. Без такой детализации затрудняется как исполнение запрета, так и оценка его нарушения [3; 8].

2. Риск несоразмерного ограничения общения

Коммуникативные запреты затрагивают не только процессуальные, но и личные интересы человека. Ограничение общения с родственниками, коллегами или иными лицами может разрушить семейные и профессиональные связи, не имеющие отношения к предмету расследования.

Поэтому суду следует устанавливать запрет не «на общение вообще», а на общение с конкретным лицом либо на общение в определенной форме, если это необходимо для предотвращения конкретного риска [9].

3. Фактическое превращение меры в домашний арест

Наиболее сложной выглядит ситуация, когда суд одновременно запрещает покидать жилое помещение, общаться с широким кругом лиц, пользоваться телефоном и сетью «Интернет». Хотя юридически избрана менее строгая мера, по фактическому воздействию она может сравняться с домашним арестом [9].

В подобном случае суд должен объяснить, почему невозможно применение домашнего ареста с его специальными гарантиями либо почему менее строгий набор ограничений не способен обеспечить цели судопроизводства. Иначе возникает риск подмены одной меры пресечения другой без соблюдения установленных для нее процедурных условий.

4. Контроль и фиксация нарушений

Запрет определенных действий эффективен лишь тогда, когда его исполнение может быть проверено. Однако чрезмерный контроль, в том числе с использованием технических средств, сам по себе способен вторгаться в частную жизнь.

Необходимы ясные правила о том, какие средства контроля могут применяться, какие сведения допустимо собирать, как фиксируются нарушения и как обеспечивается возможность обжалования действий контролирующих органов. Без таких правил возникает риск как произвольного расширения контроля, так и невозможности доказать факт нарушения запрета [6; 8].

Судебная практика показывает, что запрет определенных действий не является чисто формальной мерой. В частности, в решениях 2024–2025 годов обсуждался вопрос зачета времени нахождения

лица под запретом, предусмотренным п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок лишения свободы [11; 12].

При оценке соразмерности меры суду следует учитывать не только ее юридическое наименование, но и реальный объем ограничений [11; 12].

Запрет определенных действий следует оценивать как самостоятельный инструмент дифференциации мер пресечения, а не как упрощенную альтернативу домашнему аресту. Его назначение состоит в точечном устранении конкретных процессуальных рисков при сохранении для лица максимально возможного объема прав и свобод [5].

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

3. Филимонова М. Д. Мера пресечения в виде запрета определенных действий: о перспективах совершенствования перечня запретов // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 6. С. 225–234. DOI:10.33874/2072-9936-2025-0-6-225-234

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.

5. Гребнева Н. Н., Максимовских А. В. Запрет определенных действий как уникальная и универсальная мера процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. Сургут. – 2025. – Т. 13, № 2. — С. 100-106. DOI:10.35266/2949-3455-2025-2-9

6. Филимонова М. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения: понятие, юридическая природа // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 2. С. 70–80. DOI: 10.25136/2409-7810.2024.2.71973; EDN: KPBMMC.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 27.05.2025).

8. Буфетова М. Ш., Лукошкина С. В. Проблемы и дальнейшие перспективы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий. // Baikal Research Journal. — 2024. — Т. 15, № 4. — С. 1476–1485. DOI: 10.2411-6262.2024.15(4).1476-1485.

9. Михайлина, Ю. В. Запрет определенных действий как мера пресечения / Ю. В. Михайлина // Криминологический журнал. – 2019. – № 1. – С. 12-14. – EDN BGDHPV..

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2022 (о зачете времени нахождения под запретом определенных действий, предусмотренным п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок лишения свободы).

12. Судебная практика применения статьи 105.1 УПК РФ за 2024–2025 годы: вопросы зачета времени действия запрета определенных действий в срок наказания. https://sudact.ru/law/upk-rf/chast-1/razdel-iv/glava-13/statia-105.1/?ysclid=mvnnraoyvj40228193

© Шаповалова Т.И., 2026

УДК 338.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ СПОСОБОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКА В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ РФ: АНАЛИЗ ТРЕНДОВ

ЗОЛОТАРЕВ ДАНИЛ АНТОНОВИЧ
студент
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Аннотация. В статье анализируется, как в 2023-2025 годах изменилась структура способов выбора поставщиков в контрактной системе России**.** На основе сводных аналитических отчётов Минфина России выявлены ключевые тренды: доля электронного аукциона снижается, при этом особенно быстро растут закупки через «электронный магазин» и запрос котировок, а число несостоявшихся процедур увеличивается. Проанализированы причины этих сдвигов – они связаны с изменениями законодательства и санкционным давлением. Сделан вывод: акцент постепенно смещается от классических конкурентных процедур к упрощённым формам закупок.
Ключевые слова: контрактная система, способы определения поставщика, электронный аукцион, запрос котировок, электронный магазин, конкуренция, несостоявшиеся закупки.

TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE OF SUPPLIER IDENTIFICATION METHODS IN THE CONTRACT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: TREND ANALYSIS

Zolotarev Danil Antonovich

Abstract. The article analyzes how the structure of supplier selection methods in the Russian contract system changed in 2023-2025. Based on the consolidated analytical reports of the Ministry of Finance of the Russian Federation, key trends have been identified: the share of electronic auctions is decreasing, while purchases through the «electronic store» and request for quotations are growing especially rapidly, and the number of failed procedures is increasing. The reasons for these shifts are analyzed – they are related to changes in legislation and sanctions pressure. The conclusion is that the focus is gradually shifting from classical competitive procedures to simplified forms of procurement.
Keywords: contract system, supplier identification methods, electronic auction, request for quotations, electronic store, competition, failed purchases.

Контрактная система госзакупок – это механизм, который обеспечивает эффективное расходование бюджетных средств. Ключевой элемент здесь – выбор способа определения поставщика: именно он определяет уровень конкуренции, прозрачность процедуры и итоговую цену контракта. Законодательство допускает как конкурентные способы (конкурсы, аукционы, запрос котировок, запрос предложений), так и закупки у единственного поставщика. Заказчик вправе выбрать способ самостоятельно, однако не может совершать действия, которые необоснованно ограничивают круг участников. В условиях санкционного давления и активного нормотворчества 2023-2025 гг. структура применяемых способов заметно изменилась, что требует эмпирического осмысления.

Чтобы оценить масштаб изменений, нужно посмотреть на статистику из единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС). Ежегодные сводные аналитические отчёты Минфина России показывают, как меняется количество и стоимость извещений по каждому способу закупки. Ключевые показатели, отражающие распределение извещений по способам определения поставщика в 2023-2025 годах, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика структуры способов определения поставщика по 44-ФЗ в 2023-2025 гг. (по количеству извещений)

Способ определения поставщика	2023 г., %	2024 г., %	2025 г., %	Изменение 2025 к 2023, +/-
Электронный аукцион	79,9	70,1	62,9	-17,0
Электронный запрос котировок	15,1	19,2	23,1	8,0
Электронный конкурс	2,8	2,6	2,7	-0,1
Закупки по ч. 12 ст. 93 («электронный магазин»)	2,2	6,4	9,7	7,5
Иные способы (включая запрос предложений)	2,0	1,7	1,6	-0,4

Как видно из таблицы 1, главный тренд – устойчивое снижение доли электронного аукциона. Если в 2023 году на него приходилось почти 80% всех извещений, то к 2025 году этот показатель опустился до 62,9%. Одновременно растёт доля электронного запроса котировок (с 15,1% до 23,1%) и, что особенно показательно, закупок через «электронный магазин» (с 2,2% до 9,7%). Этот сдвиг не случайность, а прямое следствие законодательных новаций. В частности, Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 154-ФЗ поднял ценовой порог для запроса котировок с 3 до 10 млн рублей и увеличил предельный объём закупок через «электронный магазин» с 3 до 5 млн рублей, а также ввёл предельный годовой объём таких закупок в размере 100 млн рублей [2]. Эти меры были направлены на упрощение и ускорение закупочных процессов, что закономерно привело к перераспределению потоков в пользу более простых и оперативных процедур.

Денежная статистика подтверждает ту же тенденцию. В 2025 году сумма извещений по «электронному магазину» выросла на 55% по сравнению с 2024 годом, а по запросам котировок – на 37% [4]. При этом общий объём размещённых извещений увеличился на 14%, что говорит не о сжатии рынка, а о его перестройке. Электронный аукцион остаётся самым распространённым конкурентным способом, но постепенно теряет роль универсального инструмента, уступая место более гибким формам.

Отдельного внимания заслуживает проблема несостоявшихся закупок, которая напрямую связана с уровнем конкуренции. Данные о доле таких процедур и причинах их признания приведены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели несостоявшихся закупок по 44-ФЗ в 2023-2025 гг.

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изменение 2025 к 2023, +/-
Доля несостоявшихся закупок в общем количестве извещений, %	33,4	35,7	34,9	1,5
Среднее количество поданных заявок на участие, ед.	2,76	2,46	2,44	-0,32
Доля случаев подачи единственной заявки среди причин несостоявшихся закупок, %	70	72	72	2
Доля контрактов, заключенных по результатам несостоявшихся закупок, %	75	75	74	-1

Данные таблицы 2 показывают неоднозначную картину. За три года доля несостоявшихся закупок выросла с 33,4% до 34,9%, а среднее число поданных заявок сократилось с 2,76 до 2,44. Чаще все-

го закупку признают несостоявшейся из-за единственной заявки – в 2025 году это 72% случаев. При этом в 74% таких закупок контракт всё же заключается, т.е. заказчик получает нужный результат, но формально конкурентная процедура не состоялась. Это говорит о структурной проблеме – участники рынка либо не заинтересованы в участии, либо сталкиваются с барьерами, мешающими подать заявку. Снижение среднего числа заявок можно объяснить укрупнением лотов, усложнением требований к участникам и общей экономической ситуацией.

Важно понимать, что эти тренды не существуют сами по себе – они отражают общую логику адаптации контрактной системы к текущим условиям. В 2024-2025 годах продолжалась работа по унификации правил национального режима (Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 1875), что тоже повлияло на поведение заказчиков. Показательно, что в 2025 году доля закупок с использованием каталога товаров, работ, услуг составила 66% от общего числа извещений [4]. Это говорит о стремлении заказчиков стандартизировать описание объектов закупки и снизить риски. В таких условиях упрощённые процедуры (запрос котировок и «электронный магазин») становятся всё более привлекательными, поскольку позволяют быстрее реагировать на текущие потребности.

Однако у этой трансформации есть и обратная сторона. Электронный аукцион традиционно даёт наибольшую экономию бюджета за счёт ценовой конкуренции, и его снижение может ослабить фискальный эффект закупок. В 2025 году общая экономия составила 507 млрд рублей, что на 15,4% больше, чем в 2024 году [4]. Но если посмотреть на вклад разных способов, то основной прирост обеспечивает как раз электронный аукцион, доля которого падает. Отсюда потенциальный риск – рост экономии в абсолютных цифрах может смениться её стагнацией, если аукционы продолжат вытесняться упрощёнными процедурами.

Подводя итог, можно сказать, что в 2023-2025 годах структура способов определения поставщика в контрактной системе России заметно изменилась. Электронный аукцион, формально оставаясь лидером, потерял часть позиций (с 79,9% до 62,9% извещений), уступив запросу котировок и закупкам через «электронный магазин». Этот сдвиг объясняется законодательными новациями, направленными на упрощение и ускорение закупок, а также адаптацией заказчиков к санкционным условиям. Одновременно растёт доля несостоявшихся закупок и снижается среднее число заявок, что говорит о проблемах с конкуренцией. Дальнейшее развитие контрактной системы требует взвешенного подхода, т.е. упрощение процедур не должно оборачиваться падением конкуренции и потерей бюджетной эффективности.

Список источников

1. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.

2. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд по итогам 2023 года [Электронный ресурс] / Министерство финансов Российской Федерации. – М., 2024. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/05/main/Svodnyy_2023.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

3. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд по итогам 2024 года [Электронный ресурс] / Министерство финансов Российской Федерации. – М., 2025. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/05/main/Svodnyy_analiticheskiy_otchet.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

4. Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд по итогам 2025 года [Электронный ресурс] / Министерство финансов Российской Федерации. – М., 2026. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2026/05/main/Svodnyy_analiticheskiy_otchet_o_rezultatakh_monitoringa_zakupok_za_2025_g.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

© Д.А. Золотарев, 2026

УДК 343

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 78.1 УК РФ И ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО

ДЕЙКОВА ЕЛИЗАВЕТА ДЕНИСОВНА
студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации»
Уральский институт управления – филиал

Научный руководитель: Белик Юлия Святославовна
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации»
Уральский институт управления – филиал

Аннотация: в статье исследуются материально-правовые и процессуальные дефекты механизма освобождения от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ. Автор анализирует казуистичность «запретного» перечня преступлений, указанного в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Особое внимание уделено правам потерпевшего в процедуре освобождения по ст. 78.1 УК РФ. В качестве путей преодоления выявленных проблем автором предложены и обоснованы три концептуальные модели реформирования законодательства.
Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, статья 78.1 УК РФ, военная служба по контракту, ограничительный перечень преступлений, права потерпевших, возмещение вреда, гражданский иск, приостановление производства по уголовному делу, восстановительное правосудие.

RESTRICTIONS ON THE APPLICATION OF ARTICLE 78.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PROBLEMS OF PROTECTING VICTIMS' RIGHTS

Deykova Elizaveta Denisovna

Scientific adviser: Belik Yulia Svyatoslavovna

Abstract: The article examines the substantive and procedural flaws in the mechanism of exemption from criminal liability under Article 78.1 of the Criminal Code of the RF. The author analyzes the casuistic nature of the restrictive crime list and focuses on the victim's rights within this procedure. To address the identified problems, three conceptual models of legislative reform are proposed and justified.
Keywords: exemption from criminal liability, Article 78.1 of the Criminal Code of the RF, military service under contract, restrictive list of crimes, victims' rights, harm restitution, civil claim, suspension of criminal proceedings, restorative justice.

Ограничительный перечень части 1 статьи 78.1 УК РФ – единственный содержательный барьер, который законодатель противопоставил широте субъектного состава и формализованности условий

освобождения. Логика построения этого барьера заслуживает разбора: именно по перечню исключений можно судить о том, какие ценности законодатель счел не подлежащими «обмену» на военную службу, а какие – допустимым предметом такого обмена.

Состав запретного перечня в действующей редакции охватывает несколько групп деяний: преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних; посягательства террористической направленности (статьи 205–205.5, 206, 208, 211 УК РФ и смежные составы); государственная измена, шпионаж, диверсия и иные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства; экстремистские составы; отдельные общеопасные деяния, включая незаконное обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами. Перечень сформулирован через прямое перечисление статей, без указания родового критерия отбора. Прием этот знаком отечественному законодателю – аналогично построены ограничения для условного осуждения, отсрочки, замены наказания, – однако в контексте статьи 78.1 УК РФ казуистичность оборачивается дефектом: невозможно реконструировать принцип, по которому убийство (части 1 статьи 105 УК РФ) осталось за пределами запрета, а публичные призывы к экстремистской деятельности – внутри него.

Асимметрия перечня – центральный пункт научной критики. Насильственные посягательства на жизнь и здоровье, разбой, бандитизм, похищение человека, истязание не препятствуют освобождению; препятствуют же преимущественно деяния против государства и публичной безопасности. Иерархия объектов охраны, заданная статьей 2 УК РФ и воспроизводящая систему высших ценностей, защищаемых Конституцией, – личность, общество, государство, – в перечне части 2 статьи 78.1 УК РФ прочитывается в обратном порядке. Показательно и сравнение с примечаниями Особенной части: специальные виды освобождения традиционно недоступны за посягательства на жизнь, тогда как здесь убийство – «освобождаемый» состав.

Отдельные исследователи предпринимали попытки рационализировать выбор законодателя: исключенные составы объединяет либо направленность против той самой обороноспособности, ради которой институт создан (измена, диверсия, терроризм), либо особая моральная нетерпимость деяния (посягательства на детей), делающая освобождение социально неприемлемым независимо от заслуг. Объяснение работает лишь частично: моральная нетерпимость к насильственным преступлениям едва ли ниже, чем к экстремистским высказываниям, однако первые освобождения не исключают. Дефект здесь не в отдельных позициях перечня, а в отсутствии заявленного критерия: перечень, лишенный принципа, не может быть ни проверен на полноту, ни непротиворечиво дополнен.

Вторая проблема ограничительного механизма состоит в том, чего в нем нет: фигура потерпевшего в конструкции статьи 78.1 УК РФ и статьи 28.2 УПК РФ отсутствует полностью. Освобождение не обусловлено ни возмещением вреда, ни примирением, ни хотя бы выяснением мнения потерпевшего; уведомление его о состоявшемся прекращении дела – единственная точка соприкосновения с процессом. Контраст с остальными основаниями главы 11 УК РФ разителен. Статья 76 УК РФ ставит освобождение в зависимость от воли потерпевшего напрямую; статьи 75 и 76.2 УК РФ требуют заглаживания вреда как обязательного условия; даже давность, безразличная к позиции потерпевшего, компенсируется тем, что не прекращает гражданско-правовых обязательств и не блокирует доступ к правосудию на протяжении длительных сроков. Статья 78.1 УК РФ обрывает преследование мгновенно и безвозмездно для потерпевшего.

Проблема разрешения гражданского иска представляет собой тот критический узел, в котором декларативный характер защиты прав потерпевшего проявляется наиболее отчетливо. Прекращение дела по нереабилитирующему основанию не аннулирует деликтного обязательства: вред, причиненный преступлением, подлежит возмещению по правилам главы 59 ГК РФ [1]. Гражданский иск, заявленный в уголовном деле, при прекращении производства остается без рассмотрения; потерпевшему предлагается инициировать самостоятельный гражданский процесс, где бремя доказывания факта причинения вреда, его размера и причинной связи ложится на истца – без поддержки государственного обвинения и без преюдициальной силы приговора, которого нет. Ответчик при этом находится в зоне боевых действий: извещение затруднено, участие в заседаниях исключено, исполнение решения отложено на неопределенный срок, а в случае гибели ответчика требования обращаются к наследственной

массе с известными ограничениями. Практика уже фиксирует дела, в которых потерпевшие, чьи уголовные дела прекращены в связи с военной службой обвиняемого, годами не могут добиться рассмотрения имущественных требований [2]. Механизм статьи 44 УПК РФ, задуманный как облегченный путь компенсации, здесь просто выключается.

Положение потерпевшего усугубляется на стадии, предшествующей прекращению. Приостановление производства в связи с военной службой обвиняемого замораживает дело на неопределенный срок, а вместе с ним – и статус потерпевшего, и обеспечительные меры, и перспективу компенсации. Требование разумного срока судопроизводства, закрепленное статьей 6.1 УПК РФ, действует и в интересах потерпевшего – правовые позиции высших судов о присуждении компенсации за нарушение разумного срока это подтверждают [3]. Потерпевший оказывается в положении, при котором нарушение его интересов санкционировано нормативно и потому не порождает даже права на компенсацию.

Виктимологическая перспектива добавляет еще один теоретический ракурс. Потерпевший, узнающий, что преследование преступника прекращено безотносительно к возмещению вреда, получает от правопорядка сигнал о неравноценности своей защиты – сигнал, разрушающий восстановительную функцию уголовной юстиции. В доктрине справедливо замечено, что институты освобождения от ответственности последних десятилетий (примирение, судебный штраф) развивались в русле восстановительного правосудия, ставящего интересы жертвы в центр; статья 78.1 УК РФ этот вектор разворачивает. Есть в этом развороте и криминогенный потенциал: безнаказанность, воспринимаемая потерпевшим как несправедливость, провоцирует самосудные реакции и утрату доверия к правоохранительной системе.

Пути коррекции механизма, обсуждаемые в доктрине, группируются вокруг трех моделей. Первая – включение возмещения вреда (полного или частичного) в число обязательных условий освобождения по статье 78.1 УК РФ, по образцу статей 75 и 76.2 УК РФ; денежное довольствие военнослужащих-контрактников делает такое требование исполнимым, что снимает довод о его нереалистичности. Вторая модель – процессуальная: наделение потерпевшего правом быть выслушанным при решении вопроса о прекращении дела и правом обжалования, без придания его позиции блокирующей силы; такой вариант сохраняет работоспособность института, встраивая в него минимальные гарантии статьи 52 Конституции РФ. Третья модель – компенсационная: возложение на государство, освобождающее лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, в собственных мобилизационных интересах, обязанности компенсировать потерпевшему невозмещенный ущерб с последующим регрессом к освобожденному. Идея государственной компенсации жертвам преступлений, десятилетиями обсуждаемая применительно к нераскрытым делам, здесь приобретает особую убедительность. Наиболее сбалансированным видится сочетание первой и второй моделей – соответствующие законопроектные формулировки будут предложены в заключении.

Казуистичность перечня части 1 статьи 78.1 УК РФ создает квалификационные стимулы: переквалификация деяния с «запретного» состава на смежный «освобождаемый» открывает лицу путь к контракту и освобождению. Риск манипулятивной квалификации на досудебных стадиях, где потерпевший процессуально слаб, а судебный контроль ограничен, реален; отдельные наблюдения такого рода в литературе уже описаны [4, с. 101]. Противодействие этому – не расширение перечня, а прокурорский надзор за обоснованностью квалификации по делам, где обвиняемый ходатайствует о заключении контракта, и разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости прекращения дела при наличии данных о более тяжком «запретном» составе.

Таким образом, ограничительный механизм статьи 78.1 УК РФ построен асимметрично: запретный перечень части 1, сформированный казуистически и без внятного критерия, ограждает от действия нормы преимущественно государственные интересы, оставляя посягательства на жизнь, здоровье и собственность частных лиц в зоне «освобождаемых»; фигура потерпевшего из конструкции исключена вовсе – освобождение не обусловлено ни возмещением вреда, ни учетом его мнения, а гражданский иск при прекращении дела фактически обесценивается переносом бремени защиты в самостоятельный процесс против ответчика, находящегося в зоне боевых действий. Такое регулирование расходится с правовыми позициями Конституционного Суда РФ о недопустимости несоразмерного умаления

прав жертв преступлений и с восстановительным вектором развития института освобождения от уголовной ответственности. Выявленные дефекты – материально-правовые по происхождению, но проявляются они в процессуальной плоскости: именно порядок приостановления и прекращения производства определяет, в какой момент и с какими гарантиями интересы потерпевшего приносятся в жертву мобилизационной целесообразности.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2024 N 16-КГ24-22-К4 // База данных судебных решений «СудАкт». — URL: https://sudact.ru (дата обращения: 22.10.2026). – С. 124-130.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
4. Сипягин Н.А. Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ // Российское правосудие. 2026. №1. С. 95–102.

УДК 347.9

ИСТЕЧЕНИЕ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГА В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: РАЗБОР ЧЕРЕЗ СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ

КУЗЬМИНА ПОЛИНА МАРКОВНА
юрист, вице-президент
регионального общественного фонда «Волшебный фонарь»

Аннотация:В статье исследуется через способы толкования норм вопрос об исковой давности в приказном производстве на основании материалов дела в мировом суде. В свете способов толкования норм делается вывод о том, что исковая давность не начинает течь с переуступкой долга для нового кредитора, исследуется толкование норм и положений постановлений Пленумов ВС РФ.
Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, переуступка долга, кредитор, должник, толкование норм, цивилистическая методология.

THE STATUTE OF LIMITATIONS FOR CLAIMING A DEBT IN A WRIT PROCEEDING: AN ANALYSIS THROUGH THE WAYS OF INTERPRETING THE NORMS

Kuz'mina Polina Markovna

Abstract: The article examines the issue of the statute of limitations in writ proceedings based on the case materials in the magistrate's court, using methods of interpreting norms. In light of the ways of interpreting norms, it is concluded that the statute of limitations does not begin to run with the assignment of the debt to a new creditor; the interpretation of the norms and provisions of the resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation is examined.
Keywords: writ proceedings, court order, assignment of debt, creditor, debtor, interpretation of norms, civil law methodology.

В данной статье разбирается дело о вынесении и последующей отмене судебного приказа в отношении должника, с ходатайством о восстановлении сроков, в свете способов толкования гражданско-правовых норм.

Был вынесен судебный приказ по взысканию долга по кредитному договору. Ответчик в 2012 г. брала кредитную карту в ОАО "Московский кредитный банк". Неизвестно, направлялись ли ответчику претензии. Затем банк переуступил долг. До 2022 г. по договорам цессии было несколько переуступок долга к новым кредиторам. В 2022 г. долг был передан индивидуальному предпринимателю, которая обратилась к мировому судье за выдачей судебного приказа. Судья вынесла судебный приказ о взыскании долга [1].

Представитель ответчика узнал о взыскании долга через сайт ФССП и портал мировых судей после того, как ответчик сообщила ему, что у неё что-то списывают с пенсии приставы. Он обратился в мировой суд с возражением на судебный приказ и ходатайством о восстановлении сроков подачи возражения. В возражении на судебный приказ представитель ответчика указал пропуск исковой давности

по взысканию долга, а в ходатайстве по восстановлению сроков отметил, что по указанному в приказе адресу ответчик ещё до вынесения приказа была снята с регистрационного учёта по решению суда и не могла быть надлежащим образом извещена [1].

По вопросам о применении некоторых положений ГК РФ есть Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 №43, а о применении некоторых положений ГК и АПК РФ о приказном производстве Постановление Пленума ВС РФ №62 [2, 3].

Способы толкования норм как цивилистическая методология были предложены Е. В. Васьковским более 100 лет назад, но до сих пор остаются актуальными в науке и практике, так как грамматика, логика, системность, целеполагание воли законодателя и судебных решений, постановлений Пленумов по-прежнему значимы. Чаще всего судьи не пишут прямо в судебных определениях и решениях, какими способами пользовались, но для анализа и самими судьями, и другими участниками процесса обращение к способам толкования норм и договоров в любом случае необходимы [4, с. 7, 92, 461-462; 5, с. 27].

В ст. 205 ГК РФ установлено: «В исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут признаваться уважительными, если они имели место в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев - в течение срока давности» [6].

Здесь воспользуемся буквальным толкованием, связанным с грамматическим способом, из смысла слов, восстановление срока исковой давности связаны с личностью истца, а более конкретно с его болезнью или беспомощным состоянием.

Грамматический способ, как следует из его названия, обращается к грамматике языка, в данном случае к синтаксису. «Дополнение это второстепенный член предложения, который обозначает предмет (объект) действия, выражает объектные отношения…»[7, с. 141]. Обстоятельство…выражает различного рода обстоятельственные (релятивные) отношения… “ [7, с. 148].

Буквально из смысла слов: суд признает что? (дополнение), причину пропуска исковой давности, по чему или какому признаку? (обстоятельство), по обстоятельствам, связанным личностью истца. Но нигде не сказано об особой исковой давности, которая подлежит восстановлению для цессионария - физического лица, который стал новым кредитором для должника. Если применить системное и логическое толкование и связать исковую давность с обязанностями и ответственностью цедента перед цессионарием. Ст. 390 ГК РФ устанавливает: «При уступке цедентом должны быть соблюдены следующие условия: уступаемое требование существует в момент уступки, если только это требование не является будущим требованием» [6]. То есть, уступаемое требование должно уже существовать и соответственно по существующему требованию, если все разумные сроки исполнения обязательства вышли и должнику не была предъявлена претензия, новый срок исковой давности не начинает течь для цессионария, который становится новым кредитором.

Согласно п. 20 Постановления Пленума №43: «Течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга (статья 203 ГК РФ)» [2].

Неизвестно, направлял ли банк претензии должнику, но совершил действия не по взысканию долга в судебном порядке, а по переуступке требований новому кредитору. Сопоставляя положения Постановления Пленума ВС РФ №43 и ст. ст. ГК РФ применим логическое и системное толкование. Если течение срока прерывается признанием должником долга, но в случае непризнания долга должником исковая давность не прерывается. То есть, логическая формула, если А, то В, а если не А, то не В [8]. В данном деле очевидно, что должник не признал долг. «Согласно пункту 2 статьи 199 ГК РФ исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре, которая в силу положений статьи 56 ГПК РФ, статьи 65 АПК РФ несет бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих об истечении срока исковой давности» [2].

Обратимся к системному толкованию. В п. 15 постановления Пленума сказано, что истечение срока давности является самостоятельным основанием к отказу в иске. ВС РФ ссылается на п. 2 ст. 199 ГК РФ, в котором указано, что необходимо сообщение стороны иска об истечении срока. Если со-

поставить п. 15 Постановления Пленума ВС РФ и ст. 199 ГК РФ, то в системе они являются взаимодополняющими, но с безусловным главенством Гражданского кодекса [2, 6].

Ранее был спорный момент, являются ли постановления Пленумов высших судов руководящими или рекомендательными (в советское время были руководящими), но в преамбуле Постановления №43 указано, что оно вынесено для единообразия практики правоприменения судами некоторых положений ГК РФ, что хотя бы косвенно свидетельствует о руководящей роли данного Постановления в вопросах об исковой давности. 04.08.2026 г. были подписаны изменения в ст. 19 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ст. 5 ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации» и соответственно: «Уточнено, что Пленум Верховного Суда РФ дает судам руководящие разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства» [9].

В данном деле, по которому вынесен судебный приказ, несколько раз произошла переуступка требований по договору цессии. Последнему кредитору долг от 2012 г. перешёл в 2022 г., но нигде не подразумевается, что для нового кредитора и должника не начинает заново течь срок давности. Если применить логическое толкование, то умолчание о возобновлении течения срока давности у новых цедентов и цессионариев является основанием невозобновления исковой давности. В Постановлении указано: «Согласно пункту 1 статьи 207 ГК РФ с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство, требование о возмещении неполученных доходов при истечении срока исковой давности по требованию о возвращении неосновательного обогащения и т.п.), в том числе возникшим после начала течения срока исковой давности по главному требованию» [2]. В данном деле, если следовать этому положению, срок давности истек и по дополнительным требованиям по процентам и неустойке.

В данном деле был вынесен судебный приказ, но в ходатайстве о восстановлении сроков подачи возражения представитель истца указал, что по указанному в приказе адресу ответчик был снят с регистрационного учета по решению суда и не мог быть извещен надлежащим образом. В Постановлении Пленума ВС РФ №62 говорится о ненадлежащей доставке почтовой корреспонденции по приказному производству [3]. Если применить логическое толкование, судебное письмо может быть востребовано на почте в течение 7-и дней, а если ответчик не мог получить письмо по независящим от него причинам и оно вернулось в суд, то можно видеть ненадлежащую доставку почтовой корреспонденции.

Мировым судьей был отменен судебный приказ, но отмечено, что в порядке ст. 129 ГК РФ истец может подать частную жалобу об отмене восстановления сроков ответчиком [1].

Несмотря на то, что исследование способов толкования норм для применения в цивилистике было уже проведено Е. В. Васьковским, пусть и на примере законов Российской империи, практическая и теоретическая значимость сохраняется и по сей день. Автором данной статьи было взято текущее дело в приказном производстве, иллюстрация применения способов толкования норм способствует и большему уяснению и разъяснению смысла и применения гражданско-правовых норм, и корреляции их с пунктами Постановлений Пленумов ВС РФ, и из этого происходит теоретическое обоснование того, что исковая давность не начинает заново течь для нового кредитора при переуступке требований по договору цессии, даже если кредитор является физическим, а не юридическим лицом.

Список источников

1. Информация по судебному делу 02-610/368/2022 // [Электронный ресурс]. – URL: https://mos-sud.ru/368/cases/civil/details/76a2ef2d-ebf5-4302-9149-9e8047b2cfc4?caseNumber=02-610/368/2022 (дата обращения 24.10.2026). Режим доступа к материалам дела: в судебном участке мирового судьи #368 Тверского района г. Москвы.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 (ред. от 22.06.2021) "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности" // [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/

document/cons_doc_LAW_186662/00b7960771418e152f86490c8991eb33a844cf8e/ (дата обращения 24.10.2026)

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 62 (ред. от 05.04.2022) "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве" // [Электронный ресурс] -URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209705/?ysclid=mvqo5f7w2d492053036 (дата обращения 27.10.2026)

4. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. - Москва : АО "Центр ЮрИнфоР", 2002. - 507 с.

5. Смирнов А. В. Толкование норм права : учебно-практическое пособие / А. В. Смирнов, А. Г, Манукян. - Москва : Проспект, 2008. - 143, [1] с.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть 1. 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ. Система “Консультант Плюс” // [Электронный ресурс] -URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 27.10.2026)

7. Долженко Н. Г. Современный русский язык: синтаксис простого предложения [Текст] : учебное пособие для филологических специальностей высших учебных заведений / Н. Г. Долженко ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Югорский государственный университет", Гуманитарный институт,. - Ханты-Мансийск : Ред.-изд. отд. ЮГУ, 2018. - 205 с.

8. Ивин А. А. Логика : Учеб. для гуманит. фак. / А. А. Ивин. - Москва : Гранд : Фаир-пресс, 2002. - 318, [1] с.

9. Система “КонсультантПлюс”: Подписан закон об обеспечении единообразия судебной практики // [Электронный ресурс] - URL : https://www.consultant.ru/law/hotdocs/95099.html?ysclid=mvqo1hkzyg588346442 (дата обращения 27.10.2026)

УДК 343.1

СУД КАК ИНИЦИАТОР УСИЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ: КОЛЛИЗИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И НОРМ СТАТЬИ 237 УПК РФ

АГАПОВА АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Григорян Ваган Левонович
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: В статье исследуется проблема соотношения принципа состязательности сторон и активной роли суда в уголовном судопроизводстве на примере института возвращения уголовного дела прокурору по п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Анализируется риск смешения процессуальных функций, обосновывается необходимость законодательного уточнения механизма изменения квалификации: инициатива по усилению обвинения должна принадлежать государственному обвинителю, а суд должен сохранять лишь контрольные полномочия. Предлагается перераспределить регулирование соответствующих ситуаций между п. 1 и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ с целью сохранения баланса состязательности и обеспечения справедливого правосудия.
Ключевые слова: состязательность сторон; принцип равноправия сторон; возвращение уголовного дела прокурору; ст. 237 УПК РФ; квалификация преступления; функции суда; государственное обвинение; процессуальные функции; баланс процессуальных полномочий; уголовно-процессуальное законодательство.

THE COURT AS AN INITIATOR OF INCREASED PROSECUTION: A CONFLICT BETWEEN THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PROCEEDINGS AND THE PROVISIONS OF ARTICLE 237 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Agapova Anastasia Denisovna

Scientific adviser: Grigoryan Vagan Levonovich

Abstract: The article examines the problem of reconciling the principle of adversarial proceedings and the active role of the court in criminal proceedings, using the institution of returning a criminal case to the prosecutor as an example, in accordance with clause 6, part 1, of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The risk of mixing procedural functions is analysed, and the need for legislative clarification of the mechanism for changing the classification is substantiated: the initiative to strengthen the prosecution should belong to the state prosecutor, while the court should retain only supervisory powers. It is proposed to redistribute the regulation of relevant situations between paragraphs 1 and 6 of Part 1 of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to maintain the balance of adversarial proceed-

ings and ensure fair justice.
Key words: Adversarial nature of the proceedings; the principle of equality of the parties; return of a criminal case to the prosecutor; Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; classification of a crime; functions of the court; public prosecution; procedural functions; balance of procedural powers; criminal procedural legislation.

Конституцией РФ закреплен принцип состязательности и равноправия сторон, который выступает одной из базовых гарантий справедливого правосудия. Функция правосудия может осуществляться только судом, он не вправе принимать на себя задачи по формулированию или усилению обвинения, при этом обязан предоставлять сторонам равные процессуальные возможности для отстаивания своих позиций.

Особую остроту проблема приобретает в институте возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), где суд, не будучи стороной обвинения, фактически инициирует усиление квалификации деяния.

Положение п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ допускает возвращение дела по инициативе суда, если фактические обстоятельства свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Суд при этом обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для новой квалификации, но не вправе указывать статью Особенной части УК РФ и делать выводы об оценке доказательств и виновности.

Однако сама постановка вопроса о более тяжкой квалификации со стороны суда уже предполагает предварительную оценку фактических обстоятельств, что ставит под сомнение его беспристрастность. Возникает ситуация, при которой суд, чья деятельность должна носить регулирующий характер, фактически определяет направление уголовного преследования.

В науке предприняты попытки разрешить сложившуюся ситуацию. Так, Н.Ю. Решетова указывает, что в интересах процессуальной экономии и соблюдения разумных сроков целесообразно предоставить государственному обвинителю возможность изменить обвинение непосредственно в судебном разбирательстве, если ошибка квалификации очевидна и не ухудшает положение обвиняемого [2, с. 39]. В то же время М.А. Никонов, рассуждая с позиции теории уголовного иска, подчёркивает, что ссылка на конкретную норму права не входит в основание иска – в отличие от фактических обстоятельств [1, с. 48]. Следовательно, суд вправе самостоятельно выбирать подлежащую применению норму, не инициируя при этом возвращение дела.

Тем не менее, механизм ст. 237 УПК РФ зачастую используется как способ «маскировки» переквалификации по инициативе суда: дело возвращается прокурору, тот корректирует квалификацию, и дело вновь поступает в суд. Такая процедура не только увеличивает сроки судопроизводства, но и размывает границы между функциями суда и обвинения.

Конституционный Суд РФ разъясняет, что суд вправе самостоятельно оценивать обстоятельства дела и выбирать подлежащую применению норму права, а исправление ошибок, допущенных органами уголовного преследования, не означает выполнения судом обвинительной функции. Возвращение дела прокурору – это особый порядок движения уголовного дела, направленный на устранение препятствий к его рассмотрению, а не на производство дополнительного расследования [3].

Вместе с тем, применительно к п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ речь идёт не об исправлении процессуальных нарушений, а об усмотрении судом оснований для более тяжкой квалификации. На наш взгляд, это выходит за рамки правопроверочной деятельности и требует законодательного уточнения: инициатором изменения квалификации в рамках указанного пункта должна выступать сторона обвинения, а не суд.

Так, постановлением Петровского городского суда Саратовской области от 16.09.2026 г. уголовное дело в отношении С., который органами предварительного расследования обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.3 УК РФ (будучи лишенным права управления транспортными средствами и ранее подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, вновь управлял автомобилем), возвращено прокурору в порядке п. 6 ч. 1 ст.

237 УПК РФ. Как указывает суд, согласно материалам уголовного дела, С. в период инкриминируемого деяния имел непогашенную судимость по приговору Петровского городского суда Саратовской области от 08.07.2024 года, которым осужден по ч. 1 ст. 264.3 УК РФ [4]. Фактически все имеющие значение для разрешения дела доказательства были представлены в материалах дела, т.е. органы предварительного следствия знали о них, однако применили нормы материального права неверно. Суд, усмотрев признаки более тяжкого состава, поступает в рамках действующего законодательства суд, однако, на наш взгляд, инициировать возвращение дела должен был государственный обвинитель, что соотносится с его обязанностью обеспечивать законность и обоснованность при поддержании государственного обвинения, закрепленной ч. 3 ст. 37 УПК РФ.

Постановлением Кинешемского городского суда Ивановской области от 20.04.2026 г. уголовное дело в отношении М. по п.п. «б», «в» ч. 2 ст.158 , п. «а» ч. 3 ст.158 УК РФ было возвращено прокурору в порядке п.п. 1, 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, поскольку при проведении судебной товароведческой экспертизы было установлено, что стоимость похищенного имущества, а значит, и причиненного потерпевшей ущерба, многократно превышает стоимость, указанную в обвинительном заключении, которая была установлена на основании выводов, приведенных в заключении оценщика по запросу следователя [5].

В данном случае суд указывает, что имеющиеся нарушения не могут быть устранены в судебном заседании, в том числе и путем заявления государственным обвинителем ходатайства о корректировке обвинения. Иное означало бы формулирование нового обвинения на стадии судебного разбирательства. На наш взгляд, сложившаяся ситуация по своему содержанию относится к п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Постановление по делу законного решения – это обязанность суда, при этом он связан пределами предъявленного обвинения. Следовательно, лишить суд при наличии достаточных к тому оснований инструментов корректировки обвинения, в том числе и в сторону ухудшения положения обвиняемого, означало бы ограничить его в реализации возложенных на него обязательств. При этом возвращение дела для предъявления более тяжкого обвинения по инициативе суда, на наш взгляд, все же должно охватываться положениями п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – как неустранимое в судебном заседании препятствие постановления судом приговора или вынесения иного решения.

На основании проведенного исследования приходим к выводу о необходимости реформирования уголовно-процессуального законодательства. Целесообразно закрепить инициативу по изменению квалификации за государственным обвинителем. Это позволит сохранить состязательность и исключить фактическую подмену судом функции обвинения.

В то же время необходимо оставить за судом функцию контроля. Если в ходе разбирательства выявится, что обвинение явно не соответствует фактическим обстоятельствам, и это создаёт непреодолимое препятствие для приговора, суд вправе указать на данное обстоятельство стороне обвинения, но не возвращать дело по своей инициативе для усиления квалификации. Ситуации, когда фактические обстоятельства в ходе процесса выявили новый, ранее не учтённый квалифицирующий признак (который объективно не мог быть в обвинительном заключении), возможно, стоит регулировать через п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ как неустранимое препятствие, а не через п. 6.

Список источников

1. Никонов М. А. Переквалификация in defavorem // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 42–49. – URL: https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=323408.

2. Решетова Н.Ю. Возможно ли изменение обвинения на новое, ухудшающее положение подсудимого, при рассмотрении уголовного дела судом // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 4 (30). С. 34-40.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.

4. Постановление Петровского городского суда Саратовской области от 16.09.2026 по делу № 1-15/2026 // официальный сайт Петровского городского суда Саратовской области; URL: https://petrovsky.sar.sudrf.ru (дата обращения 24.10.2026).
5. Постановление Кинешемского городского суда Ивановской области от 20.04.2026 по делу № 1-44/2026 // официальный сайт Кинешемского городского суда Ивановской области; URL: https://kineshemsky.iwn.sudrf.ru (дата обращения 23.10.2026).

© А.Д. Агапова, 2026

УДК 340

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

ЧЕРКАСОВА СВЕТЛАНА РОМАНОВНА
магистрант
АВЕРЬЯНОВА ВЕРА РУСЛАНОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Аннотация. В статье исследуются теоретико-правовые основы дефиниции «управление» и особенности её трансформации в категорию «государственное управление». Автор анализирует понятие «управляющее воздействие» через призму категорий «деятельность» и «воздействие», а также систематизирует ключевые элементы, составляющие структуру управленческого процесса. В работе подробно раскрыты специфические признаки государственного управления (масштабность, властный характер, легитимность, органическая целостность и др.) и фундаментальные принципы его формирования, такие как разделение властей и комплементарность. Особое внимание уделено разграничению функций и полномочий на различных территориальных уровнях власти в контексте построения эффективной вертикали государственного управления.
Ключевые слова: государственное управление, управляющее воздействие, признаки управления, принципы государственного управления, разделение властей, комплементарность, субсидиарность, политическая организация общества, легитимность власти, социальное управление.

THE CONCEPT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

Cherkasova S.R.,
Averianova V.R.

Abstract. The article examines the theoretical and legal foundations of the definition of "management" ("governance") and the specific features of its transformation into the category of "public administration". The author analyzes the concept of "management impact" through the prism of "activity" and "influence" categories, and systematizes the key elements that constitute the structure of the management process. The paper provides a detailed disclosure of the specific attributes of public administration (scalability, authoritative nature, legitimacy, organic integrity, etc.) and the fundamental principles of its formation, such as the separation of powers and complementarity. Particular attention is paid to the delimitation of functions and powers at various territorial levels of government in the context of building an effective vertical of public administration.
Keywords: public administration, management impact, attributes of management, principles of public administration, separation of powers, complementarity, subsidiarity, political organization of society, legitimacy of power, social management.

Основным назначением государства, как формы политической организации общества, является защита и организация общественного порядка и строя, посредством воздействия на поведение людей одними из доступных методов и средств. Вот это воздействие и представляет собой управление.

На сегодняшний день в научной литературе само понятие «управление» рассматривается под разными углами, постоянно дополняется и перефразируется, что способствует появлению новых кон-

цепций уяснения содержания и смысла данного понятия. Все это обусловлено многогранностью и сложностью рассматриваемого вопроса, а также интересом со стороны ученых.

Управление можно охарактеризовать через такие термины как: «деятельность» и «воздействие». Первый предполагает, что управление состоит из ряда специфических видов осуществления человеческой жизнедеятельности и предполагает собой иерархическую структура, то есть определяет отношения в обществе как отношения подчинения вышестоящей стороне, способной теми или иными способами выражать свою волю, а также навязывать ее нижестоящей стороне. Такие отношения будут носить вертикальный характер. Воздействие же, в свою очередь, предполагает активные действия властвующего субъекта, влияющие на поведение и деятельность людей. Отношения, возникшие в таком случае, могут носить как горизонтальный, так и вертикальный характер.

Наиболее полно суть управления передает такое понятие как «управляющее воздействие», что представляет собой побуждающее, заставляющее, изменяющее и преобразующее влияние на сознание, поведение и деятельность людей.

Малышева М.А. отмечает, что в отличие от обычного воздействия, управляющее воздействие непременно включает в себя несколько основных элементов: анализ и предвидение, целеполагание, организацию, координацию, регулирование, мотивацию, контроль, оценку полученных результатов и планирование новых шагов [5, с. 8].

К признакам управления можно отнести:

1. Управление представляет собой функцию определенной организованной системы;

2. Оно обеспечивает взаимодействие элементов, которые составляют определенную систему и представляющих собой общее единое целое с однородными для всех элементов задачами;

3. Управление является действительным только тогда, когда присутствует подчинение объекта субъекту, из чего следует вывод, что управление является исключительным правом субъекта управления;

4. Оно также является естественным признаком целостной системы, основными составляющими которой являются субъекты управления и объект управления, взаимодействующие между собой на постоянной основе;

5. Управление предполагает взаимодействие как внутри одной системы, так и между разными системами, при этом, данное взаимодействие будет иметь свою иерархию, где одна система является вышестоящей по отношению к другой, то есть даже здесь будет иметь место подчинение объекта управления субъекту.

Таким образом, понятие «управление» можно определить как целенаправленное, властное регулирующее воздействие вышестоящего субъекта управления на нижестоящий объект управления, которое осуществляется в целях достижения определенного полезного результата.

Исходя из вышесказанного, для того, чтобы раскрыть дефиницию «государственное управление» необходимо сформулировать основные признаки, принципы, а также раскрыть элементы, которые являются составными частями данного понятия.

К признакам, которые наиболее полно бы раскрывали суть государственного управления мы можем отнести следующее:

1. Масштабность, то есть распространенность управляющего воздействия на все общество;

2. Властный характер. Органы государственного управления осуществляют свою деятельность от имени государства что выражается в возможности принимать решения и устанавливать обязательные для исполнения всеми членами общества правила поведения. Сам по себе властный характер государственного управления является необходимым условием для обеспечения порядка и стабильности в обществе;

3. Для эффективного решения стоящих перед государством задач органы государственного управления также вправе использовать в своей управленческой деятельности все имеющиеся в их распоряжении ресурсы: материальные, интеллектуально-кадровые, финансовые, социальные, информационные, демографические и т.д.;

4. Органическая целостность. Государственное управление обладает целостностью, гибкостью и

устойчивой структурой, оптимальной и эффективной системой внешних и внутренних коммуникаций, предписанным алгоритмом функционирования, выраженных в нормативных правовых актах [9, с. 22].

5. Публичность предполагает открытость и явность описания процесса принятия различных решений и предоставление информации о деятельности органов государственного управления.

6. Легитимность, в свою очередь, представляет собой признание государственной власти народом страны (внутренняя легитимность) и другими государствами (их организациями) на международной арене (внешняя легитимность) [2, с. 10]. Она также означает, что государственные органы и должностные лица действуют в строгом соответствии с конституцией и законами, принятыми на территории государства.

Все вышеназванные признаки в той или иной степени позволяют индивидуализировать понятие «государственного управления», что является обязательным для его самостоятельного существования в рамках правовой теории.

В качестве основных принципов формирования системы государственного управления Кудряшова Л.В. выделяет: принцип разделения властей, принцип комплементарности, принцип субсидиарности, принцип суверенности, принцип демократизма, принцип гомогенности [4, с. 11].

Принцип разделения властей заложен в статье 10 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Данное положение является одной из основополагающих идей, представляющее собой гарантию существования конституционной демократии. По своей сути данный принцип имеет сложную структуру и включает в себя ряд других принципов, таких как: принцип федерализма, принадлежности власти в России ее многонациональному народу, а также принцип сдержек и противовесов, обеспечивающий самостоятельность и, в то же время, зависимость одной ветви власти от другой [3].

Принцип комплементарности, в свою очередь, определяет, что различные уровни власти: федеральный, региональный и муниципальный, должны лишь дополнять друг друга при осуществлении своей деятельности и их полномочия не должны накладываться друг на друга. Принцип предопределяет создание условий для равномерного распределения властных функций и полномочий в рамках всей вертикали государственного управления по различным территориальным уровням. Каждый такой уровень должен выполнять только свои функции, определенные соответствующим законом и кооперироваться для сотрудничества с другими уровнями власти для достижения общих целей. Данный принцип также подразумевает, что государственное управление в обязательном порядке должно представлять собой эффективную систему, слаженных органов которые, в ходе осуществления своих властных полномочий также эффективно используют необходимые для решения задач государственного управления ресурсы.

Принцип субсидиарности можно определить как комплекс основополагающих руководящих правил по распределению полномочий и гарантий их реализации, а также ответственности между вышестоящими и нижестоящими уровнями публичного управления, в соответствии с которыми обеспечивается наиболее эффективное и приближенное к населению решение вопросов в рамках сферы конкурирующей компетенции6. То есть, данный принцип означает, что государственное управление должно быть распределено между различными уровнями власти, при этом, в основу такого распределения должна быть положена реальная возможность эффективного решения определенной задачи тем или иным уровнем власти. Также следует сказать, что о принципе субсидиарности можно вести речь в двух плоскостях: вертикальной и горизонтальной. Вертикальная включает в себя распределение властных полномочий между уровнями власти то есть от власти местного уровня к власти государственной, горизонтальная, в свою очередь, предполагает процедуру распределения полномочий уже между ветвями в рамках одного конкретного уровня власти [1, с. 4].

Принцип суверенности является также одной из отличительных черт государства в целом и представляет собой положение о том, что государство имеет абсолютную власть и контроль в пределах своей установленной территории. То есть, государство имеет полное право принимать решения

самостоятельно и действовать в соответствии со своими национальными целями, а также интересами своих граждан при этом, не допуская какого либо внешнего воздействие на свою политику.

Принцип демократизма государственного управления, в первую очередь, означает, что власть подчинена воле народа и, как следствие, она выражаться через избранных этим народом представителей. Данное положение в полной мере закрепляется частью 1 статьи 3 Конституции РФ, в соответствии с которой: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Исходя из сказанного, также можно сделать вывод о том, что принцип демократизма предполагает активное участие граждан в принятии решений государственного и муниципального значения: избрании государственных и муниципальных органов власти, разработке программ территориального развития, базирующихся на овладении механизмами вовлечения общественности в текущие дела региона либо муниципалитета, выделение зон полномочий за организованными на территориях общественными объединениями.

Принцип гомогенности представляет собой положение, при котором обеспечивается сосуществование правовых систем различного уровня, посредством подчинения региональных федеральным, благодаря чему, обеспечивается единство государства и всеобщая подчиненность всех правовых институтов, в том числе и институтов власти основному закону государства.

Важными составляющими государственного управления также являются его субъект и объект, посредством которых и возможно полноценное понимание данной категории.

Субъекты государственного управления – физические и юридические лица, которые непосредственно реализуют возложенные на них управленческие функции, обладая соответствующей компетенцией. Таким образом, к субъектам необходимо отнести органы государственной власти и местного самоуправления; общественные организации, наделенные соответствующими полномочиями, а также граждане, иностранцы и лица без гражданства. В самом общем виде можно сказать, что субъектами государственного управления являются: органы государственной власти, а также и их должностные лица. Главным же субъектом управления, по своей сути, является государство. Оно создает государственный аппарат, который представляет собой определенную совокупность государственных органов осуществляющих свою деятельность в целях реализации национальных задач. Государственный аппарат наделяется определенным властными полномочие и как следствие, становится центральным субъектом государственного управления [8, с. 17].

В качестве признаков субъекта государственного управления можно выделить следующее:

- субъект государственного управления наделен властными полномочиями;
- он обладает определенным территориальным масштабом деятельности;
- обладает своей внутренней организацией;
- в целях реализации возложенных на него задач и осуществления управления использует соответствующие правовые методы.

В результате вышеизложенного можно отметить, что в качестве признаков, характеризующих субъект государственного управления, выступает наделенность его властными полномочиями в целях выполнения задач и функций государства, которые не являются исчерпывающими [6, с. 8].

Объектами государственного управления выступает все то, на что направлено управляющее воздействие субъектов. В самом общем виде можно сказать, что в качестве объектов выступают: человек, в ходе осуществления им своей трудовой деятельности и его взаимодействия с другими людьми и обществом, коллективы и различные объединения людей, а также все общество в целом вместе со всеми процессами, протекающими внутри него. Объектами государственного управления также могут выступать различные сферы жизни государства, к ним можно отнести: социальные, экономические, духовные, политические и так далее. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что объекты управления крайне многообразны и их характер, в каждом конкретном случае, будет определяться характером субъекта управления.

Согласно мнению Н.Ф. Поповой, определение тех или иных целей государственного управления также зависит от конкретной ситуации ввиду широты толкования данного понятия. Исходя из этого, возможно выделить лишь ряд самых общих и в то же время основных целей, к которым относится:

— обеспечение эффективного управленческого воздействия субъектов управления на объекты управления и процессы в экономической, социальной, культурной и административно-политической сферах жизнедеятельности общества с целью обеспечения его стабильности и порядка;

— определение наиболее оптимальной системы, структуры, функций и полномочий органов государственной власти в целях эффективного осуществления ими своей деятельности и дальнейшего их совершенствования.

— создание всех необходимых условий для реализации прав и законных интересов человека и гражданина, а также организаций в сфере деятельности органов государственной власти, защиты их от злоупотреблений, коррупции должностных лиц [7, с. 15].

Таким образом, государственное управление можно определить как сложную систему деятельности государства, направленную на регулирование общественных отношений в различных сферах его жизнедеятельности, осуществление своей индивидуальной политики, поддержание обеспечения функционирования государственного аппарата и координацию его деятельности, в целях решения различных вопросов, в том числе и национальных задач, а также создания необходимых условий для осуществления управляющего воздействия на объекты управления и их последующего взаимодействия.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что государственное управление является крайне специфичной научной правовой категорией, представляющей собой один из видов деятельности государства по реализации его основных задач и функций в целях поддержания существования, как самого государства, так и нормальной жизнедеятельности всего общества.

Список источников

1. Баньковский А. Е. Конституционно-правовые принципы единства и субсидиарности в организации государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2023.

2. Иванов Р. Л. Легитимность государственной власти // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 1 (30). – С. 6–17. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legitimnost-gosudarstvennoy-vlasti.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, и изменениями от 04.10.2022) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

4. Кудряшова Л. В. Основы государственного и муниципального управления. Часть I. Основы государственного управления: учебное пособие. – Томск: ФДО ТУСУР, 2016. – 133 с. – URL: https://edu.tusur.ru/publications/6507.

5. Малышева М. А. Теория и механизмы современного государственного управления: учебно-методическое пособие. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2011. – URL: https://publications.hse.ru/books/74356460.

6. Кудряшова Л. В. Основы государственного и муниципального управления. Часть II. Основы муниципального управления: учебное пособие. – Томск: ФДО ТУСУР, 2016. – 153 с. – URL: https://edu.tusur.ru/publications/6509.

7. Попова Н. Ф. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Г. Ф. Ручкиной. – М.: Юрайт, 2019. – 239 с. – ISBN 978-5-534-09783-2. – URL: https://urait.ru/bcode/428565.

8. Путилов П. Н., Степанов В. Е., Сенин И. Н., Гольтяпина И. Ю., Немирова Т. А. Теория государственного управления: учебное пособие. – М.: Директ-Медиа, 2019. – 130 с. 9. Попова Н. Ф. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Г. Ф. Ручкиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-534-17138-9. – URL: https://urait.ru/bcode/532445.

© Черкасова С.Р., Аверьянова В.Р., 2026

УДК 347.92

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

ИВАНОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА
обучающаяся 3 курса заочной формы обучения по направлению 40.04.01
«Юрист в сфере гражданского, административного и уголовного судопроизводства»
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы разграничения оснований и условий применения обеспечительных мер в гражданском процессе. Проводится анализ норм главы 13 ГПК РФ и разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15. Особое внимание уделяется вероятностной природе оснований (угроза неисполнения решения и причинение значительного ущерба), а также процессуальным условиям, включая соразмерность и связь меры с предметом спора. Обосновывается необходимость соблюдения баланса интересов сторон и снижения рисков злоупотребления процессуальными правами.
Ключевые слова: обеспечительные меры, обеспечение иска, основания применения, условия применения, гражданский процесс, соразмерность, баланс интересов, судебная практика.

GROUNDS AND CONDITIONS FOR THE APPLICATION OF INTERIM MEASURES IN CIVIL PROCEEDINGS

Ivanova Elena Evgenievna

Abstract: The article discusses current issues of distinguishing the grounds and conditions for the application of interim measures in civil proceedings. The analysis of the norms of Chapter 13 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the clarifications contained in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 1, 2023 No. 15 is carried out. Special attention is paid to the probabilistic nature of the grounds (the threat of non-execution of the decision and the infliction of significant damage), as well as procedural conditions, including proportionality and the connection of the measure with the subject of the dispute. The necessity of maintaining a balance of interests of the parties and reducing the risks of abuse of procedural rights is substantiated.
Key words: interim measures, securing a claim, grounds for application, conditions of application, civil procedure, proportionality, balance of interests, judicial practice.

Институт обеспечительных мер выступает фундаментальной гарантией исполнимости судебных актов и реальности судебной защиты. Отсутствие действенного механизма обеспечения приводит к тому, что вынесенное судебное решение, будучи законным и обоснованным, утрачивает свою практическую ценность для правообладателя ввиду невозможности его принудительной реализации. Актуальность настоящего исследования детерминирована отсутствием в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) легальной дефиниции обеспечительных мер, что отличает его от Арбитражного процессуального кодекса РФ. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 (далее – Постановление № 15) позволило унифицировать ряд подходов, однако значительное число теоретических и прикладных проблем остается неразрешенным, в частности, опреде-

ление оснований и условий применения обеспечительных мер в гражданском процессе.

В цивилистической процессуальной доктрине традиционно проводится разграничение между основаниями и условиями применения обеспечительных мер. Основания имеют материально-правовую природу и отражают риски, возникающие у заявителя. Условия же представляют собой формально-процессуальные предпосылки, детерминирующие возможность суда рассмотреть ходатайство по существу.

Под основаниями понимается совокупность юридических фактов, наличие которых предоставляет суду право применить принудительную меру. В соответствии с частью 2 статьи 139 ГПК РФ законодатель дифференцирует два альтернативных основания: угрозу затруднительности или невозможности исполнения судебного акта, а также вероятность причинения заявителю значительного ущерба.

Определяющую роль в интерпретации указанных оснований играют разъяснения, содержащиеся в Постановлении № 15. Согласно пункту 14, для удовлетворения заявления достаточно установления хотя бы одного из предусмотренных законом оснований. При этом суд обязан оценить разумность требований, их взаимосвязь с испрашиваемой мерой, вероятность причинения ущерба и соблюдение баланса интересов сторон [1].

Принципиальное значение имеет указание на вероятностную природу оснований: в силу пункта 15 Постановления обеспечительные меры являются ускоренным средством защиты, что исключает необходимость представления доказательств в объеме, требуемом для разрешения спора по существу. Заявителю достаточно обосновать возможность наступления негативных последствий.

В доктрине данная позиция поддерживается О.Ю. Волченко, которая акцентирует внимание на том, что оценочные категории «затруднительность» и «невозможность» устанавливаются судом посредством определения высокой степени вероятности их существования, поскольку абсолютная достоверность будущих событий на момент обращения недостижима [2, с. 47-48].

Первое из закрепленных оснований – затруднительность или невозможность исполнения судебного акта – в доктрине рассматривается как базовое. И.С. Денисов обоснованно отмечает, что в случае отчуждения или сокрытия должником имущества до возбуждения исполнительного производства механизмы принудительного исполнения становятся неэффективными. Именно поэтому обеспечительные меры призваны сохранить имущественную массу [3, с. 3].

Невозможность представляет собой крайнюю форму затруднительности, при которой исполнение объективно неосуществимо (например, при полном отчуждении имущества). Затруднительность же выражается в существенном усложнении процедуры исполнения, увеличении временных и организационных затрат. Пункт 16 Постановления № 15 уточняет, что угроза неисполнения может подтверждаться как уже совершенными ответчиком действиями (сокрытие имущества, его обесценивание), так и обстоятельствами, которые с высокой долей вероятности наступят в будущем.

Второе основание – предотвращение значительного ущерба – имеет иную функциональную направленность. Если первое основание гарантирует исполнимость судебного акта, то второе нацелено на защиту интересов заявителя от необратимых негативных последствий, возникающих до вынесения решения. Данное основание реализует консервативную функцию обеспечительных мер, позволяя зафиксировать фактическое и юридическое состояние сторон. Оценка значительности ущерба должна быть обоснована заявителем, суд не вправе применять меры при отсутствии доказательств возможности таких последствий.

В доктрине и правоприменительной практике отсутствуют единые количественные критерии «значительности», что порождает правовую неопределенность. Представляется обоснованным подход, согласно которому значительность должна определяться не только через денежное выражение, но и через призму влияния на возможность реализации заявителем своих прав. Для физического лица это может выражаться в невозможности удовлетворения базовых потребностей или исполнения алиментных обязательств. Судебная практика исходит из того, что сам по себе факт предъявления иска о взыскании денежных средств не свидетельствует о значительности ущерба; требуется подтверждение того, что ответчик предпринимает действия, направленные на уклонение от исполнения будущего решения [4].

Оба основания объединены требованием наличия связи испрашиваемой меры с предметом заявленного требования. Пункт 17 Постановления № 15 прямо указывает, что отсутствие такой связи является основанием для отказа в удовлетворении заявления. Данное требование вытекает из акцессорного характера обеспечительных мер: они не могут существовать автономно от основного материального требования. Суд должен устанавливать не формальную, а содержательную связь, при которой мера непосредственно направлена на сохранение того правового блага, которое защищается в рамках основного иска.

Требование связи находит продолжение в принципе соразмерности: согласно пункту 18 Постановления № 15, меры должны быть соразмерны требованиям, в обеспечение которых они принимаются, а арест накладывается в пределах цены иска [1]. Данное положение выступает процессуальным фильтром, предотвращающим создание для ответчика чрезмерных обременений, не соответствующих характеру спора.

Вопрос доказывания оснований представляет отдельную научную проблему. Законодатель не устанавливает исчерпывающего перечня доказательств, что объясняется вероятностной природой оснований. В практике выработан подход, согласно которому заявитель должен представить достаточные доказательства, подтверждающие его обоснованные опасения с учетом поведения ответчика. О.Ю. Волченко отмечает, что границы судебного усмотрения при разрешении данного вопроса законодательно не ограничены, и определение может выноситься как на основе достоверно установленных фактов недобросовестности ответчика, так и при доказанности высокой степени вероятности такого поведения [2, с. 47]. П.Г. Куршаков уточняет, что локальный предмет доказывания включает установление угрозы неисполнения решения и соразмерности меры заявленному требованию, при этом законодательство не очерчивает круг допустимых доказательств, что, с одной стороны, расширяет возможности заявителя, а с другой – создает риски злоупотребления правом [5, с. 526].

Представляется более обоснованной позиция, согласно которой оба основания являются альтернативными, что прямо следует из конструкции части 2 статьи 139 ГПК РФ, где они соединены союзом «или». Они могут существовать как в совокупности, так и по отдельности, однако в каждом случае суд обязан оценить их наличие с учетом конкретных обстоятельств дела.

Для реализации обеспечительных мер недостаточно наличия оснований – необходимо соблюдение ряда процессуальных условий. Условия применения обеспечительных мер представляют собой те процессуальные предпосылки, при наличии которых суд может рассмотреть заявление по существу и принять решение о его удовлетворении или об отказе в таковом.

Первым условием выступает наличие надлежащего субъекта. В соответствии с частью 1 статьи 139 ГПК РФ, правом на обращение обладают лица, участвующие в деле, а также прокурор и органы, обращающиеся в защиту публичных интересов. В доктрине длительное время обсуждается вопрос о праве ответчика инициировать обеспечительные меры. Л.А. Авдеева справедливо указывает, что доктринальные определения зачастую необоснованно сужают круг субъектов, выводя ответчика за рамки части 1 статьи 139 ГПК РФ [6].

Буквальное толкование нормы позволяет утверждать, что ответчик также вправе ходатайствовать о применении мер, хотя на практике он делает это значительно реже истца. Важным аспектом является наличие надлежаще оформленных полномочий у представителя. В отличие от арбитражного процесса, в гражданском процессе для подачи заявления об обеспечении иска специального указания в доверенности не требуется, однако суд обязан проверить статус заявителя.

Следующим условием является соблюдение требований к форме и содержанию заявления. Согласно пункту 20 Постановления № 15, в заявлении должна быть указана конкретная обеспечительная мера. Это отражает действие принципа диспозитивности: суд не вправе принять иную меру, нежели просит заявитель, хотя может удовлетворить заявление в части. Заявитель обязан не просто перечислить меры, но и раскрыть механизм их воздействия на предмет спора, обосновать их необходимость и связь с исковыми требованиями. Отсутствие конкретики может повлечь отказ в удовлетворении заявления.

Условием имущественного характера выступает уплата государственной пошлины. В соответствии с пунктом 15 части 1 статьи 333.19 Налогового кодекса РФ, за подачу заявления об обеспечении

иска установлена пошлина в размере 10 000 рублей [7]. Лица, освобожденные от уплаты пошлины (например, работники по трудовым спорам), от нее освобождаются. Однако фиксированный размер пошлины, не привязанный к цене иска, может ограничивать доступ к правосудию по делам с небольшими суммами требований.

Одним из ключевых условий является соразмерность меры заявленному требованию. Согласно пункту 18 Постановления № 15, арест накладывается в пределах цены иска, а запреты – исключительно в рамках заявленного требования. Соразмерность не означает полного тождества меры и требования; она предполагает оценку соотносимости защищаемого интереса, стоимости имущества и имущественных последствий запрета. Л.А. Авдеева подчеркивает, что обеспечительные меры, создавая условия для защиты прав истца, могут иметь негативные последствия для ответчика, вплоть до материальных убытков до вынесения решения [6]. Поэтому принцип соразмерности выступает инструментом предотвращения необоснованного ограничения прав ответчика.

В.И. Букарева обращает внимание на оценочный характер данного критерия и необходимость конкретизации доказательств «необходимости» мер, поскольку судебное усмотрение может привести к непредсказуемости решений [8, с. 153]. Суд должен балансировать интересы сторон, учитывая в том числе интересы третьих лиц и публичные интересы.

Институтом, обеспечивающим баланс интересов, является встречное обеспечение. Согласно статье 146 ГПК РФ, суд по ходатайству ответчика вправе потребовать от истца обеспечить возможные убытки ответчика. Данный институт выполняет компенсаторную функцию. Н.П. Незамесов отмечает, что механизм баланса интересов включает право на обжалование определения, встречное обеспечение и компенсацию убытков при отказе в иске [9, с. 154]. Встречное обеспечение осуществляется путем внесения средств на депозит суда, предоставления банковской гарантии или поручительства.

Важно подчеркнуть, что в гражданском процессе это право, а не обязанность, и реализуется исключительно по инициативе ответчика. Суд не вправе требовать встречного обеспечения самостоятельно. Если при принятии мер суд не потребовал встречного обеспечения, ответчик вправе обратиться с таким ходатайством позднее. Однако на практике ответчики редко пользуются этим правом из-за недостаточной информированности или сложности оценки будущих убытков.

Шестым условием является требование о связи меры с предметом спора. Как отмечалось, пункт 17 Постановления № 15 прямо указывает на необходимость такой связи. А.В. Юдин отмечает, что после принятия Постановления № 15 практика изменилась: если ранее суды отказывали при совпадении меры с предметом иска, то теперь соразмерность не исключает такого совпадения с учетом характера правоотношений [10, с. 35]. Суд должен устанавливать содержательную связь, при которой мера направлена на сохранение защищаемого блага. Одновременно это условие ограничивает возможность злоупотребления правом, поскольку отсутствие связи может свидетельствовать о недобросовестности заявителя.

Седьмым условием является возможность принятия мер на любой стадии процесса. Часть 2 статьи 139 ГПК РФ допускает обеспечение иска во всяком положении дела. Согласно пункту 12 Постановления № 15, заявление, поданное после возбуждения производства, рассматривается в день поступления без извещения лиц; если же оно подано одновременно с иском, то рассматривается после вынесения определения о принятии иска к производству. Особенностью гражданского процесса является отсутствие института оставления заявления об обеспечении иска без движения, что отличает его от арбитражного процесса.

Восьмым условием является возможность принятия мер в период приостановления производства по делу. Пункт 5 Постановления № 15 разъясняет, что обеспечительные меры могут быть приняты и в период приостановления производства, а рассмотрение соответствующих заявлений осуществляется без возобновления производства. Это важная гарантия защиты прав заинтересованных лиц даже при временной остановке процесса.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что основания и условия применения обеспечительных мер образуют сложный правовой механизм. Основания (угроза неисполнения и значительный ущерб) имеют вероятностную природу и требуют обоснования, но не полного доказывания. Усло-

вия (наличие субъекта, форма заявления, госпошлина, соразмерность, встречное обеспечение, связь с предметом спора, стадийность) выступают процессуальными фильтрами, не допускающими необоснованного ограничения прав ответчика.

Оценочный характер многих условий порождает риск судебного усмотрения и неоднородность практики. Анализ судебной практики показывает, что суды нередко исходят лишь из размера исковых требований, не оценивая в должной мере интересы ответчика. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, конкретизации критериев соразмерности и стандартов доказывания, что в конечном счете послужит реализации конституционного права на судебную защиту и обеспечению реальности судебных актов.

Список источников

1. О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 8. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/.

2. Волченко О. Ю. Обеспечение иска в гражданском процессуальном праве России и Германии: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2013. – 192 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/obespechenie-iska-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave-rossii-i-germanii.

3. Денисов И. С. Институт обеспечения иска в российском гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – СПб., 2006. – 19 с.

4. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 06.02.2020 по делу № 33-3-840/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Куршаков П. Г. Основания обеспечения иска в гражданском и арбитражном процессах // Вестник науки. – 2023. – Т. 1, № 6 (63). – С. 525–529.

6. Булатских М. М., Шумских Д. В. Проблемы применения обеспечительных мер в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10-3 (49). – URL: https://sciup.org/problemy-primenenija-obespechitelnyh-mer-v-grazhdanskom-processe-170186875.

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/.

8. Букарева В. И. Особенности обеспечительных мер в гражданском процессе // Молодой ученый. – 2025. – № 52 (603). – С. 152–154.

9. Незамесов Н. П. Некоторые вопросы использования судебной дискреции в обеспечении иска в гражданском и арбитражном процессах // Молодой ученый. – 2024. – № 42 (541). – С. 155–158. – URL: https://moluch.ru/archive/541/118420.

10. Юдин А. В. Совпадение обеспечительных мер с заявленными исковыми требованиями: проблемы допустимости // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2024. – № 4. – С. 31–41.

© Е.Е. Иванова

УДК 347.615

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

МЕЛИКЯН ОЛЬГА АРГАМОВНА
студент 3 курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна,
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Аннотация: В статье раскрываются нормативные правовые аспекты алиментных обязательств как приоритетного института семейного права. Автором проведен ретроспективный анализ российского законодательства, регулирующего алиментные правоотношения. Особое внимание уделяется вопросам юридической ответственности родителей, уклоняющихся от исполнения алиментных обязательств.
Ключевые слова: алименты, алиментные обязательства, содержание ребенка, юридическая ответственность за неуплату алиментов на содержание детей.

ALIMONY OBLIGATIONS IN FAMILY LAW

Melikyan Olga Argamovna

Scientific adviser: Kafiatulina Alla Vladimirovna

Abstract: The article reveals the normative legal aspects of the study of alimony obligations as a priority institution of family law. The author conducted a retrospective analysis of the Russian legislation regulating alimony legal relations. Special attention is paid to the issues of legal responsibility of parents who evade alimony obligations.
Key words: alimony, alimony obligations, child support, legal liability for non-payment of child support.

Актуальность исследования обусловлена тем, что Конституция Российской Федерации провозглашает, что дети – важнейший приоритет государственной политики России. Часть 2 ст. 38 Основного закона России предусматривает установление обязанности родителей в сфере обеспечения заботы о несовершеннолетних детях. С 25.05.2025 г. в России реализуется Федеральный закон от 29.05.2024 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [5], определяющий формирование реестра злостных неплательщиков алиментов. Управлением Федеральной службы судебных приставов по Ивановской области за 2024 г. было заведено 519 разыскных дел (454 в 2023 г.) о розыске должника по алиментарным обязательствам. При этом, заметим, что всего у судебных приставов-исполнителей находилось 2 730 разыскных дел [13]. Таким образом, актуальность исследования обусловлена неуклонным ростом числа лиц, не исполняющих алиментные обязанности в

отношении детей; ростом числа рассматриваемых судебных дел о взыскании алиментов и возбуждаемых исполнительных производств; постоянным обновлением законодательства, устанавливающего меры по борьбе с указанными явлениями.

Целью научной статьи является исследование алиментных обязательств в семейном праве.

Русская Правда впервые устанавливает нормы, предусматривающие алиментные обязательства. В соответствии со ст. 95 Пространной Русской Правды, после смерти отца дочери обеспечиваются приданным. Основным условием реализации названной нормы является наличие у такой дочери живых братьев [12]. Статья 106 правового акта устанавливала последствия неисполнения обязанности по уходу и содержанию матери – невозможность вступления в права наследства. Исходя из сказанного, следует, что Русская Правда впервые определила условия по развитию института алиментных обязательств путем детализации полномочий совершеннолетних детей по уходу и содержанию родителей.

Псковская грамота в ст. 53 определяла следующее правило: сын лишался права на наследство в том случае, если отказывался от обеспечения своим родителям полноценного ухода и содержания. Как следует из сказанного, правовой источник определял начала формирования алиментных обязательств; устанавливал меры ответственности в случае неисполнения обязанностей по уходу и содержанию родителей.

Дальнейшее формирование института алиментных обязательств связано с разработкой и принятием Соборного уложения 1649 года. В соответствии со ст. 9 главы XVI, престарелые родственники вправе были передать свои поместья родственникам при условии, что они должны были содержать таких престарелых родственников («до живота кормить») [16]. Однако, как следует из названной правовой нормы, если родственники не выполняют своих обязанностей, то поместье возвращается прежним владельцам.

Впервые алиментные обязательства были закреплены в Артикуле Воинском 1715 г. В соответствии с артикулом 176 на холостого человека возлагалась обязанность по содержанию, как внебрачного ребенка, так и его матери [14].

Сводом законом Российской империи также раскрывался правовой статус алиментных обязательств. В соответствии со ст. 172 Свода законов, родители должны были содержать детей, рожденных в официальном браке; согласно ст. 132.4 Свода, отец обязуется содержать внебрачных детей до достижения совершеннолетнего возраста [17].

Обратим внимание, что Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года предусматривал основания для наступления уголовной ответственности совершеннолетних детей, отказывающихся от исполнения обязанности по содержанию своих родителей, т.е. выплате пособия, исчисляемого исходя из материального положения [18]. Основным наказанием за отказ от реализации названной обязанности являлся арест сроком до 3 месяцев.

В советском законодательстве также были установлены правила по материальному содержанию детей. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19.12.1917 г. «О расторжении брака» [6] (далее - Декрет), Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [7] (далее - Кодекс 1918 года) не раскрывали содержания понятия «алиментное обязательство». Однако, п. п. 8 и 9 Декрета рассматривают два варианта разрешения алиментных обязательств, либо путем заключения соглашения, либо в судебном порядке, если такое соглашение не заключено.

В соответствии с гл. III Кодекса 1918 г., на родителей возлагается обязанность по обеспечению пропитанием и содержанию своих детей, не достигших совершеннолетнего возраста. При этом, размер такого содержания определяется исходя из материального положения родителей.

Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке», содержит положения по поводу обеспечения содержанием родителей своих детей (п. п. 42, 48-50) [8]. Согласно рассматриваемому правовому акту, на родителей возлагалась обязанность по содержанию несовершеннолетних и нуждающихся нетрудоспособных детей (п. 42); исчисление величины алиментного обязательства производилось с учетом материального положения родителя (п. 48).

Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 11.06.1928 г. «О мероприятиях, обеспечивающих реальное взыскание алиментов» детализировало обязанности, возложенные на алиментодателя [9]. К числу

названных обязанностей, советский законодатель относил обязательность уведомления о смене места жительства и места работы; об увеличении размера заработной платы и иного вида источника доходов. Нарушение названных обязательств влекло за собой наступление уголовной ответственности. Исходя из сказанного, следует, что советский законодатель предусматривал установление жестких обязанностей, что позволяло создать условия для нормального жизнеобеспечения несовершеннолетних детей.

Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 определяло минимальный уровень алиментов на содержание ребенка, что создавало предпосылки по формированию условий для нормального жизнеобеспечения несовершеннолетних и их развитию [10].

Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. определяет правовой механизм реализации алиментных обязательств [11]. Отличительной особенностью Кодекса является установление минимальной величины алиментов на несовершеннолетнего ребенка. Рассматриваемое правило обеспечило в советский период развития России создание условий по нормальному жизнеобеспечению несовершеннолетних детей и их развитию.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что дети относятся к высшему приоритету государственной политики Российской Федерации; ч. 1 ст. 7 Основного закона России гарантирует каждому право на достойную жизнь [1]. Статья 38 Конституции РФ провозглашает, что родители обязуются выполнять функцию по воспитанию несовершеннолетних детей.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) регламентирует правовые основы возникновения алиментных обязательств, категорию субъектов, выступающих в качестве получателей алиментов, механизм исчисления алиментов, а также основания для признания лица в качестве алиментополучателя [3]. СК РФ регулирует вопросы заключения соглашения об уплате алиментов; изменения величины алиментов в виду ухудшения материального положения алиментодателя. СК РФ характеризуется наличием алиментных обязательств по отношению к детям.

Кодифицированными нормативными правовыми актами определены составы административных правонарушений и преступлений за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителем обязанности по уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

Кодексом Российской Федерации об административных правоотношениях (далее –КоАП РФ) определен состав административного правонарушения – неуплата средств на содержание детей (ст. 5.35.1) [2]. Условием наступления ответственности является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности в двухмесячный и более срок, исчисляемый со дня возбуждения исполнительного производства; отсутствие уважительных причин, обусловивших неуплату алиментов.

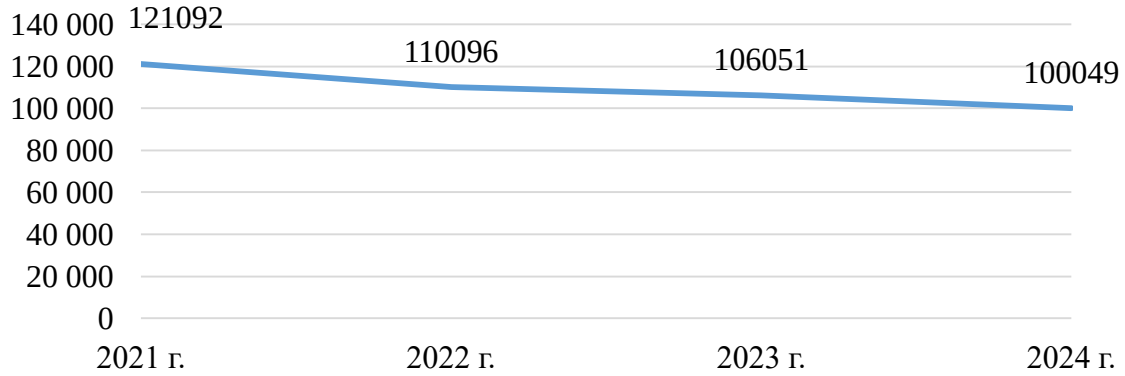


Рис. 1. Рассмотрено административных дел, предусмотренных ст. 5.35.1 КоАП РФ [15]

В Российской Федерации с 2021 г. уменьшается количество совершенных плательщиками алиментов правонарушений, предусмотренных ст. 5.35.1 КоАП РФ. Так, в 2024 г. судами рассмотрено 100 049 административных дел, что на 5,66 % меньше, чем в 2023г.

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) сформирован состав преступления – неуплата средств на содержание ребенка (ст. 157) [4].

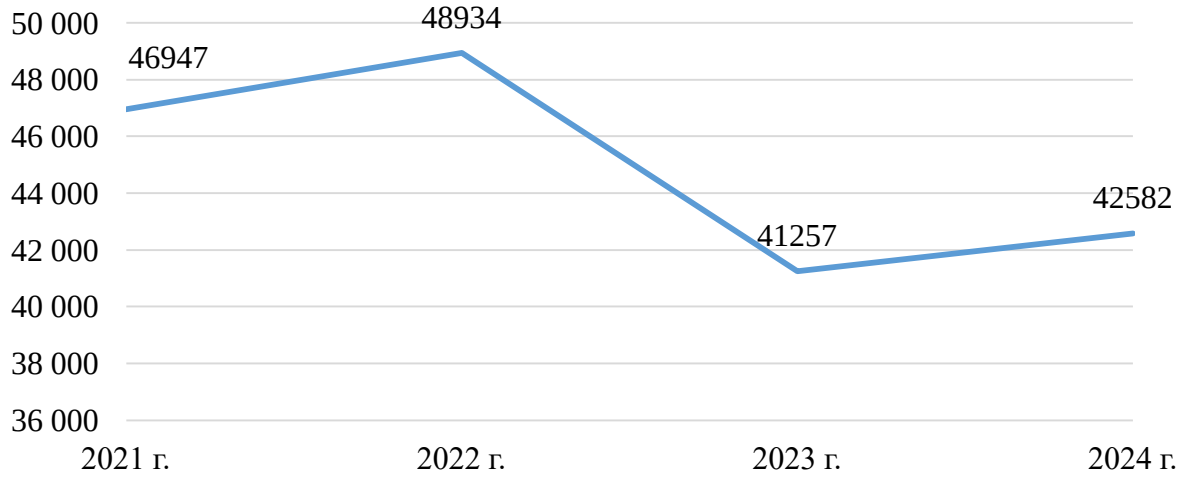


Рис. 2. Рассмотрено уголовных дел, предусмотренных ст. 157 УК РФ [15]

Согласно данным, отраженным на рисунке 2, следует, что пик зафиксированных преступлений приходится на 2022 г., что обусловлено увеличением безработицы по причине санкционного давления недружественных стран, повлекшего банкротство физических и юридических лиц. В 2024 г. количество преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ увеличилось на 3,21 % и составило 42 582 преступления. Основным видом уголовного наказания, назначаемого судами, являются исправительные работы.

Резюмируя вышесказанное, следует, что алиментное обязательство – семейные правоотношения, в соответствии с которыми один из членов семьи (ребенок или родитель) может потребовать предоставления ему материального содержания в форме алиментов. В советский период впервые в законодательстве появилось понятие «алименты». Нормативно-правовыми актами раскрывается порядок взыскания с родителей или совершеннолетних детей алиментов, а также установлены минимальные размеры алиментов, исчисляемые в зависимости от численности детей, на которых выплачиваются алименты.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с изм. от 04.10.2022) // Российская газета. – 2022. – 6 октября.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 29.05.2024 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 23 (часть I). – Ст. 3052.
6. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19.12.1917 г. «О расторжении брака» // СУ РСФСР. – 1917. – № 10. – Ст. 152.
7. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. – 1918. – № 76-77. – Ст. 818.
8. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // СУ РСФСР. – 1926. – № 82. – Ст. 612.
9. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 11.06.1928 «О мероприятиях, обеспечивающих реальное взыскание алиментов» // СУ РСФСР. – 1928. – № 68. – Ст. 487.

10. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. – 1936. – № 34. – Ст. 309.

11. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) // Ведомости ВС РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1397.

12. Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. – 430 с.

13. Аналитическая справка о результатах работы Управления Федеральной службы судебных приставов по Ивановской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://r37.fssp.gov.ru/deyatelnost/analitik (10.10.2026).

14. Артикул воинский 26.04.1715 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008 (10.10.2026).

15. Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cdep.ru/?id=79 (10.10.2026).

16. Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/57791500 (10.10.2026).

17. Свод законов Российской Империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://civil.consultant.ru/code/?ysclid=mkp5291jmg8683821 (10.10.2026).

18. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543888 (10.10.2026).

УДК 343.985.7

СЛУЧАИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕТОДЫ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

КОЧНЕВА ВИКТОРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА,
СЛАБОЖАНИНА ЮЛИЯ ГЕОРГИЕВНА
студенты
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологии»

Научный руководитель: Чанышева Венера Ахсановна
к.т.н., доцент
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологии»

Аннотация: в статье рассматриваются методы расследования киберпреступлений на примере инцидентов с «Яндекс.Едой» и ГАС «Правосудие». Анализируются особенности цифровых следов, их фиксации и оценки, а также необходимость подтверждения выводов процессуально полученными доказательствами.
Ключевые слова: киберпреступность, цифровая криминалистика, цифровые следы, компьютерно–техническая экспертиза, персональные данные, расследование, информационная безопасность.

CASES OF CYBERCRIME AND METHODS OF THEIR INVESTIGATION

Kochneva Victoria Evgenyevna,
Slabozhanina Yulia Georgievna,

Scientific adviser: Chanysheva Venara Akhsanovna

Abstract: this article examines methods for investigating cybercrimes, using incidents involving «Yandex.Eda» (Yandex.Food) and the GAS «Pravosudie» (State Automated System «Justice») as case studies. It analyzes the specific characteristics of digital traces–including how they are recorded and evaluated – as well as the necessity of substantiating investigative conclusions with evidence obtained in accordance with procedural requirements.
Key words: cybercrime, digital forensics, digital traces, computer-technical expertise, personal data, investigation, information security.

Распространение цифровых сервисов сопровождается противоправными действиями, совершаемыми с использованием информационных систем и сетей связи. Они могут быть направлены непосредственно против компьютерной информации и инфраструктуры либо представлять собой традиционные преступления, совершаемые с применением цифровых технологий. Термин «киберпреступление» используется как обобщающее обозначение, однако юридическая квалификация определяется обстоятельствами конкретного дела и соответствующими нормами законодательства.

Расследование таких деяний осложняется удалённым характером действий, распределённостью цифровой инфраструктуры и размещением данных у разных организаций и в различных юрисдикциях. Цель настоящей статьи – рассмотреть публично описанные инциденты и систематизировать методы обнаружения, сохранения и анализа цифровых следов.

Материалами исследования послужили сообщение компании «Яндекс» об утечке данных клиен-

тов сервиса «Яндекс.Еда», публикация «Интерфакса» о ходе расследования данного инцидента, а также материалы СМИ, основанные на отчёте Счётной палаты РФ о состоянии ГАС «Правосудие». Для правового контекста использованы Уголовный кодекс РФ, Уголовно–процессуальный кодекс РФ и федеральные законы об информации и персональных данных. Применялись анализ источников, сопоставление сообщений и обобщение методов цифровой криминалистики.

Для аналитических целей киберпреступления можно условно разделить на три группы: деяния против компьютерной информации и систем; традиционные преступления, совершаемые с применением цифровых технологий, например дистанционное мошенничество; использование интернет–платформ как среды коммуникации или распространения запрещённого контента. Данная классификация носит описательный характер и не заменяет уголовно–правовую квалификацию.

К распространённым способам совершения таких деяний относятся фишинг и социальная инженерия, использование вредоносного программного обеспечения, атаки на доступность сервисов, эксплуатация уязвимостей и злоупотребление легитимным доступом. В зависимости от обстоятельств могут применяться нормы главы 28 УК РФ о преступлениях в сфере компьютерной информации, нормы о мошенничестве и другие положения уголовного закона. При расследовании также необходимо учитывать требования УПК РФ и законодательства о защите информации и персональных данных [1–4].

В марте 2022 года компания «Яндекс» сообщила, что в открытом доступе оказались телефонные номера клиентов «Яндекс.Еды» и сведения об их заказах. По заявлению компании, банковские, платёжные и регистрационные данные пользователей в утечку не попали [5]. В декабре 2022 года «Яндекс» сообщил «Интерфаксу», что утечка произошла в результате атаки на стороннюю инфраструктуру хостинга, где размещались виртуальные машины, имевшие доступ к внутренней системе сервиса. По информации публикации, было возбуждено уголовное дело, а компания получила статус потерпевшей [6].

Публичные сообщения компании о механизме произошедшего различались: первоначально публикация данных связывалась с недобросовестными действиями сотрудника, позднее – с атакой на стороннюю инфраструктуру. Без доступа к материалам расследования разрешить это расхождение невозможно. Для установления обстоятельств необходимо сопоставлять журналы доступа, сведения хостинг–провайдера, конфигурацию систем и временную последовательность событий. Таким образом, данный пример показывает необходимость проверки не только внутренних систем организации, но и внешней инфраструктуры, через которую осуществляется доступ к информационным ресурсам.

7 октября 2024 года произошёл масштабный сбой, затронувший сайты российских судов и сервисы, связанные с ГАС «Правосудие». В публикации «Коммерсанта», основанной на отчёте Счётной палаты РФ, говорится, что в результате киберинцидента была утрачена возможность контролировать ГАС «Правосудие», а консолидированная база данных, содержавшая более 89 млн судебных актов, вероятно, была утрачена. При этом источник подчёркивает вероятный характер этой оценки. Также отмечались техническая устарелость системы и длительный период отсутствия внешней проверки безопасности сайтов [7].

Эти данные показывают, к чему привел инцидент, но сами по себе не дают возможности определить виновного и не раскрывают все технические подробности атаки. При расследовании подобных событий необходимо сохранять журналы событий, анализировать конфигурации и уязвимости, восстанавливать последовательность действий и проверять заявления о причастности. Одного публичного заявления от неизвестной группы о том, что она признает свою ответственность, недостаточно, чтобы считать это установленным фактом.

Когда разбирают случаи, в которых кто–то незаконно получает доступ к чужим аккаунтам и затем оформляет на имя владельца финансовые обязательства, особенно полезны журналы входов, сведения о смене контактных данных и восстановлении доступа, данные от операторов связи, банков и микрофинансовых организаций, а также информация с цифровых устройств. Если сравнить временные отметки с финансовыми операциями, можно восстановить последовательность событий.

Процессуальные действия и технические методы должны применяться комплексно. Осмотр позволяет зафиксировать состояние оборудования и цифровых ресурсов; обыск и выемка при наличии предусмотренных законом оснований обеспечивают получение носителей и документов; запросы опе-

раторам связи, банкам и владельцам платформ позволяют получить сведения, отсутствующие непосредственно на исследуемом устройстве. При необходимости назначается компьютерно–техническая экспертиза [8].

Типовой процесс цифрового исследования включает следующие этапы: фиксацию источника данных, времени и условий их получения; сохранение исходных данных и создание копий носителей; проверку целостности копий с помощью контрольных хеш–сумм; анализ файловой системы, журналов событий, истории браузера, данных приложений и удалённых файлов; при наличии оснований – исследование оперативной памяти и сетевого трафика; сопоставление цифровых артефактов с данными операторов связи, финансовых организаций и других источников; документирование применённой методики, ограничений и результатов.

В цифровой криминалистике используются средства создания образов носителей, анализа файловых систем и журналов, исследования сетевого трафика и оперативной памяти. Выбор конкретного инструмента зависит от поставленной задачи и правовых оснований доступа. При этом сама программа не гарантирует достоверность результата: важны корректность методики, сохранность исходных данных и возможность воспроизвести выводы.

Установление личности предполагаемого злоумышленника требует оценки совокупности признаков. IP–адрес или отдельный сетевой след сами по себе не позволяют автоматически отождествить пользователя с конкретным человеком, поскольку могут использоваться динамическая адресация, VPN, прокси, общие сети или чужие учётные данные. Поэтому сетевые сведения необходимо сопоставлять с журналами авторизации, данными устройств, платёжными операциями, перепиской и информацией провайдеров.

При расследовании операций с криптовалютой анализ публичных транзакций может помочь установить движение средств, однако идентификация владельца адреса требует дополнительных данных. Аналогично метаданные файлов и сведения из открытых источников могут определить направления проверки, но не заменяют подтверждение другими доказательствами. Эффективность расследования зависит от своевременного взаимодействия следственных подразделений, специалистов, операторов связи, финансовых организаций и владельцев информационных систем.

Генеративные нейросети могут использоваться для предварительного поиска направлений исследования, составления плана и систематизации информации. Однако сравнение ChatGPT, YandexGPT и Qwen нельзя считать полноценным экспериментом без сохранённых запросов, дат тестирования, критериев оценки, исходных ответов и процедуры независимой проверки. Поэтому в рамках настоящей статьи вывод о превосходстве одного сервиса над другим не делается.

Полученные с помощью ИИ сведения о законодательстве, статистике, датах, суммах ущерба и ходе расследований должны проверяться по первичным документам и надёжным источникам. Нейросетевой ответ является вспомогательным материалом и не может рассматриваться как самостоятельное подтверждение факта.

Рассмотренные материалы показывают, что расследование киберинцидентов требует сочетания процессуальных и технических методов. Инцидент с «Яндекс.Едой» демонстрирует необходимость проверки внешней инфраструктуры и критического отношения к первоначальным версиям произошедшего. Ситуация с ГАС «Правосудие» показывает значение устойчивости государственных информационных систем, резервирования и регулярной оценки защищённости.

В целом качественное расследование предполагает своевременную фиксацию цифровых следов, сохранение целостности данных, документирование применённых методов и подтверждение выводов несколькими независимыми источниками. Отдельный IP–адрес, метаданные или публичное заявление о причастности не позволяют без дополнительной проверки установить виновность конкретного лица. Генеративные нейросети могут ускорять предварительную аналитическую работу, но результаты их использования требуют обязательной верификации.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс: справочно–правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 26.10.2026).

2. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс: справочно–правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 26.10.2026).

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 26.06.2026) // КонсультантПлюс: справочно–правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 26.10.2026).

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152–ФЗ «О персональных данных» (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс: справочно–правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 26.10.2026).

5. Служба безопасности «Яндекс.Еды» сообщила об утечке информации // Яндекс: официальный сайт. 01.03.2022. URL: https://yandex.ru/company/news/01–03–2022 (дата обращения: 26.10.2026).

6. «Яндекс.Еда» признана потерпевшей по делу об утечке данных клиентов // Интерфакс. 21.12.2022. URL: https://www.interfax.ru/russia/878055 (дата обращения: 26.10.2026).

7. Корня А. «Правосудие» выглядит устаревшим: Счетная палата усомнилась в перспективах главной судебной информационной системы // Коммерсантъ. – 2025. – 19 мая. – № 86/П. – С. 3. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7734610 (дата обращения: 26.10.2026).

8. Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике: монография. – М.: Проспект, 2022. – 176 с. – ISBN 978-5-392-36806-8. – URL: https://books.yandex.ru/books/AtY6v2fq (дата обращения: 26.10.2026).

© В.Е.Кочнева, Ю.Г.Слабожанина, 2026

УДК 347.1

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

СЕРГУН ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права, философии и социологии
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена цивилистическому анализу правовой природы цифрового рубля и определению его места в системе объектов гражданских прав в условиях цифровизации экономического оборота. На основе сопоставления материально-правовых и технологических характеристик нового расчетного инструмента в работе приведены доводы в пользу его нормативного закрепления в качестве разновидности имущественных прав, включая преемственность обязательственной природы безналичных денежных средств и создание основы для исполнения смарт-контрактов. Одновременно с этим выявлен ряд доктринальных вопросов текущей правовой модели. Отдельное внимание уделено специфике привлечения Банка России к гражданско-правовой ответственности за технические сбои на платформе, а также нормативному сужению сферы обращения цифрового рубля как законного платежного средства. В заключении констатируется комплексный межотраслевой характер исследуемого института, сочетающий в себе частноправовые начала и публично-правовые методы государственного администрирования.
Ключевые слова: цифровой рубль, объекты гражданских прав, гражданско-правовая природа, безналичные денежные средства, Банк России, платформа цифрового рубля, смарт-контракт, гражданско-правовая ответственность.

THE DIGITAL RUBLE IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: PROBLEMS OF DETERMINING ITS LEGAL NATURE

Sergun Evgeny Petrovich

Abstract: This article is devoted to a civil law analysis of the legal nature of the digital ruble and the determination of its place within the system of objects of civil rights amidst the digitalization of economic commerce. Based on a comparative analysis of the substantive and technological characteristics of this new settlement instrument, the author presents arguments in favor of its statutory recognition as a type of property rights (choses in action), highlighting the continuity of the obligational nature of book-entry (cashless) funds and the creation of a foundation for the execution of smart contracts. Concurrently, the study identifies several doctrinal issues within the current legal model. Particular attention is paid to the specifics of holding the Bank of Russia liable under civil law for technical failures on the platform, as well as to the statutory narrowing of the circulation scope of the digital ruble as legal tender. The article concludes by establishing the comprehensive, cross-sectoral nature of the institution under study, which combines private law principles with public law methods of state administration.
Keywords: digital ruble, objects of civil rights, civil law nature, cashless funds, Bank of Russia, digital ruble platform, smart contract, civil liability.

Цифровая трансформация экономических отношений в последние годы и развитие технологий распределенного реестра потребовали оперативного нормативного правового регулирования, заметным этапом которого стало обновление российского гражданского законодательства. Так, Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] внесен значимый пакет изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ [2]). Ключевой новеллой стало включение в систему объектов гражданских прав цифрового рубля (ст. 128 ГК РФ). Комплексный характер реформы проявился в актуализации Федерального закона «О национальной платежной системе» [3] и сопутствующих законодательных актов [4], юридически оформивших статус цифрового рубля как третьей формы национальной валюты (хотя по этому поводу существуют научные разногласия [5, с. 11]) наряду с наличными и безналичными деньгами.

Появление нового института гражданского права и одновременное отсутствие единого концептуального подхода к определению правовой природы цифрового рубля обострили дискуссию в отечественной цивилистике [6, с. 239]. Легальной дефиниции понятия «цифровой рубль» на данный момент не существует, а формулировки действующих нормативных правовых актов носят преимущественно функционально-прагматический характер. Например, в Положении Банка России «О платформе цифрового рубля» [7] акцент сделан на регулировании порядка совершения расчетных операций, на определении статуса участников и пользователей платформы, а также на регламентации процедур доступа к счетам цифрового рубля. Это оставляет открытыми доктринальные вопросы о том, является ли цифровой рубль объектом обязательственного права, вещью sui generis в цифровой форме или специфическим публично-правовым титулом.

Важное место в научном осмыслении занимает специфика гражданско-правовой ответственности в условиях однозвенной системы расчетов, где оператором платформы является непосредственно Центральный банк Российской Федерации. Исключение из цепочки коммерческого банка как традиционного посредника создает проблему определения механизма привлечения регулятора к ответственности перед пользователями в случае технологических сбоев, утраты данных или необоснованной блокировки счетов цифрового рубля. Актуальное правовое регулирование лишь частично очерчивает контуры этих правоотношений, смещая их в плоскость публичного администрирования, что вступает в конфликт с принципом юридического равенства участников гражданского оборота.

Обусловленная двойственной природой цифрового рубля концептуальная неоднозначность порождает в науке гражданского права полярные оценки сложившегося законодательного регулирования. Доктринальная аргументация варьируется от поддержки интеграции новой формы валюты в систему объектов гражданских прав как необходимого условия для развития российской цифровой экономики до содержательной критики, указывающей на правовую неопределенность рассматриваемого феномена и риски неадекватного отражения его технологической специфики посредством традиционного цивилистического инструментария.

Аргументация в пользу признания цифрового рубля самостоятельным объектом гражданских прав опирается на необходимость адаптации частноправового регулирования к новым экономическим реалиям. Приведем основные, на наш взгляд, доводы в рамках данной научной позиции.

1. Эволюция и преемственность гражданско-правовой категории «деньги (валюта)» (ст. 140 ГК РФ).

Цивилистика исторически демонстрирует успешную адаптивность к меняющимся экономическим процессам. Переход от вещной природы наличных денег к природе безналичных денежных средств в качестве прав требования кредитора к кредитной организации в денежном обязательстве также сопровождался научными дискуссиями (впрочем, не стихающими до настоящего времени [8, с. 154]), но завершился юридическим признанием их объектного статуса. Появление цифрового рубля в качестве специфичной формы национальной валюты – закономерный этап продолжающейся эволюции, отражающий трансформацию юридической природы денег в условиях цифровизации гражданского оборота. Сущность денег в гражданском праве определяется не физическим или цифровым субстратом, а их социально-экономической функцией универсального эквивалента, правовой режим которого должен

обеспечиваться в том числе институтами частного права.

2. Обеспечение правовой определенности и системной защиты участников гражданского оборота.

Любое экономическое благо, вовлекаемое в массовый оборот и используемое в качестве средства платежа, не может существовать вне правового поля. Интеграция цифрового рубля в систему объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) исключает правовой вакуум и институционально распространяет на владельцев данной формы валюты базовые юридические гарантии. Это обеспечивает возможность применения законных способов защиты прав, адаптированных к специфике цифровой платформы, беспрепятственного включения цифровых рублей в наследственную массу и в состав совместно нажитого имущества супругов, а также задействования классических мер гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств.

3. Обязательственно-правовая природа и концептуальное сходство с безналичными денежными средствами.

Правоотношения по поводу цифрового рубля конструируются через традиционную цивилистическую призму прав требования, несмотря на технологические особенности платформы. Наличие остатка на счете цифрового рубля наделяет пользователя платформы правом требования кредитора к оператору – Банку России. Данный подход демонстрирует юридическое родство с природой безналичных денег, где обязательственное право требования обращено к коммерческому банку. Статус публичного регулятора как должника в данном обязательстве не меняет частноправовой сути самого требования, что оправдывает совместное нахождение указанных дематериализованных форм денежных средств в рамках единой системы объектов гражданских прав.

4. Установление правовых границ и обособление от иных цифровых активов.

Специфика цифровой экономики требует сепарации правовых режимов суверенных платежных инструментов и частных суррогатов (например, Bitcoin, Ethereum). Включение цифрового рубля в ст. 128 ГК РФ в качестве разновидности имущественных прав [9, с. 43] позволяет разграничить данный правовой феномен, цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ) и цифровую валюту в контексте Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» [10]. В отличие от децентрализованной цифровой валюты, которая не имеет единого обязанного лица и статуса законного платежного средства цифровой рубль эмитируется исключительно государством, имеет гарантированную нарицательную стоимость и обеспечен обязательствами Банка России. Гражданско-правовое закрепление этого статуса исключает смешение официального платежного средства с высокорисковыми частными криптоактивами, подчеркивая их принципиально разную юридическую природу.

5. Создание гражданско-правовой основы признания и исполнения смарт-контрактов.

Развитие цифрового оборота требует автоматизации транзакций и минимизации человеческого фактора при исполнении сделок. Технологическая природа цифрового рубля позволяет закладывать логику исполнения гражданско-правовых обязательств непосредственно в программный код платформы посредством механизмов автоматизированного исполнения или установления целевого назначения денежных средств. Без признания цифрового рубля самостоятельным объектом гражданских прав автоматизированные расчеты оставались бы техническими алгоритмами вне правового регулирования. Интеграция новой формы платежных средств в цивилистическую парадигму позволяет квалифицировать действия программного кода на платформе как правомерные, обеспечивая стабильность и защищенность цифровых сделок.

Вместе с тем для обстоятельного анализа следует привести доктринальные контраргументы, указывающие на несовместимость правового режима цифрового рубля с традиционной архитектурой объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), а также на преимущественно публично-правовую и технологическую природу исследуемой категории.

1. Нарушение логики устоявшейся классификации объектов гражданских прав.

Отечественная цивилистика традиционно выстраивала классификацию денег по бинарной модели: вещи (обладающие свойством абсолютной заменимости – наличные деньги) и права требования (безналичные денежные средства как обязательственные права). Цифровой рубль, сочетая в себе не-

типичные признаки, нарушает эту дихотомию. Специфическая кодификация каждого цифрового рубля создает доктринальную видимость его сближения с индивидуально-определенным имуществом, но при этом он существует исключительно в форме электронных записей. Искусственное отнесение данного правового инструмента к категории безналичных денежных средств нарушает концептуальную согласованность ст. 128 ГК РФ и размывает границы между вещными, обязательственными и цифровыми институтами частного права. Как подчеркнул А. В. Габов, «рациональная, адекватная, логичная система объектов гражданских прав – это одна из основ для построения релевантной системы гражданского права в целом» [11, с. 63].

2. Превалирование публично-правового метода регулирования и размывание предмета гражданского права.

Частноправовое регулирование традиционно базируется на принципах юридического равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников (ст. 1 ГК РФ). Однако правовой режим цифрового рубля фактически подчинен императивному администрированию со стороны Центрального банка Российской Федерации. Отношения на платформе конструируются не на паритетных началах, а с применением элементов метода власти и подчинения: оператор в одностороннем порядке устанавливает правила, тарифы, лимиты, а также обладает полномочиями по приостановлению доступа и блокированию счетов цифрового рубля. Доминирование публично-правового элемента свидетельствует о том, что цифровой рубль выступает преимущественно инструментом государственной денежно-кредитной политики и финансового контроля, а не классическим объектом частного права.

3. Модификация института банковского счета в пользу ведомственного регулирования.

Договор счета цифрового рубля, получивший лишь рамочное (бланкетное) закрепление в гл. 45 ГК РФ [12] (согласно п. 7 ст. 845 ГК РФ), лишен классических цивилистических признаков свободного соглашения сторон. Его условия в императивном порядке предопределены ст. 30.8 Федерального закона «О национальной платежной системе» и приложением к письму Банка России «О направлении новой редакции договора счета цифрового рубля» [13]. Стороной договора счета цифрового рубля является Банк России, открывающий цифровой счет на платформе цифрового рубля, при этом обратиться непосредственно к Банку России с предложением об открытии счета могут только кредитные организации и Федеральное казначейство [14, с. 433]. Действующий законодательный запрет на кредитование в цифровых рублях и начисление процентов на остаток средств, равно как и ограничение роли коммерческих банков функциями технических посредников (участников платформы), выводит данный институт из классической гражданско-правовой модели финансовых обязательств.

4. Специфика механизма гражданско-правовой ответственности в условиях однозвенной системы расчетов.

Архитектура платформы цифрового рубля выявляет пробел в теории гражданско-правовой ответственности. При расчетах наличными или безналичными денежными средствами ответственность за неисполнение обязательств распределена между субъектами гражданского права (ст. 395 ГК РФ, гл. 45 ГК РФ). Но на платформе цифрового рубля традиционная двухзвенная система трансформируется в однозвенную схему отношений между пользователем и Банком России. В случае технологического сбоя, некорректной работы программного кода смарт-контракта или утраты данных возникает доктринальный парадокс: привлечение Центрального банка Российской Федерации к стандартной гражданско-правовой ответственности нормативно ограничено. В частности, ссылки на императивный запрет на начисление процентов на остаток цифровых рублей (ч. 4 ст. 30.8 Федерального закона «О национальной платежной системе») могут использоваться для оспаривания возможности применения к Банку России как юридическому лицу мер ответственности по ст. 395 ГК РФ (путем отождествления природы процентов как платы за пользование и как меры ответственности). Это размывает принцип паритета участников оборота и обусловлено уникальным публично-правовым статусом Банка России, совмещающего функции регулятора и оператора платформы.

5. Несоответствие цифрового рубля статусу абсолютного платежного средства.

Согласно п. 1 ст. 140 ГК РФ рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации. Однако применитель-

но к цифровому рублю законодатель установил существенные изъятия из общего правила: обязанность по его приему в рамках нормативного регулирования защиты прав потребителей вводится поэтапно, зависит от объема выручки субъектов предпринимательской деятельности и исключается при отсутствии технической возможности доступа к сети Интернет или сотовой связи в месте нахождения торгового объекта (абз. 5–7 п. 1 ст. 16.1 Закона РФ «О защите прав потребителей» [15] в редакции Федерального закона от 23.07.2025 № 248-ФЗ [16]). Наличие подобных нормативных ограничений на оборот и прием данной формы валюты свидетельствует о том, что цифровой рубль на современном этапе не обладает свойством абсолютной и всеобщей ликвидности, являясь обособленным инструментом суверенной информационной расчетной инфраструктуры.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что цифровой рубль представляет собой комплексный межотраслевой институт. В его правовом режиме переплетены частноправовые элементы (обязательственные права требования участников оборота к оператору, использование в качестве средства платежа в сделках) и императивные публично-правовые начала (эмиссионная и технологическая монополия Банка России, а также жесткий финансовый контроль на платформе). Данная специфика нивелирует возможность однозначной квалификации рассматриваемой формы национальной валюты только через традиционные категории частного либо публичного права.

Действующая модель законодательного закрепления цифрового рубля в качестве объекта гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) носит прагматический, компромиссный характер. Законодатель минимизировал масштаб нормативных изменений, стремясь оперативно обеспечить гражданский оборот новым цифровым инструментом и распространить на участников правоотношений устоявшийся механизм защиты гражданских прав. Однако такой правотворческий шаг оставил нерешенным ряд отмеченных научно-практических проблем.

Представляется, что внедрение цифрового рубля в гражданский оборот и формирование репрезентативной судебной практики позволят выявить скрытые несовершенства правового регулирования, а правоприменительный опыт предопределит вектор дальнейшего развития отечественного законодательства в исследуемой области.

Список источников

1. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 10.06.2026 № 167-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

3. О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (в ред. от 04.08.2026 № 283-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ (в ред. от 15.12.2025 № 477-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

5. Василевская, Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему / Л. Ю. Василевская // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 1 (194). – С. 9–19.

6. Недров, А. А. Правовая природа цифрового рубля / А. А. Недров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 236–252.

7. О платформе цифрового рубля (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий») : Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П (ред. от 07.04.2026) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454540/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

8. Крылов О. М. Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирование в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – Т. 15, № 4 (58). – С. 153–158. – URL: https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/205.

9. Грызыхин, А. С. К вопросу о правовой природе цифрового рубля / А. С. Грызыхин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 21, № 2. – С. 41–48.

10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (в ред. от 04.08.2026 № 283-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

11. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав / А. В. Габов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 4 (125). – С. 55–65.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025 № 178-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

13. Договор счета цифрового рубля : приложение к письму Банка России «О направлении новой редакции договора счета цифрового рубля» : применяется с 1 июля 2026 г. // ГАРАНТ : [справочно-правовая система]. – URL: https://base.garant.ru/414331403/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

14. Вакулина, Г. А. Цифровой рубль как категория гражданского права / Г. А. Вакулина // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 3. – С. 431–439.

15. О защите прав потребителей : Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 28.12.2025 № 500-ФЗ) // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510534/ (дата обращения: 29.10.2026). – Текст : электронный.

© Е.П. Сергун, 2026

УДК 347.9

СПОРЫ О ЖИЛИЩНЫХ ПРАВАХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

МАТЮНИНА АНАСТАСИЯ АНТОНОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Борисова Виктория Федоровна,
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: в настоящей статьи рассматриваются особенности судебной защиты жилищных прав военнослужащих в порядке гражданского судопроизводства. Анализируются основные формы жилищного обеспечения, предусмотренные законодательством о статусе военнослужащих, выделяются типичные категории споров и определяются критерии разграничения гражданского и административного судопроизводства при их рассмотрении. Автором делается последовательный вывод о том, что специфика данной категории дел обусловлена сочетанием публично-правовых и частноправовых начал.
Ключевые слова: гражданский процесс; жилищные права военнослужащих; статус военнослужащих; служебное жилое помещение; накопительно-ипотечная система; судебная защита.

DISPUTES CONCERNING HOUSING RIGHTS OF MILITARY PERSONNEL

Matyunina Anastasia Antonovna

Scientific adviser: Borisova Victoria Fedorovna

Abstract: this article examines the specifics of judicial protection of housing rights of military personnel in the course of civil proceedings. The main forms of housing provision provided for by the legislation on the status of military personnel are analysed; typical categories of disputes are identified, and the criteria for distinguishing between civil and administrative proceedings in their consideration are defined. The author draws a consistent conclusion that the specificity of this category of cases is due to the combination of public-law and private-law principles.
Keywords: civil procedure; housing rights of military personnel; status of military personnel; service residential accommodation; savings-and-mortgage system; judicial protection.

Право на жилище относится к категории фундаментальных социальных прав человека и гражданина, закрепленных в ст. 40 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем для граждан, проходящих военную службу, реализация данного права имеет выраженную специфику, обусловленную особым публично-правовым статусом военнослужащих. Военная служба представляет собой особый вид государственной службы, связанный с выполнением обязанностей по защите Отечества, что заставляет законодателя устанавливать систему повышенных социальных гарантий и компенсаций за ограничения отдельных прав и свобод.

В ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих» закреплена государственная гарантия военнослужащим на обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо

предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленным федеральным законодательством и иными нормативными правовым актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета. Данное право реализуется путем предоставления служебного жилья, жилья по договору социального найма, жилищных субсидий, а также посредством накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения, действующей на основе Федерального закона от 20 августа 2004 г. №117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

Как отмечает С.И. Каребина данному праву военнослужащих соответствуют определенные обязанности государства, муниципальных органов, связанные с предоставлением военнослужащим жилых помещений и пользованием ими этими помещениями [2, С. 149].

Выступая на коллегии Министерства обороны РФ в конце 2024 года Президент РФ В.В. Путин отметил, что «социальные гарантии военнослужащих, их семей должны постоянно укрепляться, развиваться. Это важнейшая системная задача государства. За последние годы в этой сфере многое сделано, только в текущем году обеспечены жильем свыше 55 тысяч военнослужащих, а в ближайшие три года на предоставление жилищных субсидий военнослужащим планируется направить еще 113 миллиардов рублей». Глава государства также подчеркнул, что высокую эффективность демонстрирует накопительная ипотечная систем, за 20 лет работы которой было обеспечено жильем свыше 202 тысяч военнослужащих Вооруженных Сил РФ [1].

Необходимо отметить, что категория жилищных споров, стороной в которых выступает военнослужащий является одной из наиболее часто встречающихся в отечественной судебной практике. Так, превалирующее большинство споров связаны с признанием факта нуждающимися в жилье, признанием права на предоставление жилого помещения определенной площади, оспаривания права отказа на принятии на учет, снятии с учета, выселения из служебных помещений, сохранения права пользования жильем после увольнения. Специфика данной категории дел заключается в том, что судам, как правило, приходится устанавливать не только фактические обстоятельства, но и соответствие действий органов военного управления нормативным требованиям.

Для верного толкования природы жилищных споров необходимо учитывать двойственный характер соответствующих отношений. С одной стороны, предоставление жилья военнослужащим осуществляется государством в рамках публично-правовых обязательств, реализуется через решения уполномоченных органов военного управления и носит властный характер. С другой стороны, после принятия решения о предоставлении жилья возникают гражданско-правовые отношения, основанные на договоре социального найма, найма служебного помещения, купли-продажи или ипотеки. Следовательно, одни и те же жилищные притязания могут быть облечены в форму спора о праве, подлежащего разрешению в исковом порядке, либо в форму оспаривания решения должностного лица, подлежащего рассмотрению по правилам административного судопроизводства.

Наиболее распространенную группу составляют споры о признании военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях и принятии на жилищный учет. Спорные ситуации возникают при определении состава семьи, учете жилой площади, находящейся в собственности супруга или иных лиц, оценке действий по отчуждению жилья.

Следующую группу образуют споры об объеме и условиях предоставления жилья. К ним относятся требования о предоставлении жилого помещения определенной площади по установленным нормам, о предоставлении жилья по месту службы или в избранном после увольнения населенном пункте, о соответствии предлагаемого помещения санитарным и техническим требованиям, об учете права на дополнительную площадь. Отдельное место занимают споры, связанные с пользованием служебными жилыми помещениями, прежде всего иски о выселении военнослужащих и членов их семей. Дела о выселении требуют от суда тщательной проверки статуса проживающих, оснований вселения, продолжительности службы, наличия иных жилых помещений.

Как подчеркивают Т.В. Малеева и О.Л. Соколова, в жизни военнослужащих проблема обеспечения жильем имеет не только особое значение, но и иной характер, требует особых подходов к формированию, распределению и использованию материальных и финансовых ресурсов на эти цели [3, С. 150]. Так, значительную часть жилищных дел в последние годы составляют споры, вытекающие из

участия военнослужащих в накопительно-ипотечной системе. Они касаются включения в реестр участников, определения даты возникновения основания для включения, правильности учета накоплений, размера и выплаты денежных средств при увольнении, использования средств для погашения ипотечного кредита.

И.О. Цурик заключает, что проблемы, возникающие при доказывании в спорах о вещных правах военнослужащих на жилые помещения, и неспособность решить поставленные задачи, приводят к снижению качества правосудия, подрывая доверие военнослужащих к судебной власти. Минимизация шаблонных подходов в формировании судом доказательственной базы при разрешении жилищных споров военнослужащих с учреждениями военного ведомства сократит случаи пересмотра судебных решений и ошибок в применении норм материального и процессуального права [4, С. 132].

Подводя итог, можно отметить, что споры о жилищных правах военнослужащих представляют собой самостоятельную и многочисленную категорию гражданских дел с участием военнослужащих, особенности которых обусловлены сложностью системы жилищного обеспечения, сочетанием публично-правовых и частноправовых элементов, участием органов военного управления в качестве ответчиков.

Список источников

1. На жилищные субсидии военным за три года направят еще 113 миллиардов рублей // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/997916 (дата обращения 14.10.2026).
2. Каребина С.И. Проблема жилищного обеспечения военнослужащих и способы ее разрешения // Вестник магистратуры. 2019. №3-2 (90). С. 149-151.
3. Малеева Т.В., Соколова О.Л. Накопительно-ипотечная система как инновационная форма реализации механизма социально-экономической защиты военнослужащих // Kant. 2016. №4 (21). С. 148-153.
4. Цурик И.О. Вещные права военнослужащих и членов их семей на жилые помещения. Проблемы и особенности доказывания // Образование и право. 2020. №7. С. 129-133.

УДК 340

МНИМАЯ ОБОРОНА И СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ (СТ. 108 УК РФ)

ШЕСТОПАЛОВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА
студент, магистрант
СибУПК

Научный руководитель: Достовалов Сергей Александрович
кандидат юридических наук, доцент,
СибУПК

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы разграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) со смежными составами – убийством в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) и убийством при «мнимой обороне». На основе анализа судебной статистики за 2024–2025 гг. и материалов конкретных уголовных дел (приговор Тейковского районного суда Ивановской области, апелляционное определение Оренбургского областного суда) выявляются устойчивые ошибки правоприменения, связанные с игнорированием субъективного состояния обороняющегося и формальной оценкой соразмерности. Обосновывается необходимость смещения акцента с объективного сопоставления орудий на анализ психоэмоционального контекста действий лица в момент посягательства. Предлагаются критерии, позволяющие отграничить эксцесс обороны от аффективного и «мнимого» причинения смерти.
Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов, ст. 108 УК РФ, мнимая оборона, аффект, субъективная сторона, квалификация убийства, судебная практика.

MIMIC DEFENSE AND THE STATE OF AFFECT: PROBLEMS OF QUALIFICATION WHEN EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE (ART. 108 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Shestopalova Ekaterina Valerievna

Scientific adviser: Dostovalov Sergey Aleksandrovich

Abstract: The article examines the problems of distinguishing murder committed while exceeding the limits of necessary defense (Part 1 of Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation) from related offenses – murder in a state of affect (Article 107) and murder under "imaginary defense." Based on the analysis of judicial statistics for 2024–2025 and specific criminal case materials, the author identifies persistent law enforcement errors related to ignoring the subjective state of the defender and the formal assessment of proportionality. The necessity of shifting the focus from an objective comparison of weapons to an analysis of the psycho-emotional context of the person's actions at the moment of attack is substantiated. Criteria are proposed to distinguish the excess of defense from affective and "imaginary" causing of death.

Keywords: necessary defense, exceeding limits, Article 108 of the Criminal Code, imaginary defense, affect, subjective side, qualification of murder, judicial practice.

Статья 108 УК РФ традиционно относится к числу «каучуковых» норм, применение которых сопряжено с устойчивыми сложностями. Санкция ч. 1 ст. 108 УК РФ предусматривает до двух лет лишения свободы, что само по себе свидетельствует о признании законодателем особого психологического контекста деяния: лицо, отражающее посягательство, действует в условиях дефицита времени и высокой стрессовой нагрузки.

Однако статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ демонстрируют тревожную тенденцию. В 2024 году по ч. 1 ст. 108 УК РФ осуждено 143 человека, оправдано – 8, что составляет 5,3% от числа осуждённых по данной норме [6]. Для сравнения: средний показатель оправдательных приговоров по всем составам УК РФ не превышает 0,2–0,3%. В 2025 году число осуждённых сократилось до 106 человек, при этом доля реального лишения свободы составила 6,6%, ограничения свободы – 56,6%, исправительных работ – 12,3%. Снижение абсолютных цифр может объясняться как изменением криминогенной обстановки, так и осторожностью судов при квалификации содеянного по ст. 105 УК РФ в случаях, допускающих альтернативное толкование.

Показательно, что значительная часть дел, первоначально квалифицированных по ч. 1 ст. 105 УК РФ, впоследствии переквалифицируется либо завершается вынесением приговора по более мягкой норме. Это косвенно подтверждает наличие системной проблемы: следственные органы и суды первой инстанции нередко оценивают действия обороняющегося «post factum», в спокойной обстановке, утрачивая способность реконструировать субъективное восприятие угрозы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении ст. 108 УК РФ со смежными составами. Убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) и убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) имеют принципиально различные основания смягчения ответственности: в первом случае – физиологический аффект как временное расстройство психики, во втором – социально одобряемая цель защиты при превышении допустимых средств. Смешение этих оснований, а также квалификация содеянного по ст. 105 УК РФ при наличии признаков «мнимой обороны», приводит к ошибкам, имеющим далеко идущие последствия для правоприменительной практики [4].

Цель настоящей работы – выявление типичных ошибок квалификации, возникающих при разграничении ст. 108, 107 и 105 УК РФ, и обоснование критериев, позволяющих учитывать субъективное состояние обороняющегося без ущерба для принципа законности.

Под «мнимой обороной» в доктрине уголовного права понимается ситуация, когда лицо добросовестно заблуждается относительно наличия посягательства, тогда как в действительности оно отсутствует либо уже прекращено. По общему правилу, причинение вреда при добросовестном заблуждении не влечёт ответственности, если лицо не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения. Однако если при этом превышены пределы допустимой защиты, вопрос приобретает дискуссионный характер.

Показательна в этом отношении позиция, сформулированная в апелляционном определении Оренбургского областного суда от 30 апреля 2026 года по делу ФИО1. Осуждённый, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, после телефонного конфликта ожидал встречи с двумя мужчинами, один из которых ранее высказывал ему претензии. Видеозапись с камеры наблюдения зафиксировала, что между ударом, нанесённым одним из прибывших, и ответным ударом ножом прошло **три секунды [8]**. Суд апелляционной инстанции указал: «Объективных доказательств, указывающих на наличие угрозы жизни и здоровью ФИО1 со стороны Свидетель №1 и ФИО8 в ходе произошедшего конфликта не имеется… Действия ФИО10 и ФИО8 не являлись неожиданными для ФИО1, который ожидал их в условленном месте после словесной ссоры».

Этот вывод вызывает возражения с точки зрения психологии восприятия угрозы. Тот факт, что конфликт был ожидаем, не отменяет внезапности **физического насилия**. Человек, готовящийся к словесному выяснению отношений, не обязательно прогнозирует немедленное нанесение ударов. Трёхсе-

кундный интервал между первым ударом и ответным действием обороняющегося – величина, недостаточная для рационального расчёта соразмерности. Суд, однако, использовал именно этот временной отрезок как доказательство отсутствия состояния обороны.

Более сбалансированный подход прослеживается в приговоре Тейковского районного суда Ивановской области от 21 апреля 2026 года по делу ФИО7. Суд отверг версию подсудимой о том, что потерпевший замахивался на неё кочергой, указав на непоследовательность её показаний и отсутствие кочерги в месте обнаружения трупа. При этом суд отдельно проанализировал вопрос о состоянии аффекта: «ФИО7 вплоть до самого момента нанесения ударов ножом ФИО2 совершала последовательные и целенаправленные действия… какого-либо насилия, издевательства, которые бы могли повлечь возникновение у ФИО7 состояния сильного душевного волнения, приведшего к нанесению ею ему описанных в обвинении ударов, ФИО2 не совершал». Суд также отметил, что потерпевший находился в состоянии тяжёлого алкогольного опьянения (концентрация этанола в крови 9,1‰), что объективно исключало возможность совершения им активного посягательства [7].

В обоих случаях суды столкнулись с необходимостью оценить субъективную сторону деяния. В деле ФИО7 отказ от квалификации по ст. 108 УК РФ представляется обоснованным: отсутствие реального посягательства и последующее сокрытие следов (замывание крови, умолчание о причастности) свидетельствуют скорее о попытке избежать ответственности, чем о добросовестном заблуждении. В деле ФИО1, напротив, факт нанесения ударов двумя лицами зафиксирован видеозаписью, а трёхсекундная реакция с использованием ножа при сломанной правой руке указывает на оборонительный характер действий, пусть и с превышением допустимого вреда.

Смешение ст. 107 и ст. 108 УК РФ – одна из наиболее распространённых ошибок квалификации. Внешне обе нормы описывают убийство при смягчающих обстоятельствах, однако их правовая природа различна.

Таблица 1

Разграничение ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УК РФ

Критерий	Ст. 107 УК РФ (аффект)	Ч. 1 ст. 108 УК РФ (эксцесс обороны)
Источник смягчения	Физиологический аффект (временное расстройство психики)	Социально одобряемая цель (защита от посягательства)
Наличие посягательства	Не обязательно	Обязательно (реальное или мнимое)
Направленность умысла	На причинение смерти в состоянии аффекта	На защиту от посягательства
Характер действий	Хаотичные, импульсивные	Оборонительные, но с превышением соразмерности
Поведение потерпевшего	Противоправное или аморальное, вызвавшее аффект	Общественно опасное посягательство

Как видно из таблицы, ключевое различие лежит в плоскости направленности умысла. При аффекте лицо действует под влиянием эмоционального взрыва, вызванного поведением потерпевшего, но не обязательно с целью защиты. При эксцессе обороны лицо осознанно стремится пресечь посягательство, однако избирает средства, явно не соответствующие характеру и опасности нападения.

В деле ФИО7 суд установил, что подсудимая нанесла удар ножом в шею после того, как потерпевший «стал на неё наскакивать, лезть драться». Однако её последующие действия – мытьё ножниц, сокрытие окровавленной одежды, заявление соседям о непричастности – свидетельствуют об отсутствии как аффективного состояния, так и оборонительной мотивации. Суд обоснованно квалифицировал содеянное по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Иная картина просматривается в материалах дела ФИО1. Согласно его показаниям, он «закрывал сломанной правой рукой лицо, одновременно пытаясь отбиться от двух агрессивно настроенных парней», а удар нанёс «наотмашь, без умысла ударить кого-то конкретно… чтобы его перестали бить».

Если эти показания соответствуют действительности, речь идёт не об аффекте и не об умысле на убийство, а о превышении пределов необходимой обороны. Однако суд отверг эту версию, сосредоточившись на локализации раны и характеристике орудия, – что само по себе является формальным критерием, не исчерпывающим субъективную сторону.

Таблица 2

Динамика судебной практики по ч. 1 ст. 108 УК РФ (2024–2025 гг.) [6]

Показатель	2024 год	2025 год	Изменение
Осуждено	143	106	–25,9%
Оправдано	8 (5,3%)	– (2,75%)*	–
Реальное лишение свободы	11 (7,7%)	7 (6,6%)	–1,1 п.п.
Ограничение свободы	63 (44,1%)	60 (56,6%)	+12,5 п.п.
Исправительные работы	22 (15,4%)	13 (12,3%)	–3,1 п.п.
Условное лишение свободы	3 (2,1%)	0 (0,0%)	–2,1 п.п.

Данные таблицы 2 позволяют сделать несколько наблюдений. Во-первых, абсолютное число осуждённых по ст. 108 УК РФ невелико, что контрастирует с количеством дел, первоначально квалифицированных по ст. 105 УК РФ (4 042 осуждённых по ч. 1 ст. 105 в 2024 году). Это означает, что значительная часть дел о причинении смерти при защите от посягательства либо переквалифицируется на стадии следствия, либо завершается осуждением по более тяжкой норме. Во-первых, доля реального лишения свободы остаётся стабильно низкой (менее 8%), что свидетельствует о признании судами особого характера деяния. В-третьих, рост доли ограничения свободы с 44,1% до 56,6% может указывать на поиск судами альтернатив лишению свободы, однако не решает главной проблемы – высокой латентности ошибок квалификации на досудебных стадиях.

В научной литературе неоднократно высказывалась идея о необходимости законодательного закрепления «презумпции страха» – положения, согласно которому лицо, подвергшееся внезапному нападению, не может быть обязано к точному расчёту соразмерности ответных действий. Эта идея восходит к работам дореволюционных криминалистов и сохраняет актуальность в современной доктрине [5].

Правоприменительная практика, однако, движется в противоположном направлении. Суды нередко сопоставляют орудия нападения и защиты механически: если нападавший действовал руками, а обороняющийся применил нож, это автоматически трактуется как превышение. Такой подход игнорирует несколько существенных обстоятельств.

Во-первых, физическое неравенство. В деле ФИО1 нападавших было двое, при этом обороняющийся имел сломанную правую руку (рабочую, поскольку он левша). Использование ножа в такой ситуации может рассматриваться не как избыточная жестокость, а как единственное доступное средство, способное уравнять шансы.

Во-вторых, внезапность и дефицит времени. Трёхсекундный интервал, зафиксированный видеозаписью, исключает возможность рациональной оценки угрозы. Человек в состоянии острого стресса действует на уровне рефлексов, и требование к нему «соразмерить» удар ножом с ударом кулаком представляет собой требование, невыполнимое в реальных условиях.

В-третьих, последующее поведение. ФИО1 после нанесения удара оказал потерпевшему первую помощь, вызвал скорую, добровольно выдал нож. Это поведение не характерно для лица, действовавшего с умыслом на убийство, и скорее свидетельствует о том, что смерть явилась неожиданным для него последствием оборонительных действий.

Суд апелляционной инстанции, однако, оставил приговор без изменения, указав на отсутствие «объективных доказательств» угрозы. Этот аргумент уязвим с методологической точки зрения: субъективное восприятие угрозы по определению не имеет объективных доказательств. Требование подтвердить страх «объективными данными» равносильно отказу от учёта субъективной стороны преступления.

Статистика по ст. 108 УК РФ демонстрирует устойчиво низкую долю реального лишения свободы (6–8%), что подтверждает признание судами особого характера деяния. Однако высокая доля дел, завершающихся осуждением по ст. 105 УК РФ, косвенно указывает на системные ошибки квалификации на досудебных стадиях.

Разграничение ст. 107 и 108 УК РФ должно проводиться не по внешним признакам (наличие или отсутствие конфликта), а по направленности умысла: при аффекте лицо не ставит цели защиты, при эксцессе обороны – ставит, но превышает допустимые средства.

Мнимая оборона требует особенно осторожной оценки, добросовестное заблуждение относительно наличия посягательства исключает ответственность, если лицо не могло осознавать ошибочность своего предположения. Перенос бремени доказывания «объективности» угрозы на обороняющегося противоречит принципу презумпции невиновности.

Список источников

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) //КонсультантПлюс. Код доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 23.10.2026)

2. Джаббарова Э. Ф. Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 80–83. – URL: https://moluch.ru/archive/435/95257/.

3. Шутов М. В. Уголовная ответственность за убийство при превышении мер необходимой обороны: вопросы теории и практики // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 4 (85).

4. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025). – URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8306/.

5. Даровских Д. А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны // Российский следователь. – 2010. – № 3. – С. 7–9.Судебная статистика РФ: данные о назначенном наказании по статьям УК за 2024–2025 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 23.10.2026).

6. Приговор Тейковского районного суда Ивановской области от 21 апреля 2026 г. по делу № 1-38/2026 // Судебные акты РФ. Код доступа: https://sudact.ru/regular/doc/qoeDKNPkHn1j/

7. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 30 апреля 2026 г. по делу № 22-901/2026 // Судебные акты РФ. Код доступа: https://sudact.ru/regular/doc/VhvXwFLKNnrl/

УДК 34.342

ПРИРОДА И СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

КУВАЕВА САИДА АСКЕРОВНА
кандидат социологических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии
УДЫЧАК ФАТИМА НУРБИЕВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии, доцент
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Аннотация. Анализ трудов исследователей в области суверенитета выявляет преобладающий интерес к фундаментальным аспектам государственного суверенитета и его целям, при этом вопросы его природы и внутренней структуры остаются недостаточно изученными. Настоящая работа призвана устранить этот пробел, рассматривая правовые механизмы защиты внешней безопасности России как ключевого компонента государственного суверенитета. Традиционная (реалистическая) концепция формирования суверенитета в контексте международных отношений предполагает два компонента, а именно: внутренний и внешний. Под внутренним суверенитетом понимается исключительное право органов государства в области принятия решений, касающихся населения,ресурсного обеспечения в рамках конкретной территории. Говоря о внешнем суверенитете мы подразумеваем статус и идентичность органов государственной власти на международной арене.Иными словами внешний суверенитет это показатель взаимоотношений между независимыми государствами.
Ключевые слова. Право, суверенитет, государство, демократия, Конституция.

THE NATURE AND STRUCTURE OF STATE SOVEREIGNTY

Kuvayeva Saida Askerovna,
Udychak Fatima Nurbiyevna

Abstract. An analysis of the works of researchers in the field of sovereignty reveals a predominant interest in the fundamental aspects of state sovereignty and its goals, while the issues of its nature and internal structure remain insufficiently studied. This work aims to address this gap by examining the legal mechanisms for protecting Russia's external security as a key component of state sovereignty. The traditional (realist) concept of the formation of sovereignty in the context of international relations предполагает two components, namely: internal and external. Internal sovereignty refers to the exclusive right of state bodies to make decisions concerning the population and resource provision within a specific territory. When we talk about external sovereignty, we mean the status and identity of state authorities on the international stage. In other words, external sovereignty is an indicator of the relationship between independent states.
Keywords. Law, sovereignty, state, democracy, Constitution.

В контексте текущей архитектуры международных отношений, государственный суверенитет выступает как основополагающий принцип, определяющий исключительное право государства на самоопределение и полный контроль над своей территорией. Ключевым элементом его функционирования является взаимное признание государств как субъектов международного права, что, в свою очередь, формирует фундамент для обеспечения глобальной стабильности и соблюдения международного пра-

вопорядка. Значительная часть правовых аспектов, касающихся данной формы защиты, уже давно и надежно закреплена в законодательстве, прошла проверку временем на практике и не представляет существенных трудностей ни в теоретическом осмыслении, ни в практической реализации. Однако, возникновение новых вызовов и угроз обусловило потребность в научном обосновании и законодательном закреплении ряда ключевых понятий, играющих важную роль в обеспечении эффективности механизма защиты государственного суверенитета.

Данная идея поддерживается целями и положениями государственного суверенитета, отраженных в международном праве, а именно в Уставе Организации Объединенных наций [1] а также в Декларации о принципах международного права [2],в данных документах суверенитет выступает базовым принципом взаимоотношений между государствами.

В Конституции Российской Федерации закрепляются принципиальные основы суверенитета государства. Согласно Основному закону Российской Федерации единственным источником власти и носителем суверенитета является многонациональный народ; суверенитет Российской Федерации распространяется на всей ее территории; Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации.

Федеральные законы «О стратегическом планировании» и «О безопасности» содержат в себе основные положения о государственном суверенитете.

Правовед Ю.А. Кудрявцев поднимает вопрос устранения законодательного пробела и юридической формализации государственного суверенитета в отдельном нормативном правовом акте. Ученый полагает, что принятие соответствующего нормативного правового акта позволило бы систематизировать разрозненные элементы комплексного понятия, четко определить сферы компетенции и зоны ответственности государственных органов в контексте обеспечения суверенитета, а также установить конкретные механизмы, гарантирующие внутренний и внешний суверенитет Российской Федерации.[3,с.59] Следует подчеркнуть, что данная инициатива содержит в себе положения,которые способны привести к окончанию формирования базовых основ конституционности, обеспечения государственной деятельности по презентации суверенитета во взаимоотношениях с международным сообществом.

Следует полагать, что в указанном документе первостепенное значение должно быть уделено основополагающим принципам государственного суверенитета, а именно: принцип верховенства государственной власти означает, что Российская Федерация обладает исключительными полномочиями в пределах своих границ и самостоятельно устанавливает курс своей внутренней и внешней политики. Органы власти Российской Федерации отстаивают суверенитет, исключением является ситуация при которой государство принимает обязательства международного характера добровольно. Законодательно закреплено, неприкосновенность и целостность территории России являются абсолютно гарантированными. Действия, которые нарушают данные принципы или подрыв национального единства, являются противозаконными и недопустимыми; Российская Федерация придерживается принципа суверенного равенства в своей внешней политике, что означает построение отношений с другими странами на фундаменте полного равноправия, безусловного уважения их суверенитета и строгого отказа от вмешательства во внутренние дела.

Исторические изменения усложняют регулирование споров в отношении территориального суверенитета и границ, в вопросах управления соответствующими территориями.

Государственный суверенитет несет в себе идею создать политическое пространство,в котором принимаются перспективные и долгосрочные меры с целью эффективного развития конкретного территориального образования.

Как показывает практика, изменения в политических концепциях не являются совершенно новыми идеями, а представляют собой конструкции, отражающие прогресс конкретных сообществ,с учетом современности.

Сербский социолог З. Милошевич утверждает, что в современном мире, характеризующемся наличием ядерного оружия, подлинная государственная независимость (суверенитет) присуща исключительно тем странам, которые располагают ядерным арсеналом, то есть обладают нуклеарным суве-

ренитетом.

Подводя итог, важно отметить, что анализ основ защиты и охраны суверенитета обладает важным значением в контексте осознания сложности функционирования международно-правовых отношений.

Исследователи подтверждают факт том, что понятие суверенитета изменилось в условиях современного права. В теории суверенитет содержит в себе такие принципы как, поддержание полного контроля в рамках территории, контроль над людьми, проживающими на ней, свобода от разного рода вмешательств. Однако, с течением времени и развитием науки концепции понимания расширяются и трансформируются в условиях современного общественно-политического устройства.

Список источников

1. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: htpps://www.un.org/ru/about-us/un-charter (дата обращения: 07.05.2026).

2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генер. Ассамблеи ООН 24 окт. 1970 г. // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/2625(XXV) (дата обращения: 07.05.2026).

3. Кудрявцев Ю. А. Государственный суверенитет как основа конституционного строя (к вопросу о необходимости юридической формализации) // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: сборник докладов XIII Московской юридической недели: в 4 ч. – М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – Ч. 3. – С. 58–60.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 376.42

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ПОСРЕДСТВОМ ОПЫТНОЙ РАБОТЫ

ЛАЗУКИНА ТИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: Ануфриенко Елена Владимировна
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Аннотация: Рассматриваются возможности опытной работы в развитии наблюдательности у младших школьников с интеллектуальными нарушениями. Предложены четыре компонента наблюдательности и пять педагогических условий её развития. Раскрыты способы сопровождения наблюдения, приведён пример опыта, определены ориентиры оценки самостоятельности. Представленная теоретическая модель требует экспериментальной проверки.
Ключевые слова: наблюдательность, младшие школьники, интеллектуальные нарушения, опытная работа, педагогические условия, речевое сопровождение.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DEVELOPING OBSERVATION SKILLS IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES THROUGH SIMPLE EXPERIMENTS

Lazukina Tina Vyacheslavovna

Scientific adviser: Anufriaenko Elena Vladimirovna

Abstract: The article examines simple experiments as a means of developing observation skills in primary school children with intellectual disabilities. A theoretical model comprising four components and five pedagogical conditions is proposed. Guided observation, an illustrative experiment and indicators of learner independence are described. The model requires experimental evaluation.
Key words: observation skills, primary school children, intellectual disabilities, simple experiments, pedagogical conditions, verbal support.

Развитие наблюдательности имеет существенное значение для познавательной и практической деятельности младшего школьника: она позволяет замечать изменения в окружающей среде, выделять существенные признаки предметов, сопоставлять их свойства и использовать полученную информацию в действии. Для обучающихся с интеллектуальными нарушениями формирование этих умений приобретает особую значимость, поскольку самостоятельное наблюдение нередко затрудняется

недостаточной целенаправленностью восприятия, трудностями сравнения и необходимостью внешней организации деятельности со стороны педагога.

В связи с этим развитие наблюдательности целесообразно рассматривать не как изолированную тренировку зрительного восприятия, а как специально организованный педагогический процесс, в котором ребёнок постепенно осваивает способ рассматривания объекта, учится замечать изменения, обозначать их доступным способом и использовать результат наблюдения в практической ситуации. Теоретические основания такого понимания прослеживаются в работах отечественных психологов и дефектологов, рассматривавших восприятие, деятельность и обучение как взаимосвязанные стороны развития ребёнка.

С. Л. Рубинштейн подчёркивал, что восприятие определяется не только воздействием объекта на органы чувств, но и целевой установкой, интересами и осмыслением воспринимаемого. Для педагогической организации наблюдения это положение принципиально: ребёнку недостаточно просто смотреть на предмет, ему необходимо понимать, что именно следует заметить и по какому признаку сравнивать объекты или их состояния. Следовательно, наблюдение становится продуктивным тогда, когда оно включено в понятную ребёнку задачу и направляется конкретным вопросом педагога [1].

Особенно отчётливо необходимость такого сопровождения проявляется при работе с обучающимися с интеллектуальными нарушениями. С. Я. Рубинштейн отмечала замедленность и недостаточную дифференцированность восприятия у данной категории школьников, затруднения при обозрении объекта и различении сходных признаков. Поэтому ребёнку требуется больше времени для рассматривания, ограничение количества одновременно предъявляемых стимулов и помощь в выделении того признака, который имеет значение для решения поставленной задачи [2].

Указанные особенности не означают невозможности развития наблюдательности. В. Г. Петрова и И. В. Белякова подчёркивали развивающую роль специально организованного обучения и зависимость достижений ребёнка от содержания и характера педагогической помощи. Это позволяет рассматривать дозированную поддержку не как замену самостоятельного действия, а как средство его постепенного формирования: сначала педагог организует ориентировку, затем сокращает подсказки и предоставляет ребёнку всё большую самостоятельность [3].

Такая логика согласуется с положением Л. С. Выготского о развитии высших психических функций в сотрудничестве со взрослым. В совместной деятельности педагог может сделать доступным тот способ наблюдения, которым ребёнок пока не владеет самостоятельно: обозначить задачу, показать последовательность рассматривания, предложить сравнение и помочь зафиксировать результат. По мере освоения способа действия объём помощи должен уменьшаться, а инициатива всё в большей степени переходить к обучающемуся [4].

Обобщение этих положений позволяет рассматривать наблюдательность как комплексную развиваемую способность, включающую несколько взаимосвязанных сторон. В рамках настоящей работы выделены когнитивный компонент, связанный с представлениями о признаках и свойствах объектов; перцептивный компонент, отражающий направленность рассматривания и способность замечать изменения; аналитико-синтетический компонент, проявляющийся в сравнении, группировке и установлении доступных связей; эмоционально-волевой компонент, включающий интерес к задаче, принятие инструкции и участие в её выполнении. Такое понимание наблюдательности задаёт логику дальнейшего выбора средств её развития.

Одним из таких средств может выступать опытная работа, если она строится как осмысленная деятельность ребёнка, а не как механическое выполнение действий с материалами. А. Н. Леонтьев рассматривал деятельность как систему, в которой мотив, цель действия и условия его выполнения образуют взаимосвязанное единство. С этой позиции простой учебный опыт приобретает развивающий смысл тогда, когда ребёнок понимает, что именно он проверяет, выполняет действие ради получения наблюдаемого результата и соотносит этот результат с исходным вопросом [5].

Поэтому опыт, используемый для развития наблюдательности, должен включать не только предметное действие, но и специально организованное сравнение. Например, при смачивании губки важно не само действие с водой, а сопоставление состояния материала до и после воздействия: сухая — влажная,

лёгкая — более тяжёлая, вода остаётся на поверхности или впитывается. Педагог заранее направляет внимание на существенный признак, а после действия возвращает ребёнка к результату, предлагая обозначить замеченное словом, жестом, выбором карточки или другим доступным способом.

Постепенное усложнение опытной работы связано прежде всего с изменением требований к самостоятельности наблюдения. На начальном этапе целесообразно использовать контрастные признаки, один объект или одно изменяемое условие и короткую инструкцию. Затем можно вводить дополнительный объект, уменьшать контрастность различий, предлагать ребёнку самостоятельно выбрать признак для сравнения. При этом выполнение самого действия ещё не свидетельствует о сформированности наблюдения: важно установить, какое изменение ребёнок заметил и способен ли он использовать полученную информацию в следующей ситуации.

Таким образом, теоретический анализ позволяет перейти от общего понимания наблюдательности к условиям её целенаправленного формирования средствами опытной работы. Эти условия должны одновременно обеспечивать доступность материала, понятность последовательности действий, возможность речевого или иного доступного обозначения результата, поддержание интереса и постепенный перенос освоенного способа наблюдения в новые ситуации.

Прежде всего необходима адаптация предметной среды. Материалы следует располагать в пределах удобного обзора ребёнка, исключая лишние предметы, способные отвлекать внимание. Фон и расположение объектов подбираются так, чтобы изучаемый признак был различим, а используемые инструменты имели понятное назначение. Одновременно педагог обеспечивает безопасность опыта и учитывает сенсорные и моторные возможности конкретного обучающегося.

Следующим условием является поэтапная организация наблюдения. Работа начинается с конкретного вопроса, после чего ребёнок рассматривает объект до воздействия, выполняет действие и вновь обращается к объекту для сравнения. Наглядная последовательность в виде карточек или простых символов помогает удерживать структуру задания. По мере освоения способа действия помощь сокращается: совместное выполнение сменяется показом, краткой подсказкой, а затем самостоятельным действием.

Поэтапность приобретает особую эффективность в сочетании с речевым сопровождением. Слова, обозначающие предметы, свойства и изменения, вводятся непосредственно в момент наблюдения. Вопросы педагога направляют внимание ребёнка: «Какая губка сухая?», «Что изменилось после добавления воды?», «Где вода осталась на поверхности?». При этом форма ответа должна соответствовать возможностям обучающегося: это может быть слово, короткая фраза, жест или выбор карточки. Важно различать самостоятельное обозначение признака и ответ, полученный после прямой подсказки.

Не менее значимо поддержание мотивации и доступная фиксация результата. Практический смысл задания становится понятнее, если опыт связан с жизненной ситуацией, например с выбором материала для вытирания пролитой воды. Результат можно обозначить рисунком, условным знаком, предметной или пиктографической карточкой. Одобрение при этом целесообразно связывать не только с правильным ответом, но и с конкретным действием ребёнка: внимательным сравнением, самостоятельным выбором признака или повторной проверкой результата.

Завершает систему условий организация переноса освоенного способа действия. Для этого педагогам и специалистам важно использовать согласованные обозначения и сходные способы помощи, а затем предлагать ребёнку применить наблюдение в изменённой учебной или бытовой ситуации. Если после опыта с губкой обучающийся способен выбрать подходящий материал для удаления влаги с поверхности, можно говорить не только о запоминании последовательности действий, но и о начале переноса замеченного свойства в практическую деятельность.

Взаимосвязь обозначенных условий можно показать на примере опыта «Какой материал впитывает воду?». На подносе размещают губку и кусок пластика, рядом располагают карточки для фиксации результата. Сначала ребёнок рассматривает сухие материалы и отвечает на направляющие вопросы. Затем на каждый образец добавляют одинаковое небольшое количество воды и сравнивают изменения. Педагог помогает обратить внимание на то, где вода впиталась, а где осталась на поверхности, после чего ребёнок фиксирует результат доступным способом и выбирает материал для вытирания небольшого количества пролитой воды.

При повторении опыта один из материалов заменяют, сохраняя общий вопрос и последовательность наблюдения. Такое изменение позволяет проверить, переносит ли ребёнок освоенный способ сравнения на новый объект. Объём помощи при этом фиксируется: один обучающийся может самостоятельно объяснить результат, другому потребуется выбор из двух карточек, третьему — повторный показ. Сопоставление этих вариантов даёт более точное представление о степени самостоятельности, чем простая констатация правильного или неправильного ответа.

Оценивать развитие наблюдательности целесообразно по конкретным действиям ребёнка: принимает ли он задачу, выделяет ли существенный признак, сравнивает ли состояние объекта до и после воздействия, фиксирует ли результат и использует ли освоенный способ в сходной ситуации. Для каждого действия отдельно отмечаются степень самостоятельности и характер необходимой помощи. Благодаря этому становится возможным различать самостоятельное наблюдение, действие по образцу и результат, достигнутый после наводящего вопроса или другой поддержки педагога.

Повторная оценка должна проводиться не как дословное воспроизведение уже знакомого опыта, а с частичным изменением материала при сохранении логики задания. Такой подход позволяет отделить сформированность способа наблюдения от запоминания конкретной последовательности. Одновременно он показывает, насколько устойчиво ребёнок удерживает задачу при сокращении помощи и способен ли переносить освоенное действие на новый объект.

Таким образом, опытная работа может быть содержательным средством развития наблюдательности у младших школьников с интеллектуальными нарушениями при условии, что она включена в специально организованный педагогический процесс. Доступная предметная среда, поэтапная ориентировка, речевое сопровождение, мотивационная поддержка и организация переноса образуют единую систему, в которой ребёнок постепенно переходит от действия по образцу к более самостоятельному наблюдению. Выделенные компоненты и условия позволяют конкретизировать работу педагога и задать ориентиры для последующей экспериментальной проверки динамики наблюдательности.

Список источников

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.

2. Рубинштейн С. Я. Психология умственно отсталого школьника: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 192 с.

3. Петрова В. Г., Белякова И. В. Психология умственно отсталых школьников: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академия, 2002. – 160 с.

4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / под ред. Т. А. Власовой. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

УДК 378.4

ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ В ФОРМАТЕ ОНЛАЙН У ПЕРВОКУРСНИКОВ

АЛПАТОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
к.э.н., доцент
АЛПАТОВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА
студентка
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем, выявлению задач и разработке методов реализации учебных занятий онлайн-формата в процессе образовательного процесса в высшем учебном заведении у студентов первого курса. В качестве формирования методологии авторами были использованы подходы, сформированные на основе полученных данных в процессе проведения учебных занятий одним из авторов – преподавателем и обратной связи от других авторов – студентов, являющихся участниками образовательного процесса в онлайн-формате изнутри.
Ключевые слова: образовательный процесс, онлайн-формат обучения, проблемное поле, слабые и сильные стороны учебного процесса, возможности и угрозы со стороны окружающей среды на учебный процесс в формате онлайн.

CHALLENGES, OBJECTIVES, AND METHODS FOR IMPLEMENTING ONLINE CLASSES FOR FIRST-YEAR STUDENTS

Alpatova Ekaterina Alexandrovna,
Alpatova Maria Andreevna

Abstract: This article analyzes the challenges, identifies key objectives, and develops methods for implementing online instruction for first-year university students. To develop the methodology, the authors drew upon approaches derived from data gathered during instructional sessions conducted by one of the authors (an instructor), as well as feedback from the other authors (students)—all of whom are participants in the online educational process and have experienced it from the inside.
Key words: educational process, online learning format, problem domain, strengths and weaknesses of the educational process, opportunities and threats from the external environment affecting the online educational process.

В настоящее время многие университеты России сталкиваются с необходимостью переноса занятий в онлайн-пространство из-за угроз со стороны геополитической обстановки и нехваткой аудиторного фонда, в связи с большим притоком студентов первого курса из разряда российского бэби-бума (2007-2008 гг.) и пр. элементов и результатов сравнительного анализа в различных социокультурных и политических условиях [1,с.7-8]. Процесс проецирования и равития модели университета будущего [3,с.24] и проактивного управления современным университетом [4,с.186-188] заставляют формировать новые подходы, а также, и, в связи с особенностями входа в образовательный процесс студентов из нового поколения - поколения z и требований к профессиональным компетенциям студентов, как по-

тенциально будущих работников с учетом требований бизнес-сообщества [7,с.173-174], а также с целью развития предпринимательского и креативного мышления у современного студента [6,с.179]. В качестве нового формата обучения выделяется – онлайн-формат [2,с.144-146] с использованием различных онлайн-платформ и социальных сетей, где обязательно должны быть учтены основные принципы эффективности, проблемы реализации, а также и этикет участников данного образовательного, но и информационного пространства. Современные требования к выпускникам вуза включают формирование не только узко профессиональных компетенций, а также целого ряда междисциплинарных - soft skills [5,с.955-956]. В образовательный процесс часто это закладывается с помощью внедрения проектной деятельности [8,с.132-145] как основы для развития в образовательном процессе [5,с.954], но, также возникает проблематика разработки учебных занятий и организации командной работы в онлайн-пространстве. Онлайн-формат первоначально был комфортным средством обучения для индивидуальных образовательных треков, и тогда возникает дилемма, связанная с необходимостью использования формата онлайн-обучения, развития у студентов профессиональных и междисциплинарных (soft skills) компетенций и внедрения формата командной и проектной работы. В процессе реализации учебных занятий в онлайн-формате была вывлена сложность организации командной работы, для этого использовалось обязательное внедрение параллельно с используемой онлайн-платформой добавочного онлайн-инструмента коммуникации – создание микро-групп команд (для общения внутри команды) в социальных сетях (ВКонтакте) или группового общения с помощью платформы Max, где студенты команды проводили мозговой штурм идей и обсуждали варианты решения проблемы, сформулированной преподавателем для команды индувидуально. Основной сложностью в проведении занятий с помощью онлайн-формата у преподавателей была названа усеченная обратная связь, в связи с тем, что студенты часто не включают свои видеокамеры, то преподаватель не может считывать невербаличе-ские символы в полном объеме, а также иногла из-за техноческих проблем или неполадок с интернет-провайдерамистрадает и качество звука участников, а иногда студенты не включают свои микрофоны, не желая проявлять активность на занятии, буквально, отсиживая занятия у монитора, формальным присутствием, чтобы не получить пропуск. Для снятия указанных проблем предлагается введение обязательного требования после выполнения каждого задания, (которое сформулированно для всей учебной групп и для каждой из команд при проектной деятельности), - обязательное поднятие рук, а также дублирование устной речи в микрофон сообщением в чат на онлайн-платформе. Тогда формирование обратной связи становится многократно успешней и ритм работы группы не нарушается, а также преподаватель может наблюдать отставание от общей массы обучающихся конкретных студентов и узнавать особенности индивидуального проблемного поля отставшего от группы студента. В качестве плюсов организации учебного процесса в формате онлайн следует указать оперативную демонстрацию экрана, как отдельного студента, так и представителя команды при проектной деятельности, а этот немедленный результат деятельности студентов дает возможность оперативно вносить коррективы преподавателем, нежели при личном участии на занятиях. Со стороны участников образовательного процесса в формате онлайн – студентов следует отметить в качестве плюсов: удобный формать просмотра демонстрации экранов других участников и команд, что снижается при оффлайн формате обучения, т.к. работа переходит в формат «преподаватель - студент» или «преподаватель - представительк команды», когда преподавателей изучая экраны ноутбуков дает точечную обратную связь, что снижает вовлеченность всех остальных студентов группы. В качестве минусов – сложности формирования общения при первых контактах в микро-группах, осонованные на чувстве стеснения и психологической интертности на первых порах у первокурсников.

Список источников

1. Алпатова, Е. А. Историческое развитие системы управления в образовании: сравнительный анализ в различных социокультурных и политических условиях / Е. А. Алпатова, Н. В. Бережная, Л. Г. Орехова // Управленческий учет. – 2023. – № 3. – С. 5-12. – DOI 10.25806/uu320235-12. – EDN CIUVQZ.
2. Алпатова, Е. А. Онлайн-обучение: принципы эффективности, проблемы реализации, этикет

участников информационного пространства / Е. А. Алпатова // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов для минерально-сырьевого комплекса : Сборник научных трудов IV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 04–05 марта 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2021. – С. 144-146. – EDN LQYLUJ.

3. Алпатова, Е. А. Модель развития университета будущего / Е. А. Алпатова, Л. В. Голощапова, Р. А. Кутаева // Управленческий учет. – 2023. – № 3. – С. 20-29. – DOI 10.25806/uu3202320-29. – EDN DTOKSU.

4. Алпатова, Е. А. Проактивное управление экономическим университетом / Е. А. Алпатова, С. В. Текучева, Э. Р. Магомаева // Управленческий учет. – 2023. – № 7. – С. 184-191. – DOI 10.25806/uu72023184-191. – EDN EXLPMO.

5. Алпатова, Е. А. Проектная деятельность как основа для развития soft skills в процессе преподавания экономических дисциплин в техническом вузе / Е. А. Алпатова // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов для минерально-сырьевого комплекса : Сборник научных трудов III Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 05–06 марта 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2020. – С. 953-957. – EDN PPLEFN.

6. Алпатова, Е. А. Развитие предпринимательского и креативного мышления у современного студента / Е. А. Алпатова, Ю. Ю. Кварацхелия // Актуальные научные исследования : сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 ноября 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 178-180. – EDN ALVXTU.

7. Алпатова, Е. А. Управление техническим университетом с учетом требований бизнес-сообщества / Е. А. Алпатова, Л. В. Лапач, А. Л. Гендон // Управленческий учет. – 2023. – № 7. – С. 169-176. – DOI 10.25806/uu72023169-176. – EDN LWXGWR.

8. Проектная работа / П. М. Гуреев, В. В. Дегтярева, Е. А. Алпатова, Ю. Н. Кафиятуллина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2022. – 164 с. – ISBN 978-5-4365-5298-9. – EDN IAUUET.

© Е.А. Алпатова, М.А. Алпатова, 2026

УДК. 378.016

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРКЕСТРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЫКАНТА-ТРОМБОНИСТА

ЛИНЬ ВЭЙКАН
аспирант,
ГБОУ ВО Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке

Научный руководитель: Диденко Диана Леонидовна
к.п.н., старший преподаватель
ГБОУ ВО Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке

Аннотация. Вопросы профессиональной оркестровой организации подготовки на этапе обучения в вузе требуют особого внимания, так как данный вид деятельности является основным для тромбонистов. Установлено, что оркестровая организация музыканта-духовика является многосоставным процессом, который включает умения индивидуальной исполнительской базы и построение на этой основе умений коллективного музицирования. Тромбонистам следует хорошо освоить особенности взаимодействия инструментов в трио и квартете, легко справляться с оркестровыми трудностями в рамках солирующих проведений у тромбонов. Работа по партитурам и специально составленным сборникам оркестровых трудностей, проведение исследовательской работы в этой области позволяет решить задачи оркестровой организации подготовки тромбониста.
Ключевые слова: музыкант-тромбонист, профессиональная организация, оркестровая деятельность, оркестровые трудности, группа тромбонов.

PROFESSIONAL ORCHESTRAL TRAINING OF TROMBONISTS

Lin Weikang

Scientific adviser: Didenko Diana Leonidovna

Abstract. Issues of professional orchestral training for trombonists during university studies require special attention, as this activity is fundamental for trombonists. It has been established that orchestral training for trombonists is a multifaceted process that includes developing individual performance skills and building on these skills to create collective music-making. Trombonists should thoroughly master the interactions between instruments in trombone trios and quartets and easily navigate orchestral challenges within trombone solos. Working with scores and specially compiled collections of orchestral challenges, as well as conducting research in this area, allows for the solution of orchestral training challenges for trombonists.
Keywords: trombonist, professional training, orchestral activities, orchestral challenges, trombone section.

Среди различных видов музыкально-исполнительской деятельности для духовых специальностей игра в оркестре является наиболее востребованной областью, требующей специальной профессиональной организации на этапе обучения в вузе. Как подчеркивает П. Ю. Делий, это «процесс целенаправленного обучения, связанный с передачей знаний, умений, навыков, формированием компетенций, необходимых для успешного осуществления конкретной профессиональной деятельности» [1, с. 123]. Следовательно, нацеленность музыканта-духовика на дальнейшую оркестровую деятельность подразумевает особое внимание к тем учебных дисциплинам, входящим в образовательную программу

интересуемой специальности, которые непосредственно связаны с оркестровой практикой. При этом в оркестровой организации тромбонистов до сих пор имеется слабая разработанность вопроса, касающаяся деятельности группы тромбонов при исполнении ансамблевых произведений композиторов XIX – XX веков. Данный аспект затрудняет процесс обучения.

Оркестровая организация музыканта-духовика является многосоставным процессом, который включает умения индивидуальной исполнительской базы и построение на этой основе умений коллективного музицирования. Формировать исполнительское мастерство тромбониста, будущего оркестранта, целесообразно не только на произведениях сольной литературы, а по большей части непосредственно на оркестровом материале. Такие задачи индивидуальной исполнительской техники как развитие амбушюра, совершенной техники дыхания, позволяющей исполнять материал разной сложности, аппликатуры, требуют соприкосновения с теми функциями, которые выполняют тромбоны в оркестровой музыке.

Во время обучения в вузе становление ансамблевого мастерства тромбониста наиболее эффективно происходит при обращении к игре партий, предназначенных для группы тромбонов, так как каждый ее участник имеет свое положение в рамках малой группы. Это позволяет понять характер взаимоотношений инструментов внутри группы тромбонов, выработать необходимую ансамблевую слаженность.

Указанные выше обстоятельства, связанные с необходимостью понимания особенностей функций партий тромбонов и с ансамблевым взаимодействием инструментов внутри группы, вызывают необходимость сделать краткий обзор в этой области.

На протяжении XIX – начала XX столетий в оркестровом репертуаре за тромбонами установились различные функции. Главной является басовая, так как низкий голос инструмента дает хорошую основу для всей вертикали. Нередко в этом качестве тромбоны используются вместе с тубой. Однако инструменту поручаются и мелодические проведения, гармонические ноты и фигурации, отдельное место отводится фоновому заполнению. Партии для тромбона характеризуются постепенным усложнением, которое было вызвано общим развитием музыкального искусства, когда для воплощения композиторских замыслов потребовался большой состав оркестра, и мощный голос басового тромбона стал инструментом, который может решать многие художественные задачи.

В оркестровых произведениях С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Шнитке тромбоны исполняют важный тематический материал, который часто бывает связан с жанровыми чертами марша, с трагической или героической образностью. Партии тромбонов в партитурах композиторов XX века содержат широкие скачки, разные виды техники, они характеризуются сопоставлением звуков в крайних регистрах. Применяют композиторы и нестандартные приемы звукоизвлечения. Прием glissando у тромбонов встречается в опере «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича для создания образов уродства, пошлости. С. Прокофьев также применяет glissando в низком регистре в кантате «Семеро их»: неудобный для исполнения в низком регистре прием также использован в гротескном ключе.

Нередко басовым тромбонам поручаются выдержанные звуки, образующие мощную педаль, основу для звучания всего оркестра. В «Песни о земле» Г. Малер использует на тромбонах педальные тоны, те ступени звукоряда, которые являются фактически «искусственными педалями»: сам композитор обозначал их в партитуре как Pedalton [3, с. 197] В заключительном разделе «Альпийской симфонии» Р. Штрауса также у басовых тромбоном и тубы звучит длительная педаль, на фоне которой звучит довольно насыщенный тематизм у всего оркестра.

В оркестровой музыке установилось трио тромбонов, где нижний голос исполняется басовым, а два других голоса – теноровыми тромбонами. Позже в практику также входит квартет тромбонов, востребованный в сочинениях, связанных с большими оркестровыми составами. В таком случает обычно состав включает два басовых и два теноровых тромбона. Одним из первых стал использовать в оркестре четыре тромбона Р. Вагнер, который значительно расширил группу меди в целом. В его тетралогии «Кольцо нибелунга» используются два теноровых тромбона, бас-тромбон и редкая разновидность – контрабасовый тромбон. Эта группа исполняет различные темы, например, в «Золоте Рейна» из тетралогии, квартет тромбонов ведет тему, связанную с нисходящей гаммой, которая символизирует

нисхождение Вотана под землю. Гамма доходит до крайних нот низкого диапазона контрабасового тромбона.

В тетралогии Р. Вагнера тромбоны принимают участие в унисонных и октавных удвоениях лейтмотивов и других тематических элементов с другими медными духовыми инструментами, которые «прорезают» всю оркестровую ткань, возвышаются над фактурой. Такие унисоны композитор часто дает в эпизодах, свободных от аккомпанемента, что позволяет им с легкостью наполнять музыку особой одухотворенностью, величием, мощью.

Хоралы тромбонам в симфониях часто поручал Г. Малер. Ярким примером является хорал у тромбонов и тубы во Второй симфонии, напоминающий заупокойное песнопение Dies irae. Партии этих инструментов у композитора очень сложные. Г. Малер значительно расширяет «рабочий» диапазон тромбонов, вносит в них множество технических трудностей.

Трактовку квартета тромбонов с бас-тубой как самостоятельную группу широко использует Р. Штраус. Он обособляет ее от других инструментов, что проявляется, например, во вступлении раздела «Ночь» «Альпийской симфонии». После таинственного мотива у фагота и струнных на legato звучит хорал тромбонов и бас-тубы, который дается без сопровождения оркестра, лишь последние аккорды подкрепляются тремя фаготами и контрафаготом. Тромбоны играют в динамическом нюансе pianissimo, и артикуляция на marcato способствует точности и строгости звучания хорала. Так Р. Штраус использует квартет тромбонов для создания тишины и таинственного сумрака ночи.

К образу ночи Р. Штраус возвращается и в коде произведения. В ц. 128 партитуры он представляет аккорды у валторн, труб, тромбонов и тубы: они начинаются на piano и постепенно доходят до forte. Здесь композитор создает уже торжественный, величественный характер, используя хорал тромбонов в ином образном свете. Также он с ц. 130 партитуры разделяет партии инструментов: два тромбона исполняют мелодию вместе с трубами, а два других тромбона ведут басовую линию вместе с бас-тубой. В ц. 139 партитуры партии тромбонов также разделяются, представляя одновременно и тематические элементы, и басовые линии. А в заключительных тактах «Альпийской симфонии» у квартета тромбонов и бас-тубы возвращается хорал, который открывал произведение, только теперь к нему добавляются также трубы.

Еще в 1959-1964-е годы Б. П. Григорьевым были составлены и изданы три сборника оркестровых трудностей для тромбона. В них автор располагает материал по разделам, связанным с симфонической музыкой, жанрами оперы и балета. В третьем сборнике представлены нотные фрагменты только в ансамблевом варианте трио тромбонов или трех тромбонов с тубой. Эти фрагменты удобно исполнять в ансамбле, ставя задачи исполнительской слаженности между участниками. Но даже если у тромбониста нет партнеров, то игра определенной партии с учетом нотного текста у других участников трио или квартета развивает у духовика понимание особенностей фактуры внутри малой группы. Зрительное восприятие трио тромбонов именно как группы также дает представление о ней как об отдельной оркестровой единице. В качестве материала в третьем выпуске сборника Б. П. Григорьева представлены фрагменты из Симфонии № 9 Л. Бетховена, «Фантастической симфонии» и «Осуждения Фауста» Г. Берлиоза, Реквиема В. Моцарта, симфонических поэм «Прелюды» и «Тассо», симфонии «Фауст» Ф. Листа, опер «Лоэнгрин», «Валькирия», «Гибель богов» Р. Вагнера, балетов «Каппелия» Л. Делиба, «Жар-птица», «Петрушка» И. Стравинского.

Другим важным направлением работы над оркестровыми трудностями для тромбона предстает проработка сольных фрагментов для басового тромбона. Такой сборник представляет, например, французский редактор и издатель музыкальных партитур Николя Ске, специализирующийся на музыке эпох барокко и классицизма. В 2022 году он выпустил сборник оркестровых трудностей для тромбона, собрав в нем материал из произведений рубежа XIX – XX столетий. Данный выбор обусловлен, по-видимому, тем, что эти сочинения являются наиболее репертуарными на сценах большинства оперных театров. В их числе солирующие партии для тромбона из опер «Паяцы» Р. Леонковалло, «Сельская честь» П. Масканьи, «Балеро» М. Равеля, «Пиковая дама» П. Чайковского, балетов «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Спартак» А. Хачатуряна.

Из изданных сборников отметим также «Оркестровые трудности для тромбона и тубы на материале произведений Р. Вагнера» Ю. Н. Иванова, изданный в 2016 году. Безусловно, партии тромбонов в операх Р. Вагнера позволяют наиболее продуктивно подготовить студентов, что подчеркивает и сам автор, указывая, что «Музыка Рихарда Вагнера наиболее полно раскрывает возможности тромбона и тубы в симфонической практике» [2]. Представленный сборник в двух частях направлен на освоение тромбонистами разнообразных мелодико-интонационных, ритмических, штриховых, тесситурных трудностей, которые встречаются в оркестровом репертуаре.

Однако представленные сборники не исчерпывают всего многообразия оркестровых тромбоновых партий. Это вызывает необходимость обращения преподавателей и студентов к самостоятельной деятельности в области составления нотных сборников. Большую пользу приносит проведение исследовательской деятельности. Это может быть описание исполнительских трудностей оркестровых партий, создание методических рекомендаций для работы над ними. Следует грамотно распределять оркестровые фрагменты по степени трудности и поставленным в произведениях исполнительским задачам, чтобы студенты могли знать, к каким сочинениям обращаться на том или ином курсах бакалавриата, магистратуры или специалитета.

Таким образом, профессиональная оркестровая организация тромбониста на этапе обучения в вузе представляет собой целенаправленное обучение, в процессе которого у музыканта формируются знания, умения и компетенции, позволяющие ему успешно вести оркестровую практику. Для этого в процессе обучения следует уделять особое внимание тем учебным дисциплинам, которые непосредственно связаны с оркестровым исполнительством. Тромбонистам следует хорошо освоить особенности взаимодействия инструментов в трио и квартете тромбонов, легко справляться с оркестровыми трудностями в рамках солирующих проведений у тромбонов. Работа по партитурам и специально составленным сборникам оркестровых трудностей, проведение исследовательской работы в этой области позволяет решить задачи оркестровой организации тромбониста.

Список источников

1. Делий П. Ю. Профессиональная подготовка оркестровых духовиков в контексте идеи программ «Профессионалитета» // Вестник МГУКИ. – 2022. – № 1 (105). – С. 119–128.

2. Оркестровые трудности для тромбона и тубы на материале произведений Р. Вагнера: хрестоматия: в 2 ч. – Екатеринбург: Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, 2016.

3. Рогаль-Левицкий Д. Р. Современный оркестр: в 4 т. Т. 2. – М.: Музгиз, 1953. – 448 с.

УДК 005.96:658.7

РАЗВИТИЕ «МЯГКИХ НАВЫКОВ» (КОМАНДНАЯ РАБОТА, КОММУНИКАЦИЯ) У МЕНЕДЖЕРОВ-ЛОГИСТОВ ПОСРЕДСТВОМ ИГРОВЫХ СИМУЛЯЦИЙ

КОФИНК АРТЁМ КОНСТАНТИНОВИЧ
студент гр. МТл-215(оз)
ТУКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
старший преподаватель кафедры «Мировая экономика и логистика»
Уральский государственный университет путей сообщения
г. Екатеринбург, РФ

Аннотация. В статье рассматривается потенциал игровых симуляций как инструмента развития мягких навыков менеджеров-логистов. Раскрывается значение командной работы, коммуникации и принятия решений в условиях неопределенности. Предлагается структура учебной симуляции, модеёлирующей типичные логистические ситуации, а также критерии оценки результатов обучения.
Ключевые слова: мягкие навыки, менеджер-логист, игровые симуляции, командная работа, коммуникация, обучение, логистика.

DEVELOPMENT OF SOFT SKILLS (TEAMWORK AND COMMUNICATION) IN LOGISTICS MANAGERS THROUGH GAME SIMULATIONS

Kofink Artem Konstantinovich,
Tukova Ekaterina Alexandrovna

Abstract. The article explores the potential of game simulations as a tool for developing soft skills among logistics managers. It discusses the importance of teamwork, communication and decision-making under uncertainty. A training simulation structure based on typical logistics situations and criteria for assessing learning outcomes are proposed.
Keywords: soft skills, logistics manager, game simulations, teamwork, communication, training, logistics.

Современная логистика представляет собой систему взаимосвязанных процессов, в которой результат зависит не только от технической оснащенности, информационных систем и точности расчетов, но и от качества взаимодействия сотрудников. Менеджер-логист координирует работу поставщиков, перевозчиков, складских подразделений, специалистов по закупкам и клиентов. Поэтому ему необходимы не только профессиональные знания, но и развитые «мягкие навыки» (soft skills): умение общаться, сотрудничать, разрешать конфликты, распределять задачи и принимать решения в условиях ограниченного времени.

Особую актуальность развитию таких компетенций придают нестабильность цепей поставок, изменение сроков перевозки, колебания спроса и необходимость быстро реагировать на внештатные ситуации. Даже корректно составленный план может оказаться неэффективным, если участники процес-

са не обмениваются информацией своевременно, неверно понимают договоренности или не согласуют действия. В связи с этим образовательные методы должны не только передавать знания, но и создавать условия для практической отработки поведения в командной среде.

Ключевыми для менеджера-логиста являются командная работа и коммуникация. Командная работа предполагает согласование общих целей, распределение ответственности, взаимную поддержку и способность учитывать позицию коллег. Коммуникация включает ясную передачу информации, активное слушание, уточнение требований, обратную связь и фиксацию принятых решений. Эти навыки особенно важны при взаимодействии подразделений, которые могут иметь разные приоритеты: склад стремится оптимизировать загрузку, транспортная служба — сократить время простоя, а клиент ожидает своевременную и полную поставку.

К числу значимых компетенций также относятся критическое мышление, управление временем, гибкость, эмоциональная саморегуляция и разрешение конфликтов. Например, при задержке поставки менеджеру необходимо одновременно оценить последствия, запросить достоверные сведения, предложить альтернативный маршрут и сообщить клиенту о возможных изменениях. Если коммуникация построена неэффективно, локальная проблема может привести к дополнительным затратам и снижению доверия между участниками цепи поставок.

Таким образом, мягкие навыки не являются дополнением к профессиональной подготовке: они обеспечивают согласованное применение специальных знаний. Их развитие должно быть включено в программы обучения будущих и действующих специалистов логистической сферы.

Игровая симуляция представляет собой учебную ситуацию, в которой участники получают роли, ресурсы, ограничения и общую задачу, а затем принимают решения в условиях, приближенных к реальной профессиональной деятельности. В отличие от лекционного формата, симуляция требует от обучающихся не только знать алгоритм действий, но и взаимодействовать с другими людьми, объяснять свою позицию и адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

Преимуществом метода является возможность безопасно моделировать ситуации, которые в реальной работе могут привести к финансовым потерям или конфликтам. Участники могут экспериментировать с разными стратегиями, видеть последствия своих решений и обсуждать ошибки без риска для действующих операций. Игровая форма также повышает вовлеченность, поскольку результат зависит от действий каждого участника и общего качества координации.

При этом сама по себе игра не гарантирует развития компетенций. Для достижения учебного эффекта необходимы четкие цели, продуманные роли, наблюдение за взаимодействием и итоговое обсуждение. Особое значение имеет рефлексия: участники должны определить, какие действия помогли команде, где возникли коммуникативные сбои и что можно перенести в повседневную работу.

Для подготовки менеджеров-логистов можно использовать симуляцию «Срыв поставки». Участники делятся на небольшие команды и получают роли: менеджер по логистике, представитель склада, специалист транспортного отдела, менеджер по работе с клиентами и поставщик. Каждая роль располагает только частью информации, поэтому достижение общей цели требует активного обмена данными и согласования решений.

Исходная ситуация предполагает, что часть груза задерживается, склад ограничен по вместимости, а клиент ожидает поставку к установленному сроку. В ходе игры участники должны определить приоритетные заказы, выбрать альтернативный маршрут или перевозчика, согласовать изменения складского графика и подготовить сообщение клиенту. На определенном этапе ведущий вводит новое условие — например, увеличение стоимости перевозки или изменение времени приемки. Это позволяет оценить, насколько команда умеет адаптироваться и сохранять конструктивное взаимодействие под давлением.

Перед началом игры участникам сообщаются цель, продолжительность, правила и критерии оценки. После симуляции проводится обсуждение, в ходе которого участники анализируют, насколько ясно распределили обязанности, проверяли ли понимание договоренностей, учитывали ли информацию коллег и каким образом решали разногласия. Ведущий может попросить каждого назвать одно эффективное действие команды и одно изменение, которое улучшило бы результат.

Для повышения практической ценности симуляцию целесообразно проводить несколько раз, меняя состав команд или вводные условия. В первом раунде участники действуют без специальных рекомендаций, а во втором используют конкретные приемы: краткие совещания, подтверждение ключевых договоренностей, активное слушание и распределение ответственности по принципу «кто, что и к какому сроку делает». Сравнение результатов помогает увидеть, как изменение коммуникационного поведения влияет на скорость и качество решений.

Оценивать развитие мягких навыков следует по наблюдаемым действиям, а не только по итоговому результату игры. Команда может выполнить задачу благодаря случайному стечению обстоятельств, но при этом допускать серьезные коммуникативные ошибки. Поэтому рекомендуется использовать несколько критериев: ясность распределения ролей; своевременность и точность обмена информацией; умение задавать уточняющие вопросы; участие всех членов команды; конструктивность разрешения конфликтов; способность пересматривать решение при появлении новых данных.

Оценивание может включать наблюдение преподавателя или тренера, самооценку участников, взаимную обратную связь и сравнение результатов нескольких игровых раундов. При необходимости применяются простые шкалы с заранее описанными уровнями проявления каждого навыка. Важно, чтобы критерии были понятны участникам до начала упражнения, а обратная связь основывалась на конкретных примерах поведения.

Для внедрения игровых симуляций в обучение логистов необходимы реалистичные сценарии, соответствующие уровню подготовки группы, достаточное время на обсуждение и психологически безопасная атмосфера. Следует избегать ситуации, когда ошибки используются для публичного осуждения: задача обучения состоит в выявлении способов улучшения работы, а не в поиске виноватых. Результаты симуляций полезно связывать с рабочими процедурами организации — например, правилами эскалации проблем, форматами передачи смены и стандартами информирования клиента.

Игровые симуляции обладают значительным потенциалом для развития мягких навыков менеджеров-логистов, поскольку позволяют практиковать командную работу и коммуникацию в условиях, близких к профессиональным. Моделирование задержек, дефицита ресурсов и изменения требований помогает участникам отрабатывать согласование решений, распределение ответственности и взаимодействие при неопределенности.

Эффективность метода зависит от качества сценария, ясности учебных целей, систематического наблюдения и обязательной рефлексии после игры. Сочетание симуляций с критериями оценки и повторной практикой позволяет превратить игровой опыт в осознанные профессиональные навыки. Следовательно, включение игровых симуляций в программы подготовки и повышения квалификации логистов может способствовать улучшению взаимодействия внутри команд и повышению устойчивости логистических процессов.

Список источников

1. Salas E., Sims D. E., Burke C. S. Is there a “Big Five” in Teamwork? // Small Group Research. — 2005. — Vol. 36, No. 5. — P. 555–599.

2. Salas E., Tannenbaum S. I., Kraiger K., Smith-Jentsch K. A. The Science of Training and Development in Organizations: What Matters in Practice // Psychological Science in the Public Interest. — 2012. — Vol. 13, No. 2. — P. 74–101.

3. Kolb D. A. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1984.

4. Christopher M. Logistics & Supply Chain Management. — 5th ed. — Harlow: Pearson, 2016.

5. Peltokorpi V., Hasu M. Transactive Memory Systems in Research Team Innovation: A Moderated Mediation Analysis // Journal of Engineering and Technology Management. – 2016. – Vol. 39. – P. 1–12. – DOI: 10.1016/j.jengtecman.2015.11.001.

УДК 796.015.868

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МОНИТОРИНГА ТРЕНИРОВОЧНОЙ НАГРУЗКИ В СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ

РЫЖИКОВ НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ
студент 2 курса
УНГЕР ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ
преподаватель кафедры физ. Воспитания
РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва

Научный руководитель: Фарзалиев Джавид Аллахверди оглы
старший преподаватель кафедры физ. Воспитания
РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва

Аннотация: Данная статья рассматривает новейшие цифровые технологии мониторинга тренировочной нагрузки спортсменов-единоборцев, а также анализирует различные цифровые устройства и их применимость для оценки внешней и внутренней нагрузок. Статья также обозревает различные исследования в сфере, такие как наблюдение за показателями дзюдоистов, корреляция нагрузок у женщин-боксеров и измерение скорости ударов с помощью IMU (измерителя ускорения). Также уделено внимание точности и интерпретации данных.
Ключевые слова: носимые сенсоры, нагрузка, TRIMP (тренировочный импульс), sRPE (субъективная оценка тренировочной нагрузки), спортивные единоборства, пульсометр, нейронные сети.

DIGITAL TECHNOLOGIES FOR MONITORING TRAINING LOAD IN MARTIAL ARTS: CAPABILITIES AND LIMITATIONS OF MODERN METHODS

Ryzhikov Nikita A.,
Unger Dmitriy P.

Scientific adviser: Farzaliev Javid Allahverdi oglu

Abstract: This article examines the latest digital technologies for monitoring the training load of combat athletes, and also analyzes various digital devices and their applicability for assessing external and internal loads. The article also reviews various studies in the field, such as monitoring the performance indicators of judokas, the correlation of loads in female boxers, and measuring the speed of punches using an IMU (accelerometer). Attention is also paid to the accuracy and interpretation of the data.
Keywords: wearable sensors, load, TRIMP (training impulse), sRPE (subjective rating of perceived exertion), martial arts, heart rate monitor, neural networks.

Введение

Системы контроля нагрузки на тренировках по единоборствах в основном опираются на sRPE и другие субъективные оценки, однако современные технологии позволяют непрерывно измерять показатели спортсмена объективно (ЧСС, ускорения, активность мышц и тд.). Нагрузку в спорте можно разделить на внешнюю (количество и интенсивность тренировок; к ней можно отнести совокупность ударных движений боксера) и внутреннюю (реакция организма; к этому можно отнести ЧСС) [1, с. 640][2, с. 2]. Эта тема особенно актуальна спортсменам-единоборцам, ведь они постоянно выполняют чередующиеся действия высокой интенсивности. Исследования показывают, что все больше спортсменов, преимущественно молодых, используют при занятиях спортом различные гаджеты для измерения параметров тренировки, такие как фитнес-браслеты [3, с. 124]. Данная статья призвана исследовать различные носимые устройства для измерения нагрузки в единоборствах, их возможности, преимущества и ограничения.

Цифровые технологии измерения нагрузки

В наше время тренеры используют многие устройства и датчики, чтобы измерять показатели спортсменов. К таким относятся нагрудные пульсометры, измеряющие ЧСС для оценки внутренней нагрузки и тренировочного импульса (TRIMP) [4, с. 481]. В своем исследовании Xu et al. [2, с. 2] писали, что объективный TRIMP коррелирует с субъективной оценкой нагрузки (sRPE) у женщин-боксеров. По словам авторов, восстановление и зоны интенсивности можно отслеживать в реальном времени.

Также широко используются инерциальные измерительные датчики (IMU), такие как гироскопы и акселерометры, крепящиеся к кистям и ногам и регистрирующие ускорение и угловую скорость [5, с. 2910]. Эти данные помогают определять удары, их скорость, перемещение и другие кинетические параметры [6, с. 2].

В исследовании Pezenka и Wirth [7, с. 2] указано, что датчик IMU средней стоимости измеряет скорость ударов с точностью, сопоставимой с дорогим оборудованием. Датчик IMU точно определяет движение бойца, но не распознает его технику и потому требует дополнительной калибровки.

Иногда в единоборствах используются GPS-трекеры, несмотря на более частое применение в легкой атлетике и футболе для отслеживания скорости и пройденного расстояния у атлетов. В единоборствах, где перемещения ограничены небольшой площадью, можно учитывать смену темпа и дистанции: так, Xu et al. [2, с. 2] использовали GPS на 10 Hz, и измеренная дистанция умеренно соотносилась с внутренними показателями (sRPE, TRIMP). Недостаток GPS - шум при слишком частых перемещениях [8, с. 462][9, с. 4], что естественно в боевых видах спорта, из-за чего он часто заменяется вышеупомянутыми акселерометрами [10, с. 2].

С развитием искусственного интеллекта все чаще стали использоваться видеокамеры с компьютерным зрением и интегрированным в них ИИ. Brindha et al. [6, с. 1] упомянули, что обученная на данных IMU нейросеть с точностью около 91% определяет типы боксерских ударов, а компьютерное зрение помогает анализировать счет и технику в режиме реального времени.

Примеры исследований по теме

На протяжении четырех недель тренировок Campos et al. [1, с. 639] анализировали нагрузку спортсменов-дзюдоистов. Измерялись как внешние показатели (сила хвата, параметры прыжка), так и внутренние (средняя ЧСС). Авторы выяснили, что лучше всего о состоянии спортсмена говорит мультипараметрический подход, когда меняются соответствующие внешние и внутренние показатели (например, о накопленной усталости скажут одновременно уменьшенная сила хвата и сниженная вариабельность сердечного ритма). В результате исследования тренерам рекомендовалось сочетать измерения внутренних и внешних показателей для наиболее точных выводов о нагрузке.

Исследование Xu et al. [2, с. 1] также построено вокруг связи внутренних и внешних показателей (TRIMP и пройденное расстояние соответственно) у студенток-боксерок за 6 недель. Для сбора данных использовалась комплексная система MT-SportsT2 (в нее входят GPS 10 Hz, акселерометр и оптический сенсор). Была замечена высокая корреляция суммарной внешней нагрузки и тренировочного им-

пульса. При этом субъективная нагрузка sRPE также коррелировала с внутренней нагрузкой (TRIMP), но слабо совпадала с внешними показателями. Таким образом, был сделан вывод, что sRPE удобно отслеживает внутреннюю нагрузку, несмотря на субъективность, но для более точной оценки необходимо учитывать и внешние факторы, такие как пульс или перемещение.

По данным Pezenka и Wirth [7, с. 11], даже трекер на базе приложения PhyPhox для смартфона с умеренной точностью (корреляцией с эталонными измерениями) может измерять скорость удара рукой или ногой. Данные указывают, что измерительные технологии становятся доступнее, но для большей точности необходима калибровка под индивидуальные биологические особенности спортсменов. Различные фитнес-приложения для мобильных телефонов также демонстрируют доступность анализа нагрузки при тренировках для массового потребителя и повышают вовлеченность в спортивный процесс за счет подборок упражнений на определенные группы мышц, отслеживания изменений параметров организма и советов, помогающих избежать травм [11, с. 580].

Автоматизирование анализа ударов становится реальностью, как показал эксперимент Brindha et al. [6, с. 4]. По данным с IMU-датчиков сверточные нейронные сети с точностью >91% распознавали виды ударов на лапах. Сложные алгоритмы научились распознавать закономерности в сигналах, что может помочь тренерам в корректировке техники и устранении ошибок, как писали также Померанцев и Уполовнева [12, с. 138].

Преимущества и ограничения

Главными сильными сторонами цифровых решений в сфере можно назвать объективность, количество обозреваемых параметров (как внешних, так и внутренних) и непрерывность измерений. В реальном времени тренер получает с датчиков данные о ЧСС, ускорениях, мощности удара. Комбинирование датчиков позволяет получить полную картину состояния атлета. А искусственный интеллект позволяет анализировать технику без подсчетов вручную, экономя время и повышая точность.

Но в то же время цифровизация данной сферы имеет и недостатки. Во-первых, несмотря на точность измерений, они могут быть неточно трактованы в рамках термина “нагрузки” [8, с. 460]. К примеру, при совершенно разных техниках может быть получен один суммарный импульс удара. Во-вторых, перемещения в единоборствах меньше по дистанции и быстрее по скорости, из-за чего настроенные на бег или футбол алгоритмы могут быть неточны при исследовании компонентов единоборств - бросков, столкновений с партнером и тд. Dawson et al. [8, с. 472] замечают, что показатель “объема работы” во многих GPS-трекерах дают неверный результат в контактных видах спорта. Третьим ограничением является индивидуализация. Даже при схожих показателях на приборах, роль играют вес бойца, его техника и подготовка. В-четвертых, большой объем сырых данных необходимо проанализировать, и не все тренеры к этому приспособлены. Должно быть понимание, что и для чего измеряется, иначе улучшения в технике будут не такими существенными, какими могли бы быть, а также должна быть точная цель измерений (проработка травм, оценка уровня усталости и тп.). Можно сделать вывод, что наибольший результат может быть достигнут лишь при дополнении цифровым мониторингом работы живого тренера, а не его полной заменой, ведь именно специалист способен правильно интерпретировать полученные данные.

Выводы

Проведя исследования и обзор описанных выше способов измерения параметров спортсменов, можно выделить критерии для наиболее успешного анализа тренировок. Необходимо измерять сочетающиеся метрики, как внутренние (такие как ЧСС), так и внешние (GPS-параметры, количество и скорость ударов, ускорение). Согласно исследованию Campos et al. [1, с. 649], невидимую пульсометром усталость можно вычислить, соотнеся показатели силы хвата и вариабельности сердцебиения. Также необходимо убедиться, что способ измерения подходит под нужный вид спорта, чтобы избежать неточности [8, с. 463]. Важен контекст того или иного показателя (например, высокая ЧСС не всегда означает, что организм перегружен: дело может быть в коротких перерывах между упражнениями), а также индивидуальные данные атлета, такие как пол и возраст. У Xu et al. [2, с. 3] показатели меняются

именно при разных индивидуальных показателях (таких как разница между тренировкой и соревнованием, фазами менструального цикла у женщин и тд.).

Подводя итог, цифровые технологии - это путь к повышению точности измерений и, как следствие, корректировки техники единоборцев, но тренера должны уметь использовать их как инструмент, а не как замену, использовать только проверенные результаты и учитывать особенности тех или иных видов спорта.

Список источников

1. Campos B.T., Nakamura F.Y., Penna E.M. et al. Monitoring training loads in judo athletes: different time courses of physiological, neuromuscular, and perceptual responses. // Int. J. Exerc. Sci. 2023. Vol. 16, № 6. C. 638–653. doi: 10.70252/heac5722.

2. Xu Q.L., Wang Z.W., Liu L.L. et al. The relationship between training and competition load characteristics of female boxers — a case study based on collegiate boxers. // Front. Psychol. 2025. Vol. 16. № 1517102. doi:10.3389/fpsyg.2025.1517102.

3. Эффективность фитнес-браслетов в системе оздоровления студентов / Д. С. Александров, Д. В. Грачева, Д. А. Фарзалиев [и др.] // Инновационные тенденции развития системы образования : Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 01 октября 2017 года / Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2017. – С. 120-126. – EDN ZPIQWX.

4. Olsen R., Hasan S., Woo J., Nawabi D., Ramkumar P. The fundamentals and applications of wearable sensor devices in sports medicine: a scoping review. // Arthroscopy. 2025. Vol. 41, № 2. P. 473–492. doi:10.1016/j.arthro.2024.01.042

5. Doherty C., Argent R., Baldwin M., Keogh A. Keeping pace with wearables: a living umbrella review of systematic reviews evaluating the accuracy of consumer wearable technologies in health measurement. // Sports Med. 2024. Vol. 54. P. 2907–2926. doi:10.1007/s40279-024-02077-2

6. Brindha J., Nallavan G., Kahankova R.V., Martinek R. Boxing action recognition using inertial data and deep learning. // Appl. Soft Comput. 2025. Vol. 184, art. 113745. doi:10.1016/j.asoc.2025.113745.

7. Pezenka L., Wirth K. Reliability of a low-cost inertial measurement unit (IMU) to measure punch and kick velocity. // Sensors (Basel). 2025. Vol. 25, № 2. Article 307. doi:10.3390/s25020307.

8. Dawson L., Beato M., Devereux G., McErlain-Naylor S.A. A review of the validity and reliability of accelerometer-based metrics from upper back-mounted GNSS player tracking systems for athlete training load monitoring. // J. Strength Cond. Res. 2024. Vol. 38, № 8. e459–e474. doi:10.1519/jsc.0000000000004835

9. Huang Y., Li S. Enhancing Taekwondo Training with Modern Technologies: The Role of AI, ICT, and Wearable Devices in Learning Outcomes. Interact. Learn. Environ. 2025. doi:10.1080/10494820.2025.2556803.

10. Xue H., Han C., Zhu D. Limb biomechanics in combat sports: insights from wearable sensor technology // Frontiers in Bioengineering and Biotechnology. 2025. Vol. 13. Article 1663592. DOI: 10.3389/fbioe.2025.1663592.

11. Фарзалиев Д. А., Водяницкая П. О. История развития и современное состояние физической культуры и спорта // Социально-педагогические аспекты физического воспитания и спортивной тренировки: сборник научных трудов XXII Всероссийской научно-практической конференции, Ульяновск, 17 июня 2025 года. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2025. С. 579–583.

12. Померанцев А.А., Уполовнева А.А. Искусственный интеллект в спорте и физической культуре: тренды, угрозы и адаптация к новой реальности. // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24, № S2. С. 137–144. doi:10.14529/hsm24s221

УДК 372.8

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

КЛЫЧЕВА ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

Аннотация: В статье рассматривается проблема системообразующих основ исторического знания и путей их формирования в обучении истории, определяется понятие знания, сопоставляются советский и современный подходы к структуре исторического знания и выделяются два его основных блока: фактографический и теоретический. Отмечается, что современные государственные документы в сфере исторического образования не фиксируют формирование системы исторических знаний и научного мировоззрения как цель обучения, хотя в дореволюционной России и СССР такая цель присутствовала.
Ключевые слова: историческое знание, основы знаний, фактографический материал, теоретический материал, преподавание истории.

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Klycheva Ekaterina Dmitrievna

Abstract: The article examines the problem of the system-forming foundations of historical knowledge and the ways in which they are formed in the teaching of history; the concept of knowledge is defined; Soviet and modern approaches to the structure of historical knowledge are compared; and its two main blocks are identified: factographic and theoretical. It is noted that modern state documents in the field of history education do not stipulate the formation of a system of historical knowledge and a scientific worldview as the goal of education, although such a goal was present in pre-revolutionary Russia and the USSR.
Keywords: historical knowledge, foundations of knowledge, factual material, theoretical material, teaching history.

Для полного освоения знаний в любой науке необходимо знать основы, которые являются фундаментом для построения системы знаний. Справедливо это утверждение и для истории. Вопрос системообразующих знаний и путей их формирования затрагивается в методике преподавания истории еще со времен советской методологии. Для начала необходимо дать определение знаниям в общем контексте, чтобы разобраться в вопросе основ знаний по истории. Знания - проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности [1, с. 12]. В каждой науке свои составляющие основ знаний, в современных учебниках для будущих учителей истории пишут о двух основных видах исторического знания: фактах и теории [2, с. 77]. Стоит отметить, что в советской методологии выделяли три компонента исторического знания: исторические представления, исторические понятия и закономерности исторического процесса [3, с. 72-73].

Современные исследователи относят к системообразующим знаниям хроноструктуру, ключевые факты и понятия [1, с. 13]. И.М. Савельева считает, что основы знаний по истории закладываются в школе, а система исторических знаний может быть приобретена учеником только в процессе обучения [4, с. 114], А.В. Полетаев пишет о том, что предметное обучение истории начинается с формирования основ науки.

Все названные составляющие исторического знания [5, с. 97] существуют в нем одновременно: историческое знание содержит два больших блока – фактографический материал, к которому относят-

ся события, явления и процессы, формирующие исторические представления и существующие в исторических времени, пространстве и движении, и теория, к которой относится понятийный аппарат, исторические закономерности, теории и концепции и методы познания истории. В современном историческом образовании данные компоненты содержания регулируются ФГОС [6], Историко-культурным стандартом [7], Концепцией преподавания учебного курса «История России» [8], Федеральной рабочей программой [9] и рабочими программами учителей. Стоит отметить, что ни в одном из перечисленных документов государственного характера не отражена проблема формирования системы исторических знаний и научного мировоззрения как цели исторического образования, однако в дореволюционной России и СССР эта цель присутствовала.

Обратимся к компонентам исторического знания. Фактографический материал является основой для формирования исторических представлений и состоит из фактов, явлений и процессов. Факт – это уникальное событие, произошедшее один раз. Иногда факт может быть назван событием и имеет следующие характеристики: хронологические и географические рамки, круг участников. Явление – это совокупность событий, характерных для определенной эпохи, оно может быть экономического, социального, психологического, политического, правового или культурного типа. Процесс же представляет собой совокупность явлений и событий.

Для каждой составляющей фактографического материала характерны свои историческое время, историческое пространство и историческое движение, т. е. изменение. Через фактографический материал у школьников формируются исторические представления – конкретные, эмоционально окрашенные образы [3, с. 73], т. е. можно сказать, что историческое представление – это некий образ, возникающий в голове у школьника и олицетворяющий определенный этап исторического развития. Данный образ является не только отражением понимания материала школьниками, но основой для формирования исторических понятий.

К теоретическому материалу в содержании истории относятся понятийный аппарат, исторические закономерности, теории и концепции и методы познания истории. Понятийный аппарат необходим, так как изучение любой науки невозможно без овладения терминами и понятиями, для нее специфическими, однако в основном в школе изучаются термины, отражающие лишь ведущий признак понятия, также понятия необходимы для объяснения фактографического материала, его систематизации и осмысления других понятий [10, с. 34], так как сами понятия делятся на простые и сложные [3, с. 78]. Исторические закономерности – то, что наблюдается в историческом процессе постоянно, переходит из эпохи в эпоху. Исторические закономерности строятся на понимании связей между фактографическим материалом и теоретическим. Теории и концепции в школьном историческом образовании отражены в меньшей степени, так как отражают уровень методологического знания. Это именно те идеи, которые необходимы для раскрытия материала школьной программы.

В совокупности фактографический и теоретический материал создает фундамент для дальнейшего построения системы знаний и научного мировоззрения, однако это происходит при условии правильного формирования основ знаний.

Проведённый анализ показывает, что историческое знание представляет собой целостную систему, в которой одновременно сосуществуют два взаимосвязанных блока — фактографический и теоретический. Фактографический материал (факты, явления, процессы) создаёт основу для формирования исторических представлений, а теоретический (понятия, закономерности, теории, концепции и методы познания) обеспечивает осмысление, систематизацию и объяснение исторического материала. Системообразующими основами исторического знания выступают хроноструктура, ключевые факты и понятия, при этом фундамент исторических знаний закладывается уже в школе. Однако современные государственные документы в сфере исторического образования не отражают формирование системы исторических знаний и научного мировоззрения как цель обучения, хотя в дореволюционной России и СССР эта цель присутствовала. Следовательно, для полноценного освоения истории необходимо целенаправленное и сбалансированное формирование обоих компонентов исторического знания — фактографического и теоретического, — что возможно лишь при правильном построении основ знаний и требует более последовательного отражения данной цели в нормативных и методических документах.

Список источников

1. Алексеева Л. В., Кокорев В. А., Юсифов Р. Э. О проблеме формирования основ знаний по истории и способах ее решения в условиях линейной структуры школьного образования // Историческое образование в Югре: прошлое и настоящее: материалы регионального научно-методического семинара (Нижневартовск, 26 октября 2023 г.) / под общ. ред. Л. В. Алексеевой. – Уфа: Аэтерна, 2023. – С. 9–17.

2. Методика обучения истории: учебник / В. В. Барабанов, Н. Н. Лазукова, Э. В. Ванина и др.; под ред. В. В. Барабанова, Н. Н. Лазуковой. – М.: Академия, 2014. – 432 с. – ISBN 978-5-4468-0337-8.

3. Методика преподавания истории в средней школе: учебное пособие / С. А. Ежова, И. М. Лебедева, А. В. Дружкова и др. – М.: Просвещение, 1986. – 272 с.

4. Савельева И. М. Концептуальные проблемы современного исторического образования в Европе и США // Вопросы образования. – 2006. – № 4. – С. 114–123.

5. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: учебное пособие. – СПб.: Алетейя, 2007. – 523 с. – ISBN 978-5-91419-059-7.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287.

7. Историко-культурный стандарт // Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. – 2020.

8. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы: утв. решением Министерства просвещения Российской Федерации, протокол от 23.10.2020 № ПК-1вн.

9. Федеральная рабочая программа основного общего образования. История (для 5–9 классов образовательных организаций). – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022.

10. Алексеева Л. В. История в школе: вопросы теории и методики преподавания: учебно-методическое пособие. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного педагогического института, 2005. – 180 с.

УДК 37.015.3

ПРЕДИКТОРЫ УСПЕШНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

РУБАН ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
магистрант
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: Гридяева Людмила Николаевна
канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Аннотация: в статье рассматривается проблема определения предикторов успешности учебной деятельности в среднем школьном возрасте. Раскрывается содержание понятия учебной успешности, показывается его отличие от успеваемости и академической результативности. Анализируются когнитивные, мотивационно-личностные и социальные факторы, влияющие на успешность обучения подростков. Обосновывается авторская позиция, согласно которой успешность учебной деятельности следует рассматривать как интегративную характеристику, отражающую единство объективных результатов обучения и субъективного переживания учеником собственной компетентности, самостоятельности и включенности в образовательный процесс.
Ключевые слова: учебная деятельность, учебная успешность, предикторы успешности, средний школьный возраст, мотивация, саморегуляция, самоорганизация.

PREDICTORS OF ACADEMIC SUCCESS IN MIDDLE SCHOOL AGE: THEORETICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

Ruban Irina Aleksandrovna

Scientific adviser: Gridyaeva Lyudmila Nikolaevna

Abstract: the article examines the problem of identifying predictors of academic success in middle school age. The content of the concept of academic success is revealed and its difference from school performance and academic achievement is shown. Cognitive, motivational-personal and social factors influencing adolescents' academic success are analyzed. The author substantiates the position that academic success should be considered as an integrative characteristic reflecting the unity of objective learning outcomes and the student's subjective experience of competence, independence and involvement in the educational process.
Key words: academic activity, academic success, predictors of success, middle school age, motivation, self-regulation, self-organization.

В современных условиях развития образования проблема успешности учебной деятельности приобретает особую значимость. Это связано не только с повышением требований к результатам обу-

чения, но и с изменением представлений о самом качестве образования, которое сегодня включает не только уровень знаний, но и способность школьника к самостоятельному обучению, осознанной регуляции поведения и продуктивному взаимодействию с образовательной средой. Особенно актуальной данная проблема является применительно к среднему школьному возрасту, поскольку именно в этот период учебная деятельность существенно усложняется, а ее успешность начинает зависеть не только от интеллектуальных возможностей, но и от личностных и социальных факторов.

В психолого-педагогической литературе понятие успешности учебной деятельности трактуется неоднозначно. Одни исследователи связывают его прежде всего с субъективным переживанием учеником собственного продвижения, удовлетворенности и уверенности в своих силах, другие акцентируют внимание на объективных результатах обучения, выраженных в усвоении знаний, умений и способов действий. На наш взгляд, ограничение успешности только внешними показателями является недостаточным. Ученик может демонстрировать высокую успеваемость, но испытывать тревогу, неуверенность и эмоциональное истощение [1, с. 7]. В этом случае формальный результат не отражает реального качества включенности в учебный процесс.

Именно поэтому представляется принципиально важным разграничивать понятия «успеваемость» и «успешность». Успеваемость характеризует соответствие результатов деятельности установленным требованиям и чаще всего выражается в отметках. Успешность же является более широким явлением, включающим не только академический результат, но и отношение школьника к учебе, его способность преодолевать трудности, сохранять мотивацию, проявлять самостоятельность и переживать собственную компетентность. В авторской позиции успешность учебной деятельности определяется как интегративная психолого-педагогическая характеристика, отражающая единство результативности, личностной включенности и субъективного благополучия ученика в процессе учения.

Такое понимание позволяет более обоснованно подходить к анализу предикторов успешности. В научной литературе под предикторами понимаются психологические, педагогические и социальные характеристики, позволяющие прогнозировать вероятность достижения учащимся положительных результатов в учебной деятельности. При этом современный анализ показывает, что успешность обучения в подростковом возрасте имеет многофакторную природу и не может быть объяснена каким-либо одним параметром.

К числу наиболее изученных относятся когнитивные предикторы. Исследователи подчеркивают значимость интеллекта, особенностей мышления, рабочей памяти, внимания, скорости переработки информации и речевых способностей для достижения учебных результатов. Действительно, без определенного уровня интеллектуального развития успешное усвоение учебного материала затруднено. Однако в среднем школьном возрасте прогностическая сила исключительно когнитивных факторов постепенно снижается, поскольку возрастает роль саморегуляции, личностной зрелости и мотивационной сферы. Это означает, что даже при хороших интеллектуальных данных ученик может демонстрировать нестабильные результаты при недостатке организованности, целеустремленности и внутреннего интереса к учению.

Особое место в структуре предикторов занимает учебная мотивация. Подросток успешнее включается в деятельность тогда, когда учеба приобретает для него личностный смысл, когда он ориентирован не только на отметку или одобрение взрослых, но и на получение знаний, самосовершенствование и достижение результата. Внутренняя мотивация обеспечивает большую устойчивость учебных усилий, чем внешняя, поскольку связана с осознанным принятием целей учения. В этой связи можно утверждать, что в среднем школьном возрасте мотивация выступает не второстепенным, а системообразующим фактором успешности учебной деятельности.

Не менее значимым предиктором является саморегуляция. В исследованиях В. И. Моросановой она рассматривается как способность личности к целеполаганию, планированию, моделированию условий, программированию действий, оценке и коррекции результатов [2, с. 5]. Для подростка это особенно важно, так как учебная деятельность в 5-7 классах требует большей самостоятельности, чем в начальной школе. Возрастает объем домашних заданий, усложняется содержание предметов, увеличивается количество преподавателей и меняются формы контроля. В этих условиях ученик, не владе-

ющий навыками саморегуляции, даже при наличии способностей может испытывать выраженные трудности.

С саморегуляцией тесно связана самоорганизация учебной деятельности. Она проявляется в умении планировать время, распределять усилия, доводить начатое до конца, удерживать цель и контролировать промежуточные этапы работы. По сути, самоорганизация представляет собой поведенческое выражение субъектной позиции школьника. Чем выше способность подростка к самоорганизации, тем более устойчивыми становятся его учебные результаты. Следовательно, успешность в среднем школьном возрасте зависит не только от того, что знает ученик, но и от того, как он умеет учиться.

Анализ литературы показывает также большую значимость социальных предикторов. К ним относятся отношения с учителями, положение в группе сверстников, характер семейного воспитания и уровень родительской поддержки. Подростковый возраст характеризуется усилением потребности в признании, принятии и эмоциональной безопасности. Поэтому неблагоприятный психологический климат в классе, конфликтные отношения с педагогом или отсутствие поддержки со стороны семьи могут существенно снижать учебную активность и мотивацию. Напротив, доверительные отношения со значимыми взрослыми и позитивное восприятие школьником семейного участия в учебе создают условия для более гармоничного протекания учебной деятельности [3, с. 10].

Значимой для нашего исследования является идея Ю. К. Бабанского о «реальных учебных возможностях» школьника, включающих единство внутренних и внешних условий учебной деятельности. Эта позиция представляется продуктивной, поскольку позволяет рассматривать успешность не как случайный итог, а как закономерный результат взаимодействия личностных ресурсов ученика и образовательной среды. Именно такое понимание лежит в основе современной диагностики предикторов успешности.

Таким образом, теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что успешность учебной деятельности в среднем школьном возрасте должна рассматриваться как комплексное образование, включающее объективные результаты обучения, мотивационно-личностные характеристики, уровень саморегуляции и самоорганизации, а также качество социальной поддержки. Авторская позиция состоит в том, что наибольшую объяснительную ценность в изучении успешности подростков имеет интегративный подход, учитывающий взаимосвязь когнитивных, личностных и средовых факторов. Перспективы дальнейшего исследования видятся в эмпирическом выявлении соотношения учебной мотивации, саморегуляции, самоорганизации и восприятия родительской поддержки как предикторов успешности учебной деятельности учащихся среднего школьного возраста.

Список источников

1. Новикова, М. А. Самооценка интеллекта в структурных связях с психометрическим интеллектом, личностными свойствами и академической успеваемостью / М. А. Новикова, Т. В. Корнилова // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, № 23. – С. 2. – EDN PAISAN.

2. Моросанова В. И. Личностные и регуляторные предикторы успешности и надёжности действий школьников в ситуации экзамена // Вестник Московского университета. – Серия 14: Психология. – 2014. – № 4. – С. 4-16.

3. Гордеева Т. О. Универсальность и специфичность внутренней и внешней мотивации учебной деятельности и их роли, как предикторов академических достижений // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2013. – № 3(24). – С. 8-17.

© И. А. Рубан, 2026

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 616.02

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАТОГЕНЕЗЕ ПЫЛЕВОЙ ПАТОЛОГИИ ЛЁГКИХ: ОТ ОРГАНОЛОКАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ К МОЛЕКУЛЯРНО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

БОНДАРЕВ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ

доктор медицинских наук, доцент кафедры патологической анатомии и судебной медицины
Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей – филиал
ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного
профессионального образования» Минздрава России,
Новокузнецк, Россия

Аннотация. В статье констатируется кризис современных представлений о сущности пылевой патологии органов дыхания (ППОД) и кониотического пневмосклероза (КПС), выражающийся в серии неразрешённых противоречий относительно роли воспаления, нозологической самостоятельности пылевого бронхита и значимости сосудистого компонента. Анализируется несостоятельность методологических подходов, базирующихся на концепции ХОБЛ и органолокалистическом принципе. На основе данных молекулярной биологии и международных исследований аргументируется положение об эпителиально-мезенхимальной трансформации (ЭМТ) как ключевой парадигме решения проблемы, позволяющей объяснить одновременность и стереотипность поражения всех структур бронхолёгочной системы, а также неэффективность противовоспалительной терапии. Представлены собственные гистологические наблюдения и обоснована необходимость перехода к новой классификации, основанной на патогенетических фазах процесса.

Ключевые слова: пневмокониоз, силикоз, пылевая патология органов дыхания, эпителиально-мезенхимальная трансформация, ремоделирование сосудов, пылевой бронхит, оксидативный стресс.

CURRENT CONCEPTS OF THE PATHOGENESIS OF DUST LUNG PATHOLOGY: FROM THE ORGANLOCALISTIC MODEL TO THE MOLECULAR BIOLOGICAL PARADIGM (ANALYTICAL REVIEW)

Bondarev Oleg Ivanovich

Abstract. The article states the crisis of current concepts of the essence of dust pathology of the respiratory organs (DPRO) and coniotic pneumosclerosis (CPS), manifested in a series of unresolved contradictions regarding the role of inflammation, the nosological independence of dust bronchitis, and the significance of the vascular component. The inconsistency of methodological approaches based on the COPD concept and the organ-localistic principle is analyzed. Based on molecular biology data and international studies, the position of epithelial-mesenchymal transition (EMT) as a key paradigm for solving the problem is argued, which makes it possible to explain the simultaneity and stereotypy of damage to all structures of the bronchopulmonary system, as well as the ineffectiveness of anti-inflammatory therapy. The author's own histological observations

are presented and the need for a transition to a new classification based on pathogenetic phases of the process is substantiated.
Keywords: pneumoconiosis, silicosis, dust pathology of the respiratory organs, epithelial-mesenchymal transition, vascular remodeling, dust bronchitis, oxidative stress.

Интрига вокруг пылевой патологии органов дыхания (ППОД) и пневмокониоза (ПК) как её визитной карточки состоит в том, что с самого начала её изучения оно сосредоточилось вокруг представлений об эксквизитности, исключительности кониотического пневмосклероза (КПС), закреплённых в понятиях вначале «пневмокониоз», а позже — «силикоз». Это обострённое восприятие исключительности КПС сохранилось в профпатологии до настоящего времени, несмотря на многочисленные патогенетические, но больше терминологические, перипетии в пульмонологии и профпатологии. В XX веке оно транзитом прошло через представления И.В. Давыдовского о неспецифичной лёгочной чахотке, через понятия о хронических неспецифических заболеваниях лёгких — ХНЗЛ, о хронической пневмонии, а в настоящее время — и через понятие хронической обструктивной болезни лёгких — ХОБЛ.

Представления профпатологов об исключительности КПС, сохраняющего на себе печать этиологических факторов и обладающего статусом нозологической единицы, резко контрастировали с трактовкой склероза в других разделах медицины как банального, совершенно неспецифического, стереотипного, уже этиологически обезличенного явления. Одним из доказательств исключительности КПС является неэффективность его лечения антибиотиками, противовоспалительными средствами и симптоматической терапией на любой стадии ППОД. П.П. Движков отрицал воспалительную природу ПК [1, с. 424]. И.К. Есипова, приступая к описанию ПК, сразу пояснила, что ею «… будет описываться пневмосклероз, возникающий в результате воспалительных процессов в лёгких, за исключением пневмокониозов, которые в монографии не обсуждаются» [2, с. 280]. Однако приверженность к оригинальным убеждениям завела учение о ППОД в ловушку, породив остающиеся пока нерешёнными противоречия.

Так, если по Ю.А. Лощилову обязательной первой стадией тканевых изменений при развитии ПК является альвеолярный протеиноз [3, с.72; 4, с. 3], то по Г.Г. Кругликову и Б.Т. Величковскому «альвеолярный протеиноз не является обязательной стадией возникновения ПК или представляет собой кратковременный, трудноуловимый этап развития патологических изменений» [5,с.14]. Если по Ю.А. Лощилову этиологическое многообразие ПК не находит морфологического подкрепления, почему в ныне действующей классификации ПК их количество сведено фактически к двум формам [6], то по мнению Б.Т. Величковского современная классификация ПК чрезвычайно размыта по клиническим проявлениям, практически малоприемлема и должна содержать не менее 5 форм ПК, соответствующих, по его мнению, этиопатогенетической специфичности пылей [7, с. 8; 8].

Методологической платформой, возможно способной разрешить противоречия в учении о ПК, являются представления о феномене эпителиально-мезенхимальной трансформации (ЭМТ) [9, с. 23; 10, с. 30; 11, с. 78]. Этот феномен заключается в смене типа эпителиальных клеток, являющихся высокодифференцированными, то есть в явлении, до определённого времени считавшегося в биологии маловероятным [12, с. 216], хотя давно предполагалось, что в клеточных ядрах специализированных клеток наличествует больший запас генетической информации, чем тот, который ими реализован; что любая клетка содержит не только функционирующие, но и неактивные гены, которые под воздействием дерепрессирующих факторов могут быть активированы. Достижения молекулярной биологии, иммуногистохимии, разработка экспериментальных моделей изучения межклеточных взаимодействий в клеточных культурах доказали реальность перепрограммирования клеток из дифференцированного состояния обратно к менее дифференцированному уровню своих предшественников. Частным случаем такой дедифференцировки клеток является ЭМТ. Эпителиальные и мезенхимальные клетки имеют единые гистогенетические корни. Реверсия фенотипа эпителиальных клеток возвращает их к типу клеток своих исторических предшественников, к типу мезенхимальных клеток с присущей им способностью к синтезу коллагена и внеклеточного матрикса, появлению сократительной и миграционной способности. Фактически речь идёт о процессе тканевой и клеточной дедифференцировки, за которой должна

стоять дерепрессия генома. ЭМТ может быть отслежена не только по изменению внешнего вида клеток, но и по иммуногистохимическому выявлению маркёров, свойственных мезенхимальным клеткам: виментина, немышечного актина, десмина, N-кадгерина, накоплению в экстрацеллюлярном матриксе гликозаминогликанов, вкупе свидетельствующих о трансформации эпителиальных клеток в типичные фибробласты.

Без представлений об ЭМТ была бы невозможна разработка теоретических и практических аспектов клеточной терапии. Онкология является той областью медицины, в которой концепция ЭМТ давно превратилась в методологическую платформу по изучению инвазивности малигнизированных клеток и самого процесса раковой трансформации. Примечательно, что во внутренней медицине представления об ЭМТ вызвали первый резонанс среди учения об интерстициальных заболеваниях лёгких [11,с.78]. Взгляд на идиопатические интерстициальные пневмонии с позиций рассматриваемого феномена показал, что многообразие форм этой патологии по темпам прогрессии, выраженности фиброза, резистентности к терапии зависит от глубины эпителиально-мезенхимальной трансформации. Оказалось, что в развитии перемоделирования лёгочной паренхимы участвуют не только клетки воспалительного инфильтрата, но и реверсированные миофибробласты апоптозно-резистентного фенотипа, считающиеся центральными клетками прогрессирования фиброза. В случаях образования фиброза путём, альтернативным воспалительному, источником развития фиброза в органах являются активированные миофибробласты, развившиеся не из резидентных предшественников, а образовавшиеся в процессе эпителиально-мезенхимального перехода. Таким образом, при ЭМТ врождённые механизмы фиброгенеза отличаются от тех, которые регулируются воспалением, что и объясняет неэффективность противовоспалительной терапии. Представления прошлых лет о возможности невоспалительной природы лёгочного фиброза в свете представлений об ЭМТ получали убедительные доказательства.

Современные экспериментальные исследования не только подтверждают эту гипотезу, но и расшифровывают конкретные молекулярные механизмы. Tian Y. et al. (2022–2023) в серии экспериментов на модели силикоза убедительно показали, что клетки альвеолярного эпителия II типа подвергаются ЭМТ, что является ключевым компонентом формирования легочных фибробластов [13, с.114410]. Авторы установили, что данный процесс регулируется сигнальным путём Wnt/β-catenin. Рецептор аденозина A2aR ингибирует фиброз и процесс ЭМТ при силикозе именно через модуляцию этого пути. Было обнаружено, что экспрессия A2aR снижена в модели ЭМТ, а его активация обращает процесс ЭМТ вспять [13,с.114410]. Эти данные имеют революционное значение, так как впервые объясняют, почему противовоспалительная терапия неэффективна при ПК — процесс определяется не классическим воспалением, а программируемой трансдифференцировкой клеток, и каким образом разнообразные этиологические факторы могут приводить к стереотипному морфологическому результату — фиброзу — через активацию общих внутриклеточных сигнальных каскадов.

Ретроспективно можно сказать, что многие положения ЭМТ были предсказаны в 30-х годах отечественным учёным В.Г. Гаршиным в виде концепции эпителиально-мезенхимальных взаимодействий [14,с.240]. Mosinger M., Fiorentini H. рассматривали силикоз как «склерозирующий мезенхиматоз» [15, с.1093; 16, с.145]. В монографии Б.Б. Фукс и Б.И. Фукс «Очерки морфологии и гистохимии соединительной ткани» авторы писали, что предложенный ими механизм мог бы менять направление развития соединительнотканной клетки, регулируя уровень активности филогенетически более новых генов, что объясняло бы относительную лёгкость, с которой осуществляются метапластические переходы [17, с. 312]. В монографии И.К. Есиповой «Лёгкое в патологии» (1972) целая глава была посвящена уже известному факту изменения фенотипа гладкомышечных клеток [2, с. 280].

Нами при светомикроскопическом гистологическом исследовании бронхов, лёгочной ткани и артерий МКК в случаях судебно-медицинских экспертиз шахтёров, погибших при техногенных катастрофах, то есть ещё не имевших клинических проявлений бронхолёгочной патологии, была показана одновременность развития антракосиликотического процесса в респираторной ткани лёгких, выраженных атрофических изменений слизистой бронхов с гипертрофией их гладкой мускулатуры — в бронхах и эндотелиоза с гипертрофией медии — в артериях МКК [18, с. 29; 19, с. 18]. В базальной мембране бронхов и субмембранозно выявлялись веретенообразные клетки, светомикроскопически напоминаю-

щие фибробластные структуры. Полученные данные дали основание предполагать, что КПС может быть вариантом ЭМТ и позволили приступить к гистохимическому выявлению маркёров ЭМТ в тканевых структурах лёгких у работающих в условиях повышенной запылённости угольнопородной пылью. Если при пылевой патологии органов дыхания указанные события действительно происходят, тогда одновременное развитие фиброза и в бронхах, и в лёгочной ткани, и в лёгочных сосудах можно объяснить появлением на месте реверсированных из эпителиев миофибробластов, а не пришлыми элементами и не клетками банального воспаления. Вполне понятно, что бронхообструктивность не может претендовать на ключевое звено в развитии феномена ЭМТ даже применительно к частному, бронхолёгочному её проявлению. Сказанное доказывает правомерность выстраданных профпатологией оригинальных представлений об исключительности КПС, поскольку убеждения о невоспалительной его природе лежали в обосновании его эксквизитности.

Одним из наиболее серьёзных упущений классической профпатологии является игнорирование структур малого круга кровообращения (МКК) как паритетного участника кониотического процесса. Если о них и говорится, то лишь как о структурах, вовлекающихся вторично, например, гипоксией через рефлекс Эйлера–Лилиестранда. Однако современные исследования заставляют пересмотреть эту точку зрения. Zelko I.N. et al. (2018) на модели воздействия кристаллического кремнезёма продемонстрировали, что повреждение легочных сосудов и их ремоделирование происходит параллельно с развитием фиброза и имеет общие патогенетические корни [20,с.221]. Авторы показали ключевую роль внеклеточной супероксиддисмутазы (SOD3) в этом процессе. Эксперименты свидетельствуют, что кремнезём индуцирует повреждение легочного эндотелия, что запускает каскад пролиферативных реакций в сосудистой стенке ещё до того, как разовьётся выраженная гипоксемия. Окислительный стресс, индуцируемый частицами пыли в альвеолярных макрофагах, напрямую способствует поляризации макрофагов в провоспалительный М2-фенотип, который инициирует фиброз [20, с. 221]. Клинические наблюдения О.Л. Осиповой и соавт. (2003) подтверждают эти экспериментальные данные: у 22,7% больных с ПК при отсутствии легочной гипертензии в покое выявлялась латентная легочная гипертензия при нагрузочных пробах, что свидетельствует о раннем снижении резервов легочного кровообращения [21, с. 2619].

Особую остроту дискуссия приобретает в вопросе о существовании пылевого бронхита. Если Б.Т. Величковский продолжает отрицать существование пылевого бронхита как такового [7, с. 8; 22, с. 1], то и общая пульмонология, и профпатология признают его самостоятельной нозологической единицей. Однако, как справедливо отмечает В.В. Милишникова, единого представления о генезе этого бронхита нет: исследователи сосредотачиваются преимущественно на вторичной роли инфекции, не конкретизируя первичного пылевого патогенеза [23, с. 15]. Все сторонники признания пылевого бронхита уклоняются от объяснения «пылевой фракции» его патогенеза, возможно, потому, что бронхита, то есть «-ита» в понимании общей патологии как банального воспаления, не существует. Поэтому Б.Т. Величковский по-своему прав в отрицании пылевого бронхита, поскольку понятие «пылевой» применительно к бронхиту лишено патогенетического содержания. В этой ситуации совершенно не замечается тождественность патогномоничности атрофических изменений слизистой бронхов при пылевом бронхите таковой при первичной атрофической бронхопатии по Г.И. Непомнящих [24, с. 604]. Международные исследования также подтверждают, что «индустриальный бронхит» (industrial bronchitis), в отличие от бронхита, вызванного курением, поражает преимущественно крупные, а не мелкие дыхательные пути и не сопровождается эмфиземой [25, с.285]. А.В. Малашенко полагает, напротив, «… что профессиональный (пылевой) бронхит, диффузный и узелковый кониотический пневмосклероз патогенетически связаны между собой и патоморфологически представляют неразрывные звенья в развитии единого кониотического процесса бронхолёгочной системы — пневмокониоза» [26, с.32]. С позиции концепции ЭМТ эта связь становится объяснимой: воздействие пыли на эпителий бронхов может индуцировать в нём аналогичные процессы трансдифференцировки, ведущие к ремоделированию стенки бронхов.

Противоречий вокруг проблемы ППОД нет, пожалуй, в представлениях о несомненно вторичном генезе лёгочной гипертензии при ней. При запутанности представлений о патогенезе ППОД игнорирование структур МКК можно объяснить лишь доведённым до ортодоксальности принципом органопатологии, при котором представления о кониотическом процессе сосредоточены даже не на органе, а

только на респираторной его части. Проблема с пониманием сущности ППОД и ПК осознаётся, но фрагментарно. В Приказе № 417н от 24 апреля 2012 г., содержащего перечень профессиональных заболеваний, пылевая патология легких теперь рассматривается как патология, связанная с действием химических факторов [27]. Но пыль по ныне действующим санитарно-гигиеническим канонам, как и в течение всего предшествующего периода её изучения, рассматривается не химическим, а физическим фактором [28]. Вряд ли терминологическими рокировками можно решить проблему её патогенности.

На статус методологической платформы для решения проблемы ППОД претендует заимствованная из общей пульмонологии концепция ХОБЛ, и в перечень профессиональных заболеваний уже введена ХОБЛ профессионального генеза как нозологическая единица. Но к обозначенным выше проблемам ПК и пылевого бронхита бронхообструктивный синдром никакого отношения не имеет. В период только ещё начинающихся попыток внедрения концепции ХОБЛ в отечественную медицину отмечалась неприемлемость объединительного диагноза типа «обструктивная болезнь лёгких» как способа классификации бронхолёгочной патологии [29,с.7]. Состояние бронхообструктивности не было кардинальной проблемой пульмонологии, поскольку хроническому бронхиту было несвойственно сужение просвета бронхов [29,с.7]. В унисон с этими представлениями высказывался и Б.Т. Величковский, только применительно к профпатологии: «Хронический бронхит представляет собой уникальную нозологическую форму, научное определение которой само по себе препятствует ранней диагностике и своевременной терапии заболевания. Но принятое сейчас понятие "хроническая обструктивная болезнь лёгких (ХОБЛ)" ещё в большей степени отдаляет больного от ранней постановки диагноза» [30,с.6]. Сторонники концепции ХОБЛ, ощущая, вероятно, её патогенетическую несостоятельность, вынуждены обращаться к какому-то абнормальному воспалению, её вызывающему, не известному ни патоморфологии, ни патофизиологии [31, с. 12]. В последнее время ведутся разговоры о том, что понятие бронхообструктивности не надо понимать буквально, что существуют формы ХОБЛ без обструкции, что ХОБЛ — это системный процесс, что ХОБЛ сопутствуют широкомасштабные повреждения соединительной ткани [32,с.112;33,с.10]. Но тогда надо отказаться от представлений о бронхообструктивности как ключевой проблемы пульмонологии и искать другие пульсары патогенеза. Современные исследования показывают, что ультрадисперсные частицы пыли способны индуцировать каскад иммунных реакций с активацией Th17-клеток и продукцией IL-17, что ассоциировано с развитием не только астмы и ХОБЛ, но и рака лёгкого [34,с.1623]. Это расширяет понимание ППОД далеко за рамки бронхообструктивного синдрома.

Использование в исследованиях по ППОД и КПС широкого спектра показателей состояния иммунного статуса, цитокинов и других представителей межклеточных взаимодействий из области молекулярной биологии не способствовало решению проблемы, что свидетельствует о методологическом тупике, в котором оказалось учение о ППОД. Выход из этого тупика видится в принятии эпителиально-мезенхимальной трансформации как центрального патогенетического механизма, объединяющего изменения в респираторном эпителии, бронхах и сосудах. Идентификация сигнальных путей (Wnt/β-catenin, A2aR) и факторов (SOD3), регулирующих этот процесс, открывает перспективы для разработки патогенетической (а не симптоматической) терапии ППОД. Представляется перспективным выделение фаз патологического процесса: фаза инициации (альвеолярный протеиноз, активация макрофагов, оксидативный взрыв), фаза ЭМТ и фиброгенеза (активация Wnt/β-catenin пути, трансдифференцировка эпителия, пролиферация фибробластов), фаза сосудистого ремоделирования (эндотелиальная дисфункция, гипертрофия медии, латентная легочная гипертензия) и исходы (диффузный пневмосклероз, кониотуберкулез). Такой подход открывает новые горизонты для диагностики и терапии, позволяя перейти от констатации факта заболевания к пониманию его индивидуального патогенетического варианта.

Список источников

1. Движков П. П. Пневмокониозы. – М.: Медицина, 1965. – 424 с.

2. Fujimura N. Pathology and pathophysiology of pneumoconiosis // Current Opinion in Pulmonary Medicine. – 2000. – Vol. 6, № 2. – P. 140–144. – DOI: 10.1097/00063198-200003000-00010.

3. Pathology and Mineralogy of the Pneumoconioses // PubMed. – 2023. – PMID: 36972614.

4. Лощилов Ю. А., Монаенкова А. М. Патоморфологические аспекты к классификации пневмокониозов // Медицина труда и промышленная экология. – 1995. – № 5. – С. 4–6.

5. Yang B., Liu X., Peng C. et al. Silicosis: from pathogenesis to therapeutics // Frontiers in Pharmacology. – 2025. – Vol. 16. – Art. 1516200. – DOI: 10.3389/fphar.2025.1516200.

6. A comprehensive retrospect on the current perspectives and future prospects of pneumoconiosis // PubMed. – 2025. – PMID: 39866352.

7. Zelko I. N., Zhu J., Roman J. Role of SOD3 in silica-related lung fibrosis and pulmonary vascular remodeling // Respiratory Research. – 2018. – Vol. 19. – Art. 221.

8. Understanding the pathogenesis of occupational coal and silica dust-associated lung disease // PubMed. – 2022. – PMID: 35831008.

9. Guo L., Han L., Zhang J. et al. HMGB1 mediates epithelial-mesenchymal transition and fibrosis in silicosis via RAGE/β-catenin signaling // Chemical-Biological Interactions. – 2025. – Vol. 408. – Art. 111385. – DOI: 10.1016/j.cbi.2025.111385.

10. Tian Y., Xia J., Yang G. et al. A2aR inhibits fibrosis and the EMT process in silicosis by regulating Wnt/β-catenin pathway // Ecotoxicology and Environmental Safety. – 2023. – Vol. 249. – Art. 114410. – DOI: 10.1016/j.ecoenv.2022.114410.

11. Inhibition of MARCO ameliorates silica-induced pulmonary fibrosis by regulating epithelial-mesenchymal transition // PubMed. – 2018. – PMID: 30391304.

12. Кнорре А. Г. Эмбриональный гистогенез (морфологические очерки). – Л.: Медицина, 1971. – 432 с.

13. Zhang P. et al. Stimulator of Interferon Genes Signaling Promotes Epithelial-Mesenchymal Transition by Inducing Programmed Death-Ligand 1 Expression in Silicosis // Chemical-Biological Interactions. – 2026. – DOI: 10.1016/j.cbi.2026.112304.

14. Гаршин В. Г. Воспалительные разрастания эпителия, их биологическое значение и отношение к проблеме рака. – М.; Л.: Медгиз, 1939. – 132 с.

15. Pathological Study on Epithelial-Mesenchymal Transition in Silicotic Lung Lesions in Rat // PubMed. – 2019. – PMID: 31480326.

16. circHECTD1 promotes the silica-induced pulmonary endothelial-mesenchymal transition via HECTD1 // Cell Death & Disease. – 2018. – DOI: 10.1038/s41419-018-0432-1.

17. N-Acetyl-Seryl-Asparyl-Lysyl-Proline regulates lung renin angiotensin system to inhibit epithelial-mesenchymal transition in silicotic mice // Toxicology and Applied Pharmacology. – 2020. – Art. 115255. – DOI: 10.1016/j.taap.2020.115255.

18. Wouters E. F., Jorna T. H., Westenend M. Respiratory effects of coal dust exposure: clinical effects and diagnosis // Experimental Lung Research. – 1994. – Vol. 20, № 5. – P. 385–394. – DOI: 10.3109/01902149409064395.

19. Hang W., Bu C., Cui Y. et al. Research progress on the pathogenesis and prediction of pneumoconiosis among coal miners // Environmental Geochemistry and Health. – 2024. – Vol. 46, № 9. – Art. 319. – DOI: 10.1007/s10653-024-02114-z.

20. Zelko I. N., Zhu J., Roman J. Role of SOD3 in silica-related lung fibrosis and pulmonary vascular remodeling // Respiratory Research. – 2018. – Vol. 19. – Art. 221.

21. Current Review of Pneumoconiosis Among US Coal Miners // Current Environmental Health Reports. – 2019. – Vol. 6, № 3. – P. 137–147. – DOI: 10.1007/s40572-019-00237-5.

22. Crystalline killer: the molecular cascade of silica toxicity from inflammation to fibrosis // PubMed. – 2025. – PMID: 41218132.

23. Morgan W. K. Industrial bronchitis // British Journal of Industrial Medicine. – 1978. – Vol. 35, № 4. – P. 285–291.

24. From perinodular to nodular tissues: aberrant accumulation of ornithine accelerates pulmonary fibrosis in silicosis // PubMed. – 2025. – PMID: 41005899.

25. Morgan W. K. Industrial bronchitis // British Journal of Industrial Medicine. – 1978. – Vol. 35, № 4. – P. 285–291.

26. Pathologic Findings in Severe Coal Workers' Pneumoconiosis in Contemporary US Coal Miners // Archives of Pathology & Laboratory Medicine. – 2024. – DOI: 10.5858/arpa.2022-0491-OA.

27. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27.04.2012 № 417н «Об утверждении перечня профессиональных заболеваний».

28. СанПиН 1.2.3685-21. Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания. – 2021.

29. Wouters E. F. M. Local and systemic inflammation in chronic obstructive pulmonary disease // Proceedings of the American Thoracic Society. – 2005. – Vol. 2, № 1. – P. 26–33. – DOI: 10.1513/pats.200408-039MS.

30. Wouters E. F. M., Groenewegen K. H., Dentener M. A., Vernooy J. H. J. Systemic inflammation in chronic obstructive pulmonary disease: the role of exacerbations // Proceedings of the American Thoracic Society. – 2007. – Vol. 4, № 8. – P. 626–634. – DOI: 10.1513/pats.200706-071TH.

31. Garcia-Rio F., Miravitlles M., Soriano J. B. et al. Systemic inflammation in chronic obstructive pulmonary disease: a population-based study // Respiratory Research. – 2010. – Vol. 11. – Art. 63. – DOI: 10.1186/1465-9921-11-63.

32. Oudijk E. J. D., Lammers J. W. J., Koenderman L. Systemic inflammation in chronic obstructive pulmonary disease // European Respiratory Journal. Supplement. – 2003. – Vol. 46. – P. 5s–13s. – DOI: 10.1183/09031936.03.00004603a.

33. The occupational burden of chronic obstructive pulmonary disease // European Respiratory Journal. – 2003. – DOI: 10.1183/09031936.03.00094203.

34. Yang J., Kim E. K., Park H. J. et al. The impact of bacteria-derived ultrafine dust particles on pulmonary diseases // Experimental & Molecular Medicine. – 2020. – Vol. 52, № 3. – P. 338–347. – DOI: 10.1038/s12276-019-0367-3.

УДК 13058

МОНИТОРИНГ ПЕРЕНОСИМОСТИ НАГРУЗКИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА» (ЭЛЕКТИВНЫЙ МОДУЛЬ)

ТАРБЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта
ФГОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема мониторинга переносимости физической нагрузки на практических занятиях по дисциплине «Физическая подготовка» (элективный модуль) в Волгоградском государственном медицинском университете (ВолгГМУ). Исследование направлено на анализ текущего состояния контроля нагрузки и разработку практических подходов к оценке переносимости нагрузки студентами. В статье анализируются современные методы педагогического и физиологического контроля, учитывая специфику обучения студентов-медиков и их различный уровень физической подготовленности. Предлагаются конкретные рекомендации по внедрению простых и информативных критериев мониторинга непосредственно на занятии, а также по индивидуализации нагрузки в элективном модуле. Статья включает результаты опроса и педагогического наблюдения, что позволяет получить более глубокое понимание потребностей и возможностей студентов.
Ключевые слова: физическая нагрузка, переносимость нагрузки, мониторинг, элективный модуль, физическая подготовка, студенты-медики.

MONITORING OF LOAD TOLERABILITY IN PRACTICAL CLASSES OF THE DISCIPLINE "PHYSICAL TRAINING" (ELECTIVE MODULE)

Tarbeev Nikolay Nikolaevich

Abstract: This article examines the problem of monitoring physical load tolerance in practical classes in the discipline "Physical Training" (elective module) at Volgograd State Medical University (VolGMU). The study is aimed at analyzing the current state of load control and developing practical approaches to assessing students' load tolerance. The article analyzes modern methods of pedagogical and physiological control, taking into account the specific training of medical students and their different levels of physical fitness. Specific recommendations are offered for the introduction of simple and informative monitoring criteria directly in the classroom, as well as for the individualization of load in the elective module. The article includes the results of surveys and pedagogical observation, which allows for a deeper understanding of the needs and capabilities of students.
Keywords: physical load, load tolerance, monitoring, elective module, physical training, medical students.

Актуальность.

Здоровье студентов: Физическая нагрузка является мощным инструментом укрепления здоровья, однако лишь при условии её адекватности возможностям организма. Студенты-медики, часто сталкиваются с высокой учебной нагрузкой, дефицитом сна и стрессом, что может негативно сказаться на пе-

реносимости даже привычных физических упражнений. Регулярный мониторинг переносимости нагрузки позволяет вовремя заметить признаки переутомления и скорректировать занятие, сохранив его оздоровительную направленность.

Социальное взаимодействие: Элективный модуль «Физическая подготовка» объединяет студентов с разным уровнем подготовленности, разными видами спорта в анамнезе и разными ожиданиями. Прозрачная и понятная система контроля нагрузки способствует доверительному взаимодействию преподавателя и студента, снижает риск конфликтов и формирует культуру бережного отношения к своему организму — важное качество для будущего врача.

Профилактика заболеваний: Неадекватная нагрузка — один из факторов риска травм, перенапряжения сердечно-сосудистой системы и снижения иммунитета. Систематический мониторинг переносимости нагрузки позволяет предотвратить эти явления, а также своевременно выявить студентов, которым требуется щадящий режим или консультация специалиста.

Успеваемость и академические достижения: Исследования показывают, что дозированная физическая активность положительно влияет на когнитивные функции, память и концентрацию внимания. Однако перегрузка, напротив, приводит к утомлению и снижению работоспособности. Мониторинг переносимости нагрузки помогает найти «золотую середину», при которой занятия физической подготовкой поддерживают, а не истощают ресурсы студента.

Исследования в области мониторинга переносимости нагрузки на занятиях по дисциплине «Физическая подготовка» (элективный модуль) в ВолгГМУ имеют высокую научную и практическую значимость, поскольку направлены на решение важных вопросов здоровья, качества образования и индивидуализации физического воспитания в медицинском вузе.

Цель исследования.

Цель статьи заключается в исследовании текущего уровня переносимости физической нагрузки среди студентов, занимающихся по дисциплине «Физическая подготовка» (элективный модуль) в ВолгГМУ, и в разработке практических рекомендаций по организации мониторинга нагрузки на практических занятиях.

Организация и методы исследования.

Был проведен опрос 80 студентов первого и второго курсов педиатрического факультета ВолгГМУ, занимающихся по элективному модулю «Физическая подготовка», в возрасте 18–20 лет, из которых 25 юношей (31,25%) и 55 девушек (68,75%). Дополнительно проводилось педагогическое наблюдение на практических занятиях, анализ субъективных показателей самочувствия (по шкале «самочувствие — активность — настроение»), оценка частоты сердечных сокращений (ЧСС) до, во время и после выполнения нагрузок, а также анализ полученных данных.

Результаты исследования и их обсуждение.

В ходе проведенного исследования были опрошены 80 студентов Волгоградского государственного медицинского университета, занимающихся по элективному модулю «Физическая подготовка». Участники обучались на педиатрическом факультете. Среди опрошенных 31,25% составили юноши (25 человек) и 68,75% — девушки (55 человек), что отражает фактическую гендерную структуру потока на элективном модуле. Результаты опроса показали, что большинство студентов (62%, 50 человек) оценивают переносимость предлагаемых нагрузок как «хорошую», около 24% (19 человек) — как «удовлетворительную», и лишь 14% (11 человек) указали на выраженные трудности при выполнении упражнений. При этом 70% студентов (56 человек) отметили, что после занятия чувствуют приятную усталость, а 18% (14 человек) — сильную усталость, сохраняющуюся к следующему учебному дню. Наиболее популярными видами нагрузки среди юношей являются силовые упражнения (38%) и бег, спортивные игры (34%), среди девушек — аэробика и фитнес (42%), стретчинг и йога (26%). Около 88% студентов (70 человек) занимаются физической подготовкой на территории ВолгГМУ и используют спортивную инфраструктуру университета. Педагогическое наблюдение показало, что наиболее информативными и доступными критериями переносимости нагрузки на занятии являются: динамика ЧСС (восстановление пульса в течение 3–5 минут после нагрузки), субъективная оценка утомления по 10-балльной шкале, качество выполнения упражнений и внешние признаки утомления (дыхание, цвет лица, координа-

ция движений). Простота этих критериев позволяет использовать их непосредственно на занятии без сложного оборудования.

Заключение.

Таким образом, мониторинг переносимости нагрузки является действенным инструментом сохранения здоровья студентов и повышения качества образовательного процесса. Практическими рекомендациями являются: введение «дневника самоконтроля», использование простых критериев переносимости нагрузки на занятии, индивидуализация нагрузки по результатам мониторинга и информирование студентов о способах самоконтроля. Сформированная в вузе культура мониторинга нагрузки станет важным профессиональным навыком будущих врачей.

Список источников

1. Ашмарин Б. А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании: учебное пособие. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 223 с.

2. Бальсевич В. К. Онтокинезиология человека. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.

3. Виноградов П. А., Окуньков Ю. В. Физическая культура и спорт трудящихся: научно-методические, социологические и организационные аспекты. – М.: Советский спорт, 2015. – 174 с.

4. Теория и методика физического воспитания: учебное пособие / Б. А. Ашмарин, М. Я. Виленский, К. Х. Грантынь и др.; под ред. Б. А. Ашмарина. – М.: Просвещение, 1979. – 360 с.

УДК 615.01

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭКСПРЕССИИ ГЕНОВ НЕЙРОВОСПАЛЕНИЯ И НЕЙРОПЛАСТИЧНОСТИ В КОРЕ И ГИППОКАМПЕ МЫШЕЙ APP/PSEN1 ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ТЕТРАПЕПТИДА HAEE

ПАТРАХАНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
младший научный сотрудник
КОПЫЛОВ АНТОН ЮРЬЕВИЧ
аспирант 1 года обучения
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Аннотация. Проанализирована динамика экспрессии семи генов в коре и гиппокампе мышей APP/PS1 при применении HAEE. После интраназального введения экспрессия Mtor снижалась на 80,0 и 82,1%, а Stat3 изменялась разнонаправленно (+37,5 и −84,4%). Выявлена региональная неоднородность ответа, требующая дальнейшей статистической и функциональной проверки.
Ключевые слова: болезнь Альцгеймера; HAEE; гиппокамп; нейровоспаление; экспрессия генов.

COMPARATIVE ANALYSIS OF NEUROINFLAMMATION- AND NEUROPLASTICITY-RELATED GENE EXPRESSION IN THE CORTEX AND HIPPOCAMPUS OF APP/PSEN1 MICE TREATED WITH THE TETRAPEPTIDE HAEE

Patrakhanov Evgenii Aleksandrovich,
Kopylov Anton Yuryevich

Abstract. Temporal expression patterns of seven genes were examined in the cortex and hippocampus of HAEE-treated APP/PS1 mice. Following intranasal treatment, Mtor expression decreased by 80.0% and 82.1%, while Stat3 changed in opposite directions (+37.5% and −84.4%). The region-dependent findings require further statistical and functional confirmation.
Keywords: Alzheimer's disease; HAEE; hippocampus; neuroinflammation; gene expression.

ВВЕДЕНИЕ

Болезнь Альцгеймера сопровождается амилоидной патологией, нейровоспалением и нарушениями нейрональной пластичности [1, 2]. Молекулярный ответ на нейропротективные соединения может зависеть от структуры мозга; изменения мРНК не всегда отражают активность кодируемых белков.

Тетрапептид HAEE (His–Ala–Glu–Glu) исследуется как ингибитор агрегации β-амилоида [4, 5]. Использованы материалы модели APPswe/PS1dE9/Blg [3], в том числе ранее опубликованные результаты терапии HAEE и Семаксом [6].

Цель — сопоставить временные изменения экспрессии генов нейровоспаления и нейропластичности в коре и гиппокампе мышей APP/PS1 при применении HAEE.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Проведён вторичный описательный анализ данных мышей APPswe/PS1dE9/Blg, получавших НАЕЕ интраназально или внутрибрюшинно либо Семакс интраназально. Для опубликованной интраназальной ветви НАЕЕ вводили в дозе 50 мг/кг, Семакс — 100 мкг/кг с интервалом 48 ч в течение 30 дней [6].

Для внутрибрюшинной подгруппы в доступном аналитическом документе отсутствуют точные сведения о численности животных, дозировании и сроках забора материала; эти параметры не восполнялись предположениями.

РНК выделяли из тканей коры и гиппокампа с помощью RNeasy Mini Kit, контролировали на NanoDrop OneC; обратную транскрипцию проводили набором MMLV RT (Евроген) с использованием 1 мкг РНК.

ПЦР в реальном времени проводили с 5X qPCRmix-HS SYBR (Евроген); оценивали Stat3, Map2, Il6, Tnf, Mtor, Vegfa и Casp3 с нормализацией по Gapdh: 2^(−ΔCt) × 100, ΔCt = Ct целевого гена − Ct Gapdh [7].

Проценты отражают изменения между двумя временными точками внутри каждой группы. Первичные значения Ct, дисперсии и сопоставимые межгрупповые p-значения недоступны, поэтому значимость различий между группами не оценивали.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кора головного мозга. При интраназальном НАЕЕ Mtor снижался на 80,0%, Stat3 возрастал на 37,5%, Vegfa — на 22,5%. При внутрибрюшинном НАЕЕ Mtor снижался на 45,8%, но Vegfa — на 47,7%; в группе Семакса Mtor увеличивался на 43,5% (табл. 1).

Таблица 1

Динамика экспрессии генов в коре головного мозга между первой и второй временными точками

Ген	НАЕЕ, интраназально	НАЕЕ, внутрибрюшинно	Семакс, интраназально
Stat3	+37,5%	без заметной динамики	+44,4%
Map2	−14,5%	−47,6%	+25,8%
Il6	без заметной динамики	без заметной динамики	без заметной динамики
Tnf	без заметной динамики	+13,7%	без заметной динамики
Mtor	−80,0%	−45,8%	+43,5%
Vegfa	+22,5%	−47,7%	+27,4%
Casp3	+29,2%	без заметной динамики	+79,1%

Гиппокамп. При интраназальном НАЕЕ снижались Stat3 (−84,4%), Mtor (−82,1%) и Map2 (−70,0%), повышался Il6 (+49,2%). При внутрибрюшинном введении уменьшение Stat3 составляло 46,2%, Map2 — 27,8%; после Семакса отмечались снижение Stat3 (−19,1%) и рост Il6 (+21,2%) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика экспрессии генов в гиппокампе между первой и второй временными точками

Ген	НАЕЕ, интраназально	НАЕЕ, внутрибрюшинно	Семакс, интраназально
Stat3	−84,4%	−46,2%	−19,1%
Map2	−70,0%	−27,8%	−40,3%
Il6	+49,2%	+12,8%	+21,2%
Tnf	+12,5%	+13,8%	+27,1%
Mtor	−82,1%	без заметной динамики	+25,3%
Vegfa	без заметной динамики	без заметной динамики	−22,5%
Casp3	+45,2%	без заметной динамики	без заметной динамики

Региональное сопоставление. Направление изменения Stat3 после интраназального HAEE различалось: +37,5% в коре и −84,4% в гиппокампе. При этом выраженное снижение Mtor регистрировалось в обеих структурах. Данные характеризуют динамику транскриптов, но не доказывают функциональный эффект терапии.

ОБСУЖДЕНИЕ

Повышение Il6 на 49,2% в гиппокампе при интраназальном HAEE не позволяет трактовать действие пептида как безусловно противовоспалительное. В то же время изменения мРНК не равнозначны изменениям концентрации белка или ухудшению когнитивных функций [1, 2].

Изменение Stat3 и Mtor не подтверждает само по себе активацию или подавление JAK/STAT- и mTOR-зависимых путей; для такой интерпретации необходимы исследования белков и их фосфорилирования. Аналогично экспрессия Map2, Vegfa и Casp3 не служит прямой мерой нейропластичности, ангиогенеза и апоптоза.

Различия между путями введения могут быть связаны с экспозицией препарата, однако фармакокинетических данных нет. Установить преимущества одного способа введения без первичных измерений и дополнительной статистики невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ выявил различную динамику экспрессии генов нейровоспаления и нейропластичности в коре и гиппокампе мышей APP/PS1 при применении HAEE. Наиболее заметны снижение Mtor в обеих структурах и разнонаправленные изменения Stat3. Функциональную значимость данных следует проверить в дополнительных исследованиях.

Список источников

1. De Strooper B., Karran E. The Cellular Phase of Alzheimer's Disease // Cell. – 2016. – Vol. 164, № 4. – P. 603–615. – DOI: 10.1016/j.cell.2015.12.056.

2. Heneka M.T., Carson M.J., El Khoury J. et al. Neuroinflammation in Alzheimer's disease // The Lancet Neurology. – 2015. – Vol. 14, № 4. – P. 388–405. – DOI: 10.1016/S1474-4422(15)70016-5.

3. Лысикова Е.А., Кузубова Е.В., Радченко А.И. и др. Линия трансгенных мышей APPswe/PS1dE9/Blg для моделирования церебрального амилоидоза при болезни Альцгеймера // Молекулярная биология. – 2023. – Т. 57, № 1. – С. 85–94. – DOI: 10.31857/S0026898423010081.

4. Tsvetkov P.O., Cheglakov I.B., Ovsepyan A.A. et al. Peripherally Applied Synthetic Tetrapeptides HAEE and RADD Slow Down the Development of Cerebral β-Amyloidosis in AβPP/PS1 Transgenic Mice // Journal of Alzheimer's Disease. – 2015. – Vol. 46, № 4. – P. 849–853. – DOI: 10.3233/JAD-150031.

5. Patrakhanov E.A. Effectiveness of the tetrapeptide HAEE: an innovative approach to Alzheimer's treatment in experimentation // Research Results in Pharmacology. – 2024. – Vol. 10, № 4. – P. 107–111. – DOI: 10.18413/rrpharmacology.10.548.

6. Патраханов Е.А., Кузубова Е.В., Жунусов Н.С. и др. Влияние тетрапептида HAEE при интраназальном введении на нейродегенеративные нарушения в модели болезни Альцгеймера: сравнительное исследование с Семаксом // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2026. – Т. 27, № 3. – С. 4–17. – DOI: 10.18499/1990-472X-2026-27-3-4-17.

7. Schmittgen T.D., Livak K.J. Analyzing real-time PCR data by the comparative C(T) method // Nature Protocols. – 2008. – Vol. 3, № 6. – P. 1101–1108. – DOI: 10.1038/nprot.2008.73.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32.019.52

МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ВНИМАНИЯ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

КАСАТКИНА ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА
специалист пресс-службы
Министерства культуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется медийный образ государственного служащего в контексте привлечения общественного внимания и повышения доверия граждан к деятельности ОИВ. Статья представляет собой обзор ключевых направлений работы пресс-службы в целях создания положительного репутационного контура общественного деятеля, а также факторов, дестабилизирующих его социальный рейтинг. Обосновывается, как системное улучшение репутации чиновников определяет степень открытости федеральных ведомств и эффективность их работы.
Ключевые слова: государственный служащий, пресс-служба, репутационные угрозы, медиапространство, антикризисные мероприятия, медийный образ.

THE PUBLIC OFFICIAL'S MEDIA IMAGE IN THE CONTEXT FOR ATTRACTING ATTENTION TO THE ACTIVITIES OF FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITIES

Kasatkina Darya

Abstract. The article examines the media image of a civil servant in the context for attracting public attention and increasing citizens' trust in the activities executive agencies. The article provides an overview of the key areas of work of the press service in order to create a positive reputational profile of a public figure, as well as factors that destabilize his social rating. The article explains how systemic improvement of officials' reputations determines the degree of openness of federal agencies and the effectiveness of their work.
Keywords: civil servant, press office, reputational damage, media landscape, crisis management, media image.

В современных реалиях легитимность и доверие к властным структурам обусловлены не только институциональной эффективностью, но и субъективным восприятием профессионализма и эмпатии со стороны отдельных государственных деятелей.

В то же время, цифровое развитие способствует появлению новых каналов коммуникации между государством и обществом. В этой связи облик представителя органов власти – внешний и внутренний – выступает инструментом трансляции ценностей государственной политики.

Это формирует гипотезу о том, что целенаправленное создание положительного, открытого и компетентного имиджа государственного служащего (как в традиционных медиа, так и в цифровом пространстве) является ключевым инструментом преодоления коммуникационного разрыва между государством и обществом. Эта работа способствует росту вовлеченности граждан, повышению их внимания к реализуемым ОИВ проектам и укреплению доверия к ведомствам в целом.

Вопросы медийного позиционирования государственных служащих и органов власти традиционно находятся в фокусе внимания социологов, политологов и специалистов по связям с общественностью.

Несмотря на высокую практическую значимость, информационное сопровождение деятельности чиновника для привлечения внимания к ОИВ зачастую осуществляется без опоры на конкретную стратегию, а механизмы ее формирования в условиях информационной перенасыщенности требуют научного переосмысления.

Настоящее исследование выявляет зависимость между целенаправленным укреплением репутации государственного деятеля и формированием одобрительного отношения граждан к деятельности государственных структур.

Задачи исследования – **анализ ключевых аспектов работы пресс-службы**, влияющих на восприятие органов власти гражданами, **выявление специфики и барьеров,** препятствующих эффективному использованию образа госслужащего для привлечения общественного внимания.

Формирование положительного имиджа чиновника в современном медиапространстве представляет собой системный процесс, в котором ключевым субъектом управления коммуникациями выступает пресс-служба (отдел по связям с общественностью).

Имидж понимается как целенаправленно формируемый образ (физического лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо [1].

Под медийным образом чиновника следует понимать устойчивую совокупность профессиональных, личностных и визуальных характеристик, транслируемых через каналы массовой коммуникации и формирующих у граждан определенное отношение как к конкретному человеку, так и к ведомству, которое он представляет.

В этом контексте пресс-служба реализует широкий спектр задач, среди которых создание необходимого резонанса в СМИ и общественном мнении, своевременное выявление репутационных угроз и оперативная реализация антикризисной стратегии.

Значимой задачей пресс-службы ОИВ является переход от реактивной модели коммуникации к проактивной. Под проактивным подходом, по мнению Ф.И. Шаркова, понимается опережающее воздействие, когда отправитель самостоятельно формирует повестку и прогнозирует отклик аудитории, в отличие от реакции на уже сложившуюся кризисную ситуацию или поступившее обращение [2]. Проактивная модель коммуникации, или система стратегического планирования, может включать заранее подготовленные сценарии реагирования в кризисной ситуации, шаблоны заявлений государственных служащих, представляющих ОИВ, карты репутационных угроз. Оперативность здесь рассматривается как ключевой фактор, позволяющий избежать заполнения информационного вакуума дезинформацией.

Имидж чиновника коррелирует с уровнем его готовности к диалогу. В этой связи пресс-служба выступает медиатором между государственным служащим и гражданами, систематизируя обратную связь, внимание на этом также акцентирует Е.П. Прохоров [3].

Отдельно стоит выделить такой инструмент, как мониторинг информационного поля. Он позволяет выявить чувствительные ситуации, влияющие на репутацию чиновника и требующие повышенного внимания со стороны пресс-службы [4, 5].

Ф.И. Шарков также концентрирует внимание на деятельности по управлению новостной повесткой. По мнению автора, в современном сложносетевом медиапространстве одностороннее управление повесткой, например, от традиционных СМИ – к обществу, уступило место конвергентной модели [6]. Современная новостная повестка формируется на стыке усилий множества акторов – новых медиа, в числе которых социальные сети, интернет-СМИ, видеохостинги, мобильные приложения СМИ и платформ, и ранее упомянутых традиционных СМИ.

Деятельность по управлению этой повесткой в контексте работы пресс-службы включает инициирование контролируемых инфоповодов. Речь идет о фрейминге, то есть, о смещении фокуса внимания аудитории с бюрократических процедур на реальные измеримые результаты работы чиновника, среди которых социально значимые проекты, решенные проблемы граждан. Понятие фрейминга обозначает способ подачи информации, при котором одни аспекты реальности выделяются, а другие игнорируются, что заставляет аудиторию интерпретировать событие строго определенным образом [7].

Важным направлением деятельности специалистов по связям с общественностью является и сегментация целевой аудитории государственного служащего, представляющего ОИВ, по демографическому, социальному, профессиональному признакам, либо по отношению к властям. А.Н. Чумиков и М.П. Бочаров выделяют несколько аспектов взаимодействия с целевой аудиторией, в числе которых не только ее детальная сегментация, но и выявление барьеров восприятия, стереотипов и реальных информационных потребностей [8, 9]. Индивидуальный подход к взаимодействию с каждой целевой группой также поспособствует укреплению положительного имиджа государственного деятеля.

Еще одно направление деятельности пресс-службы – экспертное позиционирование, подразумевающее регулярное привлечение чиновника в качестве профильного эксперта в аналитических материалах федеральных и региональных СМИ. Так, О.Ю. Переверзина, А.В. Рожок, Л.Н. Татаринова, Е.Г. Чирковская и И.Б. Шебураков акцентируют, что управленческая деятельность по мере повышения в управленческой иерархии предъявляет все более строгие требования к качествам руководителя как эксперта [10].

Аспекты подготовки публичных выступлений детально рассматривает Д.В. Дворников. По мнению автора, играет особую роль предварительная работа, реализуемая пресс-службой – как со спикером, так и со СМИ [11]. В части работы со спикером, представляющим ОИВ, наиболее часто задействуется подготовка тезисов его выступления и презентации, цитат для распространения в СМИ и списка потенциальных вопросов из зала, среди которых наиболее популярные, а также неудобные, с готовыми ответами на них.

В части работы со СМИ более качественную презентацию ОИВ и государственного служащего в медиа обеспечит подготовка пресс-пакета, включающего актуальную биографию спикера, а также справку о направлениях деятельности ОИВ.

Следующее направление деятельности специалистов по связям с общественностью – замена сложного бюрократического языка в пресс-релизах и публичных заявлениях чиновника на доступный, понятный широкой аудитории язык. Л.В. Катышева отмечает, что в современных условиях одним из ключевых критериев рейтинга активности представителей органов исполнительной власти в социальных сетях, стал критерий живого языка, предусматривающий умение вести коммуникацию «простым и ясным языком на стыке разговорной и письменной речи» [12].

Согласно П. Бурдье, капитал государственного служащего базируется на репутации и имени общественного деятеля, его положении в социуме, кредите доверия со стороны граждан, а также легитимности его профессиональных компетенций [13].

В нынешнем контексте еще одним аспектом символического капитала становится цифровой капитал государственного деятеля – уровень его узнаваемости в сети Интернет, размер и лояльность аудитории в цифровом пространстве, медиаактивность.

Т.Н. Каменева и Н.Д. Нечаенко подчеркивают, что в ходе профессиональной деятельности перед государственными служащими, безусловно, возникают задачи, связанные с соблюдением норм цифровой этики, осознанием моральных аспектов использования цифровых данных, пониманием последствий применения алгоритмов искусственного интеллекта для обеспечения безопасности и конфиденциальности в работе с персональными данными. По мнению исследователей, развитие цифровых компетенций госслужащих будет способствовать удовлетворению запроса со стороны бизнеса и граждан в части скорости и качества принимаемых решений [14].

В цифровом направлении для укрепления социально-одобряемого образа госслужащего пресс-служба осуществляет ведение персональных аккаунтов государственных деятелей. Это публикация контента, сочетающего профессиональную деятельность чиновника и его личность – убеждения, интересы, ценности. Особенности ведения страниц государственных служащих в социальных подробно исследует М.В. Рослякова [15].

Еще одна стратегия пресс-службы в этом направлении – это создание визуального контента, предполагающее акцент внимания на инфографике, коротких видеоформатах и прямых трансляциях. По мнению исследователей, в числе которых Ф.И. Гиренок, такой контент повышает уровень вовлеченности пользователей и облегчает восприятие информации [16]. Кроме того, результаты исследований

показывают, что мозг человека обрабатывает визуальную информацию эффективнее, чем текст или устную речь [17].

Актуальность приобретает организация интерактивных форматов коммуникации с обществом. Здесь выделяют проведение вебинаров и регулярных прямых эфиров, где чиновник лично и в режиме реального времени отвечает на острые вопросы населения. Это демонстрирует его открытость к критике и готовность к диалогу. Примером такого формата может служить ежегодная прямая линия с Президентом Российской Федерации. Только в 2025 году количество обращений, поступивших от граждан на линию, превысило 255 тысяч [18].

Знаковую роль в обеспечении коммуникации между представителем ОИВ и обществом играют специализированные цифровые платформы. Вопросы легитимизации власти посредством их использования рассматривает О.А. Игнатьева. Она подчеркивает, что возможность обратиться напрямую к чиновнику в режиме онлайн служит важным инструментом для увеличения доверия к государственным служащим [19].

Д.В. Дворников указывает, что стратегической функцией пресс-службы в процессе поддержания репутационного контура является готовность к нейтрализации медиаугроз [20]. В условиях высокой скорости распространения информации неточность или неверно интерпретированное высказывание чиновника могут девальвировать накопленный репутационный капитал.

Необходимость воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении государственным (муниципальным) служащим должностных обязанностей, а также избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа, либо органа местного самоуправления, обозначена среди основных принципов и правил служебного поведения в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных Российской Федерации и муниципальных служащих.

Составители акцентируют, что нанести репутационный ущерб могут любого вида высказывания и действия дискриминационного характера по признакам пола, возраста, расы, национальности, языка, гражданства, социального, имущественного или семейного положения, политических или религиозных предпочтений [21].

Эффективность работы конкретной пресс-службы в части формирования положительного имиджа государственного деятеля можно оценить как по количественным и качественным показателям, так и по уровню удовлетворенности и лояльности со стороны общественности.

По данным Фонда «Общественное мнение», в разделе «Политические индикаторы» на начало октября 2026 года, 32% от 1,5 тысячи респондентов оценивают работу Правительства Российской Федерации как «скорее плохую», еще 47% – как «скорее хорошую», 21% – затрудняются ответить [22].

Безусловно, отношение граждан к государственным служащим зависит от множества факторов, среди которых не только внешний информационный фон, но и личный опыт взаимодействия, а также социальный контекст. Однако приведенные данные позволяют говорить о том, что для улучшения общественного мнения стоит усилить или перестроить работу в части медиасопровождения государственных деятелей и управления их репутацией.

Приведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что деятельность пресс-службы по созданию положительного имиджа чиновника представляет собой синергию традиционных связей со СМИ, цифровых коммуникаций и антикризисного менеджмента. Эффективность этого процесса напрямую зависит от готовности специалистов по связям с общественностью преобразовать образ чиновника из дистантного должностного лица в открытого и ориентированного на человека управленца.

Вместе с тем, персонификация власти через образ компетентного, открытого и этичного госслужащего имеет высокое значение. Можно говорить о том, что профессиональный имидж помогает преодолеть бюрократическую отчужденность и привлекает внимание граждан к реализуемым ведомством реформам, проектам и государственным услугам.

В результате исследования подтвердилась гипотеза, что целенаправленное формирование позитивного образа чиновника влияет на уровень открытости, понятности и, как следствие, эффективности коммуникации государственных институций и общества.

В статье определены основные аспекты работы пресс-службы, направленные на поддержание социально-одобряемого имиджа современного чиновника. Выявлены и описаны эффективные инструменты, применяемые сотрудниками пресс-службы в цифровой среде (персонализация контента, взаимодействие с пользователями, экспертный блог), а также в контексте публичных выступлений (антикризисные мероприятия).

В ходе проведенного исследования также были выявлены деструктивные факторы в медийном образе чиновников, влияющие на отношение граждан к деятельности ОИВ: неосторожные высказывания, закрытость для диалога, преобладание формализма в официальных ответах, низкий уровень медиакомпетентности.

Дальнейшее исследование влияния образа государственного служащего имеет большой потенциал развития в контексте региональной специфики.

Список источников

1. Толковый словарь русского языка : онлайн-версия / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Текст: электронный. — URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7 (дата обращения: 27.10.2026).
2. Шарков Ф. И. Управление кризисными коммуникациями (анализ рисков и реагирование на угрозы). // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2020. — Т. 6. — № 4. — С. 8–21.
3. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов. — М: Аспект-Пресс. — 2009. — 350 с.
4. Бочаров М. П., Чумиков А. Н. Управление коммуникациями. — М: Дашков и К. — 2023. — 544 с.
5. Сапунова, Т. А. Кризисные коммуникации в деятельности пресс-служб государственных органов / Т. А. Сапунова, С. А. Осина // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2026. — № 4. — С. 134.
6. Шарков Ф. И. Конвергенция элементов политического медиапространства // Полис. Политические исследования. — 2017. — №3. — С.135–143.
7. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ.; под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», Институт социологии РАН, 2003. – 746 с.
8. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Управление коммуникациями. – М.: Дашков и К, 2023. – 544 с.
9. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 343 с. – ISBN 978-5-16-006613-4.
10. Переверзина О. Ю., Рожок А. В., Татаринова Л. Н., Чирковская Е. Г., Шебураков И. Б. Базовая модель компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти: исследование и обоснование применения. – М.: РА «Полиграфыч», 2024. – 88 с. – ISBN 978-5-6053575-0-6.
11. Дворников Д. В. Спичрайтинг: практические советы по написанию текстов публичных выступлений. – М.: Этерна, 2021. – 192 с. – ISBN 978-5-480-00420-5.
12. Катышева Л. В. «Простой и понятый язык» как новый тренд коммуникации государства и общества // Коммуникология. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 85–94. – DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-85-94.
13. Бурдье П. Политическое представление. Элементы теории политического поля // Социология социального пространства: сборник статей / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской. – М., 2005.
14. Каменева Т. Н., Нечаенко Н. Д. Развитие цифровых компетенций государственных служащих: социально-конструктивистский анализ // Теория и практика общественного развития. — 2026. — №1. — С. 26–31.
15. Рослякова М. В. Социальные сети в профессиональной деятельности госслужащих: российская практика и зарубежный опыт // Социодинамика. — 2019. — №9. — С. 82–99.
16. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. – М.: Проспект, 2024. – 256 с.

17. Лассуэлл Г. Структура и функции коммуникации в обществе // Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М. М. Назаров. – 2-е изд., испр. – М.: УРСС, 2002. – С. 131–137.

18. РБК. На прямую линию с Путиным поступило более 255 тысяч обращений. — Текст: электронный // РБК. — URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6934c7d89a79479838c8657a (дата обращения: 28.10.2026).

19. Игнатьева О. А. Цифровая легитимация политической власти. // Социальные и гуманитарные знания. — 2021. — Т. 7. — № 4. — С. 358–367.

20. Дворников Д. В. Спичрайтинг: практические советы по написанию текстов публичных выступлений. — М: Этерна. — 2021. — 192 с.

21. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. — URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3 (дата обращения 28.10.2026).

22. Фонд «Общественное мнение». Доминанты. Поле мнений. — Текст: электронный // официальный сайт. — URL: https://media.fom.ru/fom-bd/d402026.pdf (дата обращения: 14.10.2026).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 791.43

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ РЕВАНШ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ 1990-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМОВ)

ГРИЦАЙ ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского»,
г. Ярославль

Аннотация. В статье рассматривается белогвардейский реванш в культурном пространстве России 1990-х годов на материале отечественного кинематографа. Анализируются трансформация образа Белого движения, переоценка исторической памяти и формирование альтернативных представлений о дореволюционной России. Выявляются основные модели экранной репрезентации белогвардейцев, связанные с их героизацией, гуманизацией и осмыслением трагедии Гражданской войны в условиях постсоветского кризиса идентичности.
Ключевые слова: белое движение, белогвардейский реванш, российский кинематограф, историческая память, постсоветская идентичность

WHITE GUARD REVENGE IN THE CULTURAL SPACE OF RUSSIA IN THE 1990s (USING FILMS AS AN EXAMPLE)

Gritsay Lyudmila Alexandrovna

Abstract. The article examines the White Guard revenge in the cultural space of Russia in the 1990s, using the material of domestic cinema. The transformation of the image of the White Movement, the reassessment of historical memory, and the formation of alternative perceptions of pre-revolutionary Russia are analysed. The main models of screen representation of the White Guards are identified, which are associated with their heroization, humanization, and the interpretation of the tragedy of the Civil War in the context of the post-Soviet identity crisis.
Keywords: the White Movement, White Guard revenge, Russian cinema, historical memory, post-Soviet identity.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией исторического сознания российского общества в период распада СССР и формирования новой системы культурных ценностей, сопровождавшейся пересмотром советских интерпретаций революции и Гражданской войны. Научная значимость исследования заключается в выявлении механизмов изменения культурного статуса Белого движения и определении специфики его экранной репрезентации в контексте постсоветской трансформации исторической памяти. Методологическую основу составляют культурологический и историко-культурный подходы, дополненные концепциями культурной травмы П. Штомпки, изобретения традиций Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, а также ностальгии С. Бойм. Основным методом выступает сравнительный анализ художественных фильмов, позволяющий выявить особенности интерпретации белогвардейских образов и их ценностной функции в культурном пространстве 1990-х годов.

Формирование положительного образа Белого движения в российском культурном пространстве конца 1980-х - 1990-х годов целесообразно рассматривать в контексте масштабной трансформации

исторического сознания, обусловленной кризисом советской идеологической системы, пересмотром устоявшихся представлений о революции и Гражданской войне, а также поиском новых символических оснований национальной идентичности после распада СССР. В данном случае понятие «белогвардейский реванш» можно использовать как исследовательскую категорию, характеризующую изменение символического статуса участников Белого движения в массовой культуре, прежде всего переход их к образам трагических героев, носителей утраченных культурных ценностей и представителей альтернативной исторической России.

Для теоретического осмысления этого процесса продуктивна концепция «изобретения традиций», разработанная Эриком Хобсбаумом и Теренсом Рейнджером. Исследователи показывают, что обращение к прошлому в периоды социальных трансформаций может сопровождаться конструированием новых символических систем, которые создают представление о преемственности между историческими эпохами и обеспечивают легитимацию актуальных общественных ценностей [8]. Применительно к российскому кинематографу 1990-х годов данная концепция позволяет интерпретировать романтизацию белого офицерства как один из способов символического восстановления дореволюционной России, воспринимавшейся частью общества в качестве утраченной альтернативы советскому историческому пути.

При этом необходимо учитывать, что речь идет не о простом возвращении дореволюционных традиций, а об их избирательной реконструкции посредством современных культурных представлений. Белый офицер в экранном повествовании мог наделяться такими качествами, как честь, верность присяге, образованность, религиозность и личное достоинство, вследствие чего его историческая принадлежность к проигравшей стороне Гражданской войны приобретала дополнительное моральное измерение. Одновременно из поля зрения могли вытесняться социальные противоречия дореволюционного общества, неоднородность самого Белого движения и сложность политических программ его представителей. Таким образом, кинематографическое обращение к белогвардейской теме становилось не только формой исторической реконструкции, но и инструментом символического производства желательного образа национального прошлого.

Дополнительные возможности для анализа предоставляет теория культурной травмы Петра Штомпки, рассматривающего масштабные социальные изменения как процессы, способные разрушать привычные системы ценностей, нарушать коллективные представления о нормальности и порождать потребность в восстановлении утраченной символической устойчивости [9]. Распад СССР сопровождался не только изменением политических институтов и экономических отношений, но и кризисом прежних механизмов исторической идентификации, в рамках которых революция и победа большевиков выступали основаниями легитимности советского государства. В этих условиях пересмотр образов белых и красных мог выполнять компенсаторную функцию, позволяя обращаться к историческим сюжетам, ранее интерпретировавшимся преимущественно в рамках официальной советской идеологии.

Важное значение для исследования имеет работа Бориса Дубина «Национализированная память», в которой проблематика исторической памяти рассматривается в связи с изменением коллективных представлений о прошлом и их включением в актуальные процессы общественного самоопределения [4]. Применительно к теме белогвардейского реванша данная исследовательская перспектива позволяет рассматривать кинематографические образы участников Гражданской войны как элемент борьбы за символическое определение национального прошлого. Изменение моральных характеристик белых персонажей в фильмах 1990-х годов в таком случае свидетельствует о трансформации критериев, посредством которых общество определяет героическое, трагическое и нравственно допустимое в собственной истории.

В этом контексте особую значимость приобретает исследование Евгения Волкова «Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция "образа врага"», посвященное реконструкции представлений о Белом движении в политической риторике, мемуаристике, научной литературе, художественной культуре и игровом кинематографе [9]. Автор рассматривает белогвардейский образ в динамике советской исторической памяти, что позволяет использовать его работу в качестве историко-культурной основы для сопоставления советских и постсоветских экранных репрезентаций.

При этом постсоветский пересмотр образа белогвардейца не следует понимать исключительно как зеркальную инверсию советской схемы, при которой прежний отрицательный персонаж автоматически превращается в положительного героя. Более существенным представляется изменение принципов кинематографического конструирования исторического персонажа: на первый план выходят индивидуальная мотивация, нравственный выбор, личная ответственность и переживание исторической катастрофы.

Для анализа ностальгического измерения данного процесса значим труд Светланы Бойм «Будущее ностальгии», в котором ностальгия рассматривается как сложное культурное отношение к утраченному прошлому, не сводимое к буквальному желанию восстановить прежний порядок [1]. Эта концепция позволяет объяснить привлекательность образа дореволюционной России для части постсоветской аудитории: историческая дистанция создавала возможность наделять прошлое качествами, противопоставляемыми кризисным реалиям 1990-х годов, включая представления о культурной преемственности, социальной устойчивости, образованности и нравственной определенности. В результате белогвардейская символика могла приобретать значение не столько политической программы, сколько образа утраченного культурного мира. Дополняет эту исследовательскую перспективу статья Наталии Зоркой «Ностальгия по прошлому», посвященная проблемам восприятия прошлого и его интерпретации в общественном сознании [5]. Применительно к кинематографу 1990-х годов это позволяет поставить вопрос о том, каким образом экранные образы белогвардейцев могли участвовать в формировании альтернативного советскому исторического нарратива.

Непосредственно к проблематике экранных репрезентаций Белого движения относится исследование Александра Федорова, в котором рассматриваются социокультурный контекст, основные тематические модели и жанровые особенности кинематографических произведений, посвященных Гражданской войне [7]. Важным дополнительным источником является статья Татьяны Литвиненко, посвященная эволюции экранных образов участников Белого движения в период с 1923 по 1991 год [6]. Исследование позволяет установить, что формирование постсоветских репрезентаций происходило не в культурном вакууме: советский кинематограф на протяжении десятилетий вырабатывал различные способы изображения белогвардейцев, а зрительская аудитория воспринимала их в контексте меняющихся общественных и идеологических условий. Следовательно, белогвардейский реванш 1990-х годов целесообразно анализировать как этап трансформации уже существовавшей системы экранных образов.

Дополнительный материал для изучения персонализированного образа белого лидера предоставляет публикация Галины Бородиной «Образ адмирала А. В. Колчака в театре и кино», в которой рассматриваются сценические и экранные интерпретации исторической фигуры, в том числе телефильм «Конь белый» 1993 года [2]. Образ Колчака представляет особый интерес для анализа культурной реабилитации Белого движения, поскольку в его экранной репрезентации пересекаются несколько смысловых линий: военная служба, государственная деятельность, противостояние революционной власти, личная трагедия и судьба национальной государственности. В результате персонаж может восприниматься одновременно как исторический политический деятель и как трагический герой, чья судьба позволяет раскрыть драматизм Гражданской войны.

Таким образом, теоретическая база исследования позволяет рассматривать белогвардейский реванш в российском кинематографе 1990-х годов как многосоставной культурный процесс, включающий переоценку советского исторического нарратива, изменение морального статуса проигравшей стороны, ностальгическую реконструкцию дореволюционного прошлого и формирование альтернативных моделей национальной идентичности.

Рассмотрим фильмы тех лет, посвященные изображению событий революции и гражданской войны.

В первую очередь необходимо отметить фильм **Николая Фомина «Русские братья» (1992)**, в котором события Гражданской войны рассказываются через воспоминания старого лесника. Интересно, что сценарий фильма создавался еще в СССР, но после распада единого государства был существенно переработан и главный герой превратился из красного в белого офицера. При этом в центре кинематографического повествования осталась трагедия двух братьев, оказавшихся по разные стороны фронта, а сама гражданская война показана как общенациональная трагедия.

Другим фильмом похожей тематике стала кинолента **Александра Рогожкина «Чекист» (1992)**, снятая по повести Владимира Зазубрина «Щепка» (1923). Фильм не героизирует Белое движение, но рассказывает о разрушающем души людей насилии, которое якобы способно построить новое справедливое общество. Сам красный террор изображается как система, в которой уничтожение человека становится рутинной практикой государственного управления, власть деформирует человека, превращая красных в демонов революции и тем самым оправдывая представителей белого движения.

В этом ряду интерес взывает десятисерийный **телефильм Гелия Рябова «Конь белый» (1993),** в котором пересекаются темы Гражданской войны, судьбы Белого движения, революционного насилия и гибели прежней российской государственности. Повествование охватывает продолжительный исторический период, начиная с Февральской революции и заканчивая событиями предвоенного времени, а центральное место в нем занимает фигура адмирала Александра Колчака, прошедшего путь от офицера военно-морского флота до Верховного правителя России. Именно в этом телефильме создается образ утраченной России как пространства истинных гуманистических ценностей, а само белое движение оправдывается.

Фильм Бориса Бланка «Если бы знать…» (1993) представляет иной вариант обращения к белогвардейской теме, при котором образ исторического противника создается посредством диалогов и воспоминаний. Белые офицеры изображаются образованными, ироничными и уставшими интеллектуалами, резко критически относящимися к большевизму, тогда как сами представители красной стороны практически не появляются в кадре. Фактически в этой картине на первый план выходит культурная идентичность проигравшей стороны, позволяющая представить Белое движение как носителя альтернативной модели национальной культуры.

Фильм Николая Стамбула «Волчья кровь» (1995) представляет собой попытку показать весь ужас братоубийственной гражданской войны, которая представлена как жестокое противостояние, в котором участники конфликта не обладают безусловной нравственной правотой только в силу своей политической принадлежности. Красные не идеализируются, однако и их противники не получают автоматического морального оправдания. Фильм демонстрирует, что пересмотр советских идеологических оценок мог вести не только к реабилитации белых, но и к более сложному осмыслению самой природы Гражданской войны.

Рассмотренные картины позволяют выделить несколько способов изменения образа Белого движения в российском кинематографе начала и середины 1990-х годов.

Таблица 1

Сопоставительный анализ фильмов: основные модели белогвардейского реванша

Фильм	Основной механизм репрезентации	Значение для темы исследования
«Русские братья» (1992), режиссер Николай Фомин	Гуманизация белогвардейцев через трагедию братоубийственной войны	Переход от советской идеологической схемы к признанию исторической и нравственной сложности проигравшей стороны
«Чекист» (1992), режиссер Александр Рогожкин	Критическое изображение институционализированного красного террора	Разрушение моральной безусловности революционной легитимации, создание предпосылок для пересмотра образа противников большевизма
«Конь белый» (1993), режиссер Гелий Рябов	Персонализация Белого движения через фигуру Колчака, соединение воинского долга и исторической трагедии	Наиболее выраженная модель символической реабилитации Белого движения и конструирования альтернативного образа национальной истории
«Если бы знать…» (1993), режиссер Борис Бланк	Эстетизация белого офицерства как носителя образованности и дореволюционной культурной традиции	Формирование ностальгического образа «интеллигентной России» посредством речи, памяти и культурных характеристик персонажей
«Волчья кровь» (1995), режиссер Николай Стамбула	Отказ от однозначного морального противопоставления красных и белых	Демонстрация пределов белогвардейского реванша и сохранение гуманистической интерпретации Гражданской войны

Сопоставление фильмов показывает, что белогвардейский реванш не представляет собой единого и однородного процесса. В одних произведениях он выражается в непосредственном изменении морального статуса белых, в других - в критике революционного насилия, в-третьих - в реконструкции культурного мира, ассоциируемого с дореволюционной Россией. При этом между гуманизацией исторического противника и утверждением его политической правоты сохраняется различие, которое необходимо учитывать при интерпретации экранных образов.

Следовательно, белогвардейский реванш в российском кинематографе 1990-х годов проявился в изменении морального статуса участников Белого движения, критическом переосмыслении революционного насилия и формировании ностальгического образа дореволюционной России. Анализ фильмов выявил неоднородность данного процесса: от непосредственной героизации белогвардейцев до гуманистического осмысления трагедии Гражданской войны. Кинематограф выступил значимым инструментом трансформации исторической памяти и поиска новых символических оснований национальной идентичности.

Список источников

1. Бойм, С. Будущее ностальгии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 680 с.
2. Бородина, Г. Ю. Образ адмирала А. В. Колчака в театре и кино // Гражданская война в Сибири : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции / под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. – Омск, 2013. – С. 13–18.
3. Волков, Е. В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага» : автореф. … д-ра истор. наук. – Челябинск, 2009. – 41 с.
4. Дубин, Б. В. Национализированная память: (о социальной травматике массового исторического сознания) // Человек. – 1991. – № 5. – С. 5–13.
5. Зоркая, Н. А. «Ностальгия по прошлому», или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2007. – № 3. – С. 35–46.
6. Литвиненко, Т. В. Трагедия проигравших: образы белогвардейцев в советских художественных фильмах о Гражданской войне // Клио. – 2024. – № 11 (215). – С. 130–143. – DOI: 10.24412/2070-9773-2024-11215-130-143.
7. Федоров, А. В. Образ Белого движения в российском кино. Характеристика на современном этапе (1992–2016 гг.) // European Researcher. Series A. – 2016. – Т. 105, вып. 4. – С. 216–230. – DOI: 10.13187/er.2016.105.216.
8. Hobsbawm, E. J. The Invention of Tradition / E. J. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – VI, 320 p.
9. Sztompka, P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change // European Journal of Social Theory. – 2000. – Vol. 3, no. 4. – P. 449–466. – DOI: 10.1177/136843100003004004.

УДК 351.85

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

РОМАНЕНКО АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ
студент
ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет»

Научный руководитель: Скорицкая Наталия Леонидовна
к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет»

Аннотация. В статье представлены результаты оценки эффективности государственного управления в сфере культуры Республики Крым, за период 2023–2025 гг. Исследование основано на анализе официальных статистических данных Министерства культуры Республики Крым, Крымстата и отчётных материалов ведомства. Рассмотрена динамика бюджетного финансирования, посещаемости учреждений культуры, кадрового обеспечения и реализации национальных проектов. Выявлены проблемные зоны в системе государственного управления культурой, включая неполноту открытых статистических данных, риски снижения бюджетного финансирования и кадровые проблемы. Предложены направления совершенствования управления отраслью.
Ключевые слова: государственное управление, эффективность управления, сфера культуры, Республика Крым, бюджетное финансирование, посещаемость учреждений культуры, национальные проекты.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SPHERE OF CULTURE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA (ON THE EXAMPLE OF SIMFEROPOL)

Romanenko Alexander Igorevich

Scientific adviser: Skoritskaya Natalia Leonidovna

Abstract. The article presents the results of evaluating the effectiveness of public administration in the sphere of culture of the Republic of Crimea for the period 2023–2025. The study is based on the analysis of official statistical data from the Ministry of Culture of the Republic of Crimea, Krymstat, and departmental reporting materials. The dynamics of budget financing, attendance of cultural institutions, staffing, and the implementation of national projects are examined. Problem areas in the system of public administration of culture are identified, including incompleteness of open statistical data, risks of reduced budget financing, and staffing problems. Directions for improving the management of the industry are proposed.
Keywords: public administration, management efficiency, cultural sphere, Republic of Crimea, budget financing, attendance of cultural institutions, national projects.

Введение

В условиях цифровой трансформации публичного управления и перехода к новым национальным проектам особое значение приобретает способность органов государственной власти анализировать статистические данные, выявлять проблемные зоны в управленческой деятельности и разрабатывать обоснованные предложения по повышению эффективности бюджетных расходов [1, с. 112–113]. Согласно Государственной программе Республики Крым «Развитие культуры, архивного дела и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым», сеть учреждений культуры региона насчитывает 1397 объектов, где работают около 6,5 тыс. человек [2].

Актуальность исследования на уровне Республики Крым обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, Крым является регионом, прошедшим полный цикл интеграции в правовое и управленческое поле Российской Федерации, что делает его уникальным объектом для оценки эффективности государственного управления. Во-вторых, переход от национального проекта «Культура» (2019–2024 гг.) к национальному проекту «Семья» (с 2025 г.) создаёт новый этап в развитии культурной политики, требующий анализа достигнутых результатов и определения новых приоритетов.

Цель исследования – оценка эффективности государственного управления в сфере культуры Республики Крым на основе анализа открытых статистических данных за 2023–2025 гг.

Основная часть

Методология исследования. В работе использованы методы анализа нормативных правовых актов и программных документов, статистический анализ количественных показателей деятельности учреждений культуры, сравнительный анализ динамики показателей за 2023–2025 гг.. Источниками данных послужили официальные сайты Министерства культуры Республики Крым, Крымстата, Единый портал бюджетной системы РФ, а также итоговые коллегии Министерства культуры Республики Крым.

Результаты исследования. Проведённый анализ показателей деятельности Министерства культуры Республики Крым за 2023–2025 гг. позволил выявить следующие основные тенденции.

1. Динамика бюджетного финансирования.

Финансирование сферы культуры является ключевым индикатором эффективности государственного управления отраслью, поскольку от объёма и стабильности бюджетных ассигнований напрямую зависят доступность культурных услуг для населения, состояние инфраструктуры учреждений и уровень оплаты труда работников. Анализ динамики бюджетных ассигнований позволяет оценить, насколько государство выполняет свои обязательства по поддержке культурной сферы и создаёт условия для её устойчивого развития. Кроме того, сопоставление плановых и фактических показателей финансирования даёт возможность выявить отклонения в освоении бюджетных средств и своевременно скорректировать управленческие решения. Особую актуальность такой анализ приобретает в условиях перехода к новым национальным проектам, когда требуется оценить преемственность финансовой поддержки отрасли и её соответствие стратегическим целям государственной культурной политики.

Таблица 1

Динамика бюджетных ассигнований на сферу культуры Республики Крым (2023–2025 гг.)

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Ассигнования (план), млрд руб.	3,8	3,8	4,5
Ассигнования (факт), млрд руб.	3,8	3,8	4,2
Финансирование национального проекта «Культура», млн руб.	179,5	137	завершён
Финансирование национального проекта «Семья», млн руб.	–	–	133,3

Как видно из таблицы 1, объём плановых бюджетных ассигнований на сферу культуры увеличился с 3,8 млрд руб. в 2023–2024 гг. до 4,5 млрд руб. в 2025 году, фактическое исполнение составило 4,2 млрд руб. при 100% освоении [5]. 75% средств стабильно направляется на государственные учре-

ждения культуры. Общий объём финансирования Государственной программы «Развитие культуры, архивного дела и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым» на 2023–2027 годы составляет 18,6 млрд руб., из которых 12,2 млрд руб. – средства бюджета Республики Крым [2].

2. Посещаемость учреждений культуры. По данным Министерства культуры Республики Крым, ежегодная посещаемость учреждений культуры региона составляет порядка 10 млн человек [5]. В 2025 году музеи Крыма посетили более 3 млн человек, театры – свыше 470 тыс. зрителей, библиотеки обслужили около 526 тыс. пользователей [5].

3. Реализация национальных проектов. За период реализации национального проекта «Культура» (2019–2024 гг.) в Крыму капитально отремонтировано 74 объекта культуры, осуществлена реставрация 23 объектов культурного наследия, создано 8 модельных библиотек, приобретено 10 автоклубов. Повышение квалификации работников культуры нарастающим итогом достигло 2 520 человек [2].

С 2025 года реализуется национальный проект «Семья», включающий федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры». В его рамках в 2025 году проведены капитальный ремонт 1 ДШИ и 1 библиотеки, созданы 2 модельные библиотеки, технически оснащены 2 музея, укреплена материально-техническая база 25 домов культуры и 2 театров, приобретено 65 комплектов кинооборудования [5].

4. Кадровое обеспечение. Численность работников культуры стабилизировалась на уровне 6,5 тыс. чел. Средняя заработная плата демонстрирует устойчивый рост: с 36 483 руб. в 2023 г. до 41 870 руб. в 2025 г. (прирост 14,8%). Ежегодное повышение квалификации стабильно на уровне 524 чел. Программа «Земский работник культуры» в 2025 году выполнена на 58,8% (20 чел. при плане 34 чел.) [5].

Выявленные проблемные места. На основе проведённого анализа выделены следующие проблемные зоны в системе государственного управления культурой:

1. *Неполнота открытых статистических данных по отдельным учреждениям.* Статистическая отчётность публикуется в агрегированном виде по Республике Крым в целом, без детализации по конкретным учреждениям, что затрудняет адресную оценку эффективности.
2. *Риски снижения бюджетного финансирования.* Согласно бюджетным планам, объём средств на культуру в 2026 году составит 4,3 млрд руб., что ниже показателя 2025 года (4,5 млрд руб.).
3. *Кадровые проблемы.* Программа «Земский работник культуры» выполнена лишь на 58,8% (20 из 34 чел.), что связано с недостаточной информированностью потенциальных участников. Ежегодный охват повышением квалификации составляет около 8% от общей численности работников.

Предложения по совершенствованию управления. По результатам исследования предложены следующие направления повышения эффективности государственного управления в сфере культуры:

1. *Повышение информационной открытости.* Рекомендовано Министерству культуры Республики Крым публиковать на официальном сайте ежегодные отчёты с детализацией ключевых показателей (посещаемость, количество мероприятий, бюджетное финансирование) в разрезе отдельных государственных учреждений культуры.
2. *Совершенствование финансовых механизмов.* Предложено усилить работу по привлечению внебюджетных источников финансирования (гранты, спонсорские средства), внедрить систему грантовой поддержки творческих проектов.
3. *Кадровое обеспечение.* Рекомендовано активизировать информационную кампанию о программе «Земский работник культуры», упростить процедуру подачи заявок, увеличить квоты на повышение квалификации для работников культуры и внедрить систему дистанционных образовательных программ.

Заключение

Проведённое исследование показало, что система государственного управления в сфере культуры Республики Крым в 2023–2025 гг. демонстрирует положительную динамику финансирования (рост на 18,4%), перевыполнение плановых показателей посещаемости учреждений культуры в 2024 году и успешную реализацию национальных проектов. Однако выявлен ряд проблемных мест: неполнота открытых статистических данных, риски снижения бюджетного финансирования в 2026–2027 гг., кадро-

вые проблемы и недостаточная интеграция муниципальных учреждений в федеральные программы.

Предложенные направления совершенствования управления (повышение информационной открытости, совершенствование финансовых механизмов, кадровое обеспечение) позволят повысить прозрачность управления, увеличить доступность культурных услуг, обеспечить эффективное использование бюджетных средств и улучшить кадровый потенциал государственных учреждений культуры.

Список источников

1. Ачкасов А. В. Критерии эффективности государственного управления как механизм коммуникации власти и общества // Коммуникология. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 209–219.

2. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (ч. I). – Ст. 7753.

3. Волков В. А., Востряков Л. Е. Консервативный реализм как идеология современной государственной культурной политики России // Культура и образование. – 2022. – № 3 (46). – С. 14–20.

4. Ермолаева П. О. Методики оценки эффективности учреждений культуры: опыты сравнительных исследований // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2011.

5. Министерство культуры Республики Крым: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://mkult.rk.gov.ru (дата обращения: 10.06.2026).

© А.И. Романенко, 2026

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДНИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции
г. Пенза, 30 октября 2026 г.
Под общей редакцией
кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 1.11.2026.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 16,5

МЦНС «Наука и Просвещение»
440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10
www.naukaip.ru

16+